

Дорогой читатель!

Перед вами — литературная попытка зафиксировать тот непродолжительный срез времени, когда киевляне с особенной активностью сопротивлялись варварской застройке своего города. Немало эпизодов неравной битвы киевлян с административно-строительной мафией отображено авторами почти «с натуры».

Земля стала источником дохода ненасытной правящей верхушки. Как следствие, на глазах киевлян умирает неповторимая киевская природа. Судовая система и правоохранительные органы, игнорируя экологические преступления, обслуживают власть предержажших. Наблюдается искажение моральных ценностей в обществе. Взаимоотношения общественности с властями в Украине достигли тупика. Такие пороки, как ложь и алчность, стали обыденностью и нормой для тех, кто продвигается по коридорам власти.

Спасение естественной природной среды и обитающих в ней животных — это единственный путь самосохранения человека как вида. Сегодня эту простую истину осознало подавляющее большинство цивилизованных людей. Представителей власти и бизнеса, которые закрывают глаза на эти реалии, следует без обиняков называть экологически преступниками.

Авторы книги, используя жанр фантастики, описывают чудесным образом изменённый социальный строй на отдельно взятой территории. На Жуковом острове (заповедная зона Киева, подвергающаяся риску застройки) восставшие киевляне создают новую форму социального строя, основанную на уважении к природе, свободную от потребительства и двойных стандартов.

Книга отображает киевские реалии, но она будет близка харьковчанам, днепропетровцам, львовянам, донча-

нам, питерцам, москвичам, жителям других городов и регионов мира, где власть уничтожает зелёные зоны и попирает права своих граждан.

Книга является своеобразной декларацией Союза свободных журналистов «Природа — прежде всего». Повесть была впервые издана в декабре 2008 года небольшим тиражом. Новое издание, исправленное и обогащённое новыми фрагментами, издаётся по просьбе читателей. Особую признательность за финансовую поддержку выражаем Наталье Клузо, россиянке, живущей в Париже.

Союз свободных журналистов «Природа прежде всего»

*Посвящается любимому Городу
и его защитникам*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Линк-Линк и **Слава Выгурин** — журналисты-анархисты.

Иван Росомаха — энтомолог.

Светлана — защитница Леса.

Назар, Дрок, Стриж, Лука, Щорс — эковоины.

Саша Глумов — киевский интеллигент.

Рита Розанова — телеведущая.

Хам Грядущев — градоначальник.

Сашуля и **Васюля** — заместители градоначальника.

Вася Рагуль — депутат Партии Провинциалов Украины в горсовете.

Левко Похабидзе — президент строительной компании «Юрский период».

Семён Гусь — редактор отдела новостей газеты «ИМ».

Шершнёвский — лидер общественного движения.

Эммануэль Мурсалова — редактор отдела «Звёздная жизнь» газеты «ИМ».

Вениамин Обжоров — генеральный директор медиахолдинга «Идеалы Майдана».

Пётр Птицын — слуга божий, по совместительству депутат.

Великий Химик — светило столичной науки.

Елена Волна и **Всеволод Киевский** — скандально известные писатели.

Адам и **Ева** — жители Киева.

Марвин Химайер — Дух Протеста.

Служитель Тьмы.

Дух Города.

Пролог

Асфальт таял на солнце, как шоколад. Деревья роняли на тротуары преждевременно пожелтевшие листья. Одинокое прохожие лениво брели, обмахиваясь веерами или газетами, с неизменными бутылками нагретой воды, не утоляющей жажду.

Природа ждала дождя, но в воздухе звучала одна лишь дразнящая капель кондиционеров. К вечеру жестокое июльское солнце закатилось за крыши домов и утонуло в Днепре. Город вздохнул с облегчением и стал готовиться ко сну.

В синих сумерках на улице Гончара засуетились груды теней. Группа людей в неброских серо-чёрных одеждах соорудила нечто, что вскоре оказалось театральными подмостками. К месту действия, расположенному на улице, не привыкшей к людским сборищам, стали сходиться люди. В их облике было что-то общее, и, вместе с тем, они разительно отличались от обывателей, празднично шатающихся по городу. Но когда к самодельной сцене, попивая пиво, подходили обычные прохожие, их глаза загорались каким-то особым огнём, и лица приобретали осмысленное выражение. Между зрителями и актёрами возникало какое-то еле уловимое внешнее сходство. Что же там происходило такое, отчего толпа росла и обретала то, что разительно отличало её от уличных акций, ставших в ту пору такими привычными?

К тому времени сумерки сгустились, и на огромном проекторе, укрепленном на стене старого здания, появились два силуэта, созданные игрою света и тени. Бородатый брюнет в очках и живописной широкополой шляпе взял в руки микрофон, и его зычный баритон торжественно вознёсся над собравшимися:

Город безмолвствовал в предрассветном тумане. Два существа из огня и эфира склонились над его сонным ликом. Один из Духов был соткан из светлых лучей, другой был чёрен как уголь. Оба Духа созерцали спящий город и вели напряжённый разговор.

— Я призываю тебя остановить это безумие. Твои прислужники ранят мой Лик. Побойся гнева Создателя! — говорил светлый Дух.

— Разве они разрушают что-то? — возражал служитель Тьмы. — Они созидают новый город. Почему ты решил, что они так нуждаются в природе? А Твой Лик безнадежно состарился, так не лучше ли стереть его напрочь?

Два антипода, проектируемые на экран, воинственно жестикулировали и, казалось, вот-вот сойдут с импровизированной уличной сцены. Кроме зрителей, приглашённых и случайных, за дерзким перформансом следили ещё и острые, быстрые глазки, прятавшиеся под форменными козырьками. Периодически служители порядка отходили в сторону и что-то вполголоса наговаривали по рации. Тем временем сценическое действие шло своим чередом.

— Мой Лик творил Создатель, и никто не вправе его стирать, — отвечивал Дух Города.

— Тебе ли говорить о Божественной воле? Сам Создатель повелел людям плодиться и размножаться. Следовательно, жильё им намного важнее, чем старина и «зелёные зоны»... Кроме того, угодно ли Богу оставить твой Лик застывшим на веки вечные? Нет! А не замыслил ли ты уничтожить всех жителей города, лишь бы сохранить свой Лик?

— Ты сказал, лукавый! Ты сам управляешь этими людьми, подводя их к гибели. Уже не одно десятилетие над Киевом не Божья власть... Строительство насыщает карманы власть предержащих, и не ведают они, что творят. А простые киевляне по-прежнему ютятся в своих тесных кельях и молчат. Но есть и другие. Для них природа —

это не кладёзь ископаемых для бесконечных людских нужд. Пение соловьёв в роще под окном им милее шума автострады. Я знаю: они спасут мой благословенный Господом Лик.

В этот момент блюстители порядка заметно увеличились в числе и взяли зрителей в кольцо. Началась операция по задержанию. Все бросились врассыпную, в числе задержанных оказались беззащитные, увлечённые игрой актёры. И когда уже была арестована техника и отобран микрофон у бородатого ведущего, а сам ведущий отправлен, как и все участники перформенса, в кутузку — случилось нечто странное. На стене, с которой был сорван экран, по-прежнему продолжали спор две светящиеся сущности. И голоса их звучали так, словно они были живыми.

— И кто же они, твои спасители?! — Покажи мне их!

У начальника отделения майора Анищенко фуражка поднялась на несколько сантиметров над головой. «...» — вместо ругательства его рот бессмысленно открывался и закрывался. Он попятился, затем, с усилием овладев собой, жестами скомандовал покинуть место происшествия не менее оробевшим подчинённым.

А на стене всё полыхали два светящихся силуэта. Их словно позвали на бис, и они повторяли всю сцену, только источник звука на этот раз исходил не из колонок, а откуда-то с поднебесья.

— И кто же они, твои спасители?! — Покажи мне их!

— Они — пред твоим взором. Ты видишь их каждый день. Только их время ещё не пришло.

...Рассказывали, что милиционеры обыскали каждую квартиру, выходящую окнами на место разогнанной акции, на предмет выявления потенциального диапроектора. Ордоров на обыск прокурор выписал с лихвой — целую пачку. Менты были притихшие, они даже приносили извинения владельцам квартир, когда уходили ни с чем.

Каждый раз, когда они приближались к месту перформенса, то неизменно слышали: *«Я призываю тебя остановить это безумие. Твои прислужники ранят мой Лик. Побойся гнева Создателя!»*

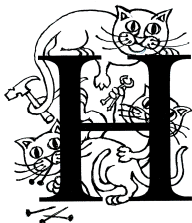
То же самое слышали и застройщики, соорудившие забор для строительства высотки на улице Гончара. Иногда силуэты двух духов во время ночных смен проявлялись прямо на заборе, перекрывая надпись «Застройке — НЕТ!» и повергая строителей в панику. Если верить слухам, работники из глубинки, нанятые на строительство, отказывались работать, — дескать, не Божье дело эта стройка. Они валялись в тени, тайком попивали пиво и резались в карты.

На самом деле была более весомая причина для простоя: строительная техника почему-то начала ломаться без видимых причин. Прораб и начальник охраны ушли в запой. Но и алкоголь не смог заглушить звучавшие из ниоткуда голоса:

- *И кто же они, твои спасители?!*
- *Вот они. Но их время ещё не пришло.*

Глава 1. «Кошкин дом»

О молотках и гвоздях, а также о том, как Линк-Линк с Выгуриным решили совершить велосипедную прогулку по ночному городу. Казалось бы, ничто не предвещало...

у и вонище тут у тебя, Линки! — вырвалось у Славика Выгурина, неловко пытавшегося за-тащить свой велик в тесный коридор «хрущобы». — Чем это так несёт?

— Экотажем, — пролепетала девушка, слегка смущаясь. — Э-э, то есть трикотажем...

— Три... чего? — спросил парень, переступая порог квартиры.

— Ну вот же...

В это время, как иллюстрация к сказанному, скрипнула дверца шкафа и оттуда показалась усатая морда здорового рыжего котяры. Затем, словно по сигналу, на плечи ошеломлённого Славика откуда-то сверху прыгнул полосатый «кошкочертёнок». Пушистое чудо тут же принялось массировать его плечи, прокалывая джинсовую куртку до болевых ощущений.

— Сколько же их у тебя? — отдирая от себя «кошати-ну», поинтересовался гость.

В это время, дополняя картинку, к штанине Славика начала принюхиваться третья хвостатая тварь, сиамских кровей.

— Я же говорю: три-КОТ-аж, три кота то есть.

— Понятно. А что такое ЭКОтаж? — не унимался внимательный Выгурин.

Но Линк-Линк уже не слышала — она пыталась достать свой велосипед из кладовки. Славик неловко топтался в прихожей, не догадываясь помочь хрупкой девушке. Велосипед задел какие-то железяки и раздался страшный грохот.

Тем временем шло к полуночи.

— Лена, кто там у тебя?! — рявкнул из спальни прокуренный мужской голос.

— Па, мы поедem кататься!

— Ты на часы посмотри...

Но в это время Линк смотрела на свои руки, измазанные мазутом — она пыталась вправить цепь, беспомощно свисавшую с выдавшего вида шоссейника. Славик по-прежнему, как остолоп, безучастно торчал в коридоре, не пытаясь помочь девушке.

— Ага, вот они! Подарок на 8 Марта от Назара, — Линки уже держала в руках плоскогубцы и ловко управлялась с ними, подкручивая в велосипеде какие-то гайки. Она и не рассчитывала на поддержку, видимо, привыкла со всем справляться сама. Нерешительный юноша смотрел на неё, как зачарованный. Она явно давала ему фору, и он пытался «догнать» её, но робость и смущение стояли преградой на его пути. И ещё этот Назар, о котором в городе ходили легенды... Плоскогубцы на 8 Марта... Да, такой духи не подаришь.

— Что, опять Назар?! — отец Линки словно подслушивал мысли Выгурина. — Опять гвозди с кладовки таскаете? Двухсотки-то нынче по четырнадцать гривен кило!

— Ну па! Я же тебе объясняла...

Тут в диалог вмешался недовольный женский голос, обращённый не к дочери, а к мужу. Далее разговор продолжился в приглушённых тонах. Родители о чём-то шептались, но одна предательская фраза всё-таки донеслась до девушки, шнурующей кеды: «Я в их возрасте девкам засаживал, а эти деревьям, блин, гвозди забивают! Вот молодёжь пошла! Неправильная какая-то...».

Линк-Линк с отвращением фыркнула и хлопнула дверь, не прощаясь. Дальнейшее отцовское «морализаторство» Линки и её друг уже не слышали. Они мчались по направлению к метро. Им нужно было успеть на последний поезд — иначе они потеряли бы силы на подъёме по Петровской аллее. А ехать с Лесного до центра на велике, да еще в паре с неопытным велосипедистом, было слишком рискованно.

Выгурин пыхтел на своём байке, старательно всматриваясь в дорогу. От непривычной перегрузки его покинули мысли о том, кто такой Назар, что такое «экотаж» и почему Линкиного папу волнуют гвозди.

Интерлюдия

Воркшоп¹ Ивана Росомахи по экотажу. Киев, окрестности Лысой горы, лето 20... года

«Друзья, сначала немного истории...

«Экотаж», или «экологический саботаж», берёт своё начало из деятельности радикальных экологических групп, подобных «Earth First!» («Земля прежде всего!»), появившихся в США, а затем и в Канаде в 1980-х. Позже экотажники дали знать о себе и в Европе.

В отличие от более известных организаций, таких как «Greenpeace» и прочих, «Earth First!» начала действовать гораздо радикальнее. Избрав своей тактикой герилью² против разрушающей дикую природу механизации, экотажники работали более скрытно, небольшими группами проверенных единомышленников. Ещё бы: действия эковоинов, как правило, выражаются в разрушении техники, энергоснабжения антиприродных объектов и заканчиваются, увы, нередко — тюремным заключением. Визитными карточками «Earth First!» стало шипование деревьев (вбивание гвоздей в стволы деревьев с целью предотвращения их порубки), выведение из строя лесопилок, разрушение мостов и строительной техники. Ах, да — и разрушение дорог, ведущих в укромные уголки дикой природы. Дороги всевозможными методами перекапывают, перекрывают и вбивают в них шипы, прокалывающие автомобильные покрышки.

¹ Воркшоп — семинар или серия встреч, обеспечивающих взаимодействие и обмен опытом; как правило, включает малое количество участников (*англ.*, сленг).

² Герилья (*исп.*) — партизанская война.

Идеолог и руководитель «Earth First!» Дэйв Формен, как и многие его последователи, получил срок за радикальную деятельность. Но осознанное, согласно специальному «Кодексу эковоина», ощущение себя воином на войне воодушевляет заключённых экотажников. Пребывая в тюрьме, они остаются воинами, воинами в плену. Никто из них не усматривает вины в своих действиях.

Эковоины защищают от разрушения природу, частью которой являемся мы сами. «Если посмотреть с точки зрения биологической объективности, то можно увидеть свет истины: истребляя биологическое разнообразие, производя токсины, разрушая основные системы жизнеобеспечения Земли, мы, люди, стали болезнью планеты. Организмы живых существ, сталкиваясь с болезнью или агрессивными микробами, производят антитела и бросают в бой морскую пехоту — белые кровяные тельца, которые сражаются и преодолевают агрессивные болезнетворные организмы. Возможно, этими антителами и являются защитники природы», — такую смелую метафору предлагает Дэйв Формен. Вряд ли человечество готово сегодня принять его точку зрения. За исключением отдельных смельчаков, норовящих перешагнуть барьер, отделяющий лицемерные правила поведения двуногих от истинных.

Если диссиденты подрывают устои тоталитарных государств, то дерзкий американец посягнул на тоталитаризм всей человеческой цивилизации. И в этом он не одинок: его идеи перенесли за океан и бродят по миру, обрастая новыми очертаниями. «Безумству храбрых поём мы славу...»¹

¹ Цитата из произведения Максима Горького «Песня о соколе».

Глава 2. Ночная подземка

О неопознанном сером предмете, отдельных сторонах полового вопроса, а также о технике проскальзывания велосипедистов в метро

той ночью им везло. Перед турникетом они «спешились». Надо было убедить дежурную, чтобы та пустила их в метро с велосипедами. Пока Линки шарила по карманам в поисках жетона, очкарик Выгурин удивлённо всматривался в некий странный расплывчатый предмет, напоминавший грязно-серый снежный ком. Тётки, с которой предстояло договариваться, в будке по-прежнему не было, время шло на секунды — вот-вот должен был подойти последний поезд.

— Что это? — заморгал усталыми глазами Славик.

— Тихо, — приложила палец к губам Линк. — Быстро пошли! — и она проскользнула через турникет, ловко протолкнув вперёд своего двухколёсного друга. Выгурин ринулся за нею вслед, едва не забыв бросить жетон.

«Снежный ком» оказался задней частью тетки, нагнувшейся в поисках завалившейся монеты. Она не заметила молодых людей, протащивших «незаконно» свои велосипеды через турникет.

— Yes! — подпрыгнула Линк. Её строгое личико озарила детская шаловливая улыбка.

«Внимание! Внимание! Последний поезд следует до станции «Академгородок»!»

Молодые люди упали, счастливые, на сиденье. Они были одни в вагоне. Их велосипеды, подобно влюблённым лошадям, сплестясь рулями, стояли рядом.

...Были ли влюблены друг в друга наши герои? Они сами этого не знали. Половой вопрос был настолько измазан грязью в их среде, что из чувства противоречия они предпочитали в свои двадцать два играть в подростковые игры. Ему нравилось общаться с этой девушкой, в которой не было и тени кокетства, которая была «своим парнем». А

ей было хорошо и безопасно рядом с этим славным малым. Да, он, мягко говоря, не спортивен, этот очкарик, предпочитающий компьютер и библиотеку «играм на свежем воздухе» вроде шипования деревьев. И всё-таки с ним было интересно. Сама того не сознавая, она решила для себя начать искусную «отделку щенка под капитана»¹. Ведь из умного, начитанного очкарика при определённых обстоятельствах можно сделать благородного рыцаря.

Итак, сегодня — уроки «верховой езды», сперва — на велосипеде. Завтра вместо меча она вручит ему гвозди-«двухсотки» и молоток. Они вместе будут выезжать в город, чтобы сражаться с железными драконами, пожирающими деревья. Те поломают зубы об их невинное оружие, и деревья будут спасены...

Так мечтала девушка в ночном вагоне метро, пересекающем сонные воды Днепра, в которых вспыхивали, отражаясь, светляки большого города. Затем огни исчезли. Поезд нырнул в тоннель и понёс поздних пассажиров дальше, в неизведанные глубины Правого берега.

Вдруг Линки обдало холодком. В соседнем вагоне она заметила чёрный силуэт громадной птицы из отряда вороновых.

Выгурин уловил ужас в глазах девушки.

— Что с тобой? Ты будто увидела привидение!

Взглянув в том же направлении, Славик приветственно замахал рукой:

— Это же мой знакомый гот!²

Линк-Линк протёрла глаза. Точно, щуплый парень в чёрном стильном одеянии по-птичьи взгромоздился на сиденье. На приветственный жест Выгурина он не отреагировал, оставаясь мрачным и невозмутимым.

— Странно, я, наверное, ошибся, — пробормотал Славик, которому хотелось похвастать перед Линки своим экстравагантным знакомством.

¹ Цитата из повести «Морской волк» Джека Лондона.

² Гот (женск. «готесса») — представитель «готической» субкультуры, возникшей в Западной Европе в 80-х гг. XX в. на основе музыкальных течений «post punk» и «death rock».

— Все готы похожи друг на друга, — небрежно бросила Линки. Она уже овладела собой, но всё-таки необычное чувство не покидало её.

Они ехали довольно долго. Но сколько? Мониторы в вагонах были отключены. Мобильные глючило. Линк-Линк казалось, что поезд уходит всё глубже и глубже под землю...

Славик тоже обалдело смотрел на свой погасший мобильник. Часов у велосипедистов не было. Вагон был пуст, машинист между тем исправно объявлял станции. Вслушавшись в то, что он говорил, молодые люди пришли в смятение: «Станция “У погибшего велосипедиста”. Осторожно, двери закрываются, следующая станция “Пейзажная аллея”».

— Шутник машинист, — произнёс Славик. — Наш человек! Это он для нас так старается. В это время по домам разъезжаются всякие панки, готы и анархисты.

— ...и сбившиеся с правильного пути журналисты, — нервно хихикнув, подхватила девушка.

— Да, мы с тобой уж точно «неправильные» журналисты. И куда мы едем, на ночь глядя?

— А в никуда!

Друзья смеялись, стараясь скрыть от самих себя легкий холодок тревоги.

— Станция «Святая София». Осторожно, двери закрываются, — бесстрастно объявлял машинист. — Следующая станция «Град обречённый».

— Ну артист! — молодых людей захватила волна какой-то наигранной, киношной опасности.

— Ну что, выходим здесь? — заговорщицки прошептала девушка.

— Ага, — откликнулся Выгурин. — «Град обречённый» — это для нас. Ведь мы с тобой *обречены* на успех. Это же какой репортаж можно об этом всем сделать!

Молодые люди шагнули в неизвестность новой станции. Линки продолжала:

— Да, но только кто его купит?.. Ты знаешь, меня на днях уволили из «Идеалов Майдана».

— За что?

— Владелец «Идеалов» держит строительную фирму под видом реставрационной и торгует карпатским лесом, а я, как дура, репортажи об антизастроечных протестах пыталась протаскивать... Ну, начались придирки: неформат, дескать. И Гусь этот со своими секси-тренингами, козёл...

— Сочувствую... — начал было Славик, но его благородный порыв был прерван неожиданным зрелищем.

На платформе расположилась стайка девушек в мрачном готичном прикиде, с накрашенными чёрной помадой губами. Они непринуждённо сидели прямо на полу, свесив с платформы ноги в стилах и нарочито продырявленных чулках.

На часах метро слепо мигали сплошные нули. Было далеко за полночь. «Куда едут среди ночи эти непослушные дети и что их ждёт на том конце пути?» — думала про себя Линки.

Выгурин украдкой щёлкнул готесс своим фотоаппаратом, который по профессиональной привычке вечно болтался у него на груди. Выворачивая шею в сторону своих случайных «моделей», он поплёлся за Линки. Она уже за таскивала велосипед на пустой эскалатор, ведущий наверх.

Интерлюдия

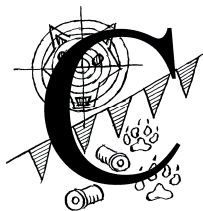
О пользе экотажа

«Представьте себе семью диких кабанов, регулярно приходящую к прикормочной площадке. Откуда им знать, какую угрозу несёт им охотничья вышка на краю площадки? Вот как-то они приходят пообедать... а с вышки высывается какой-то ублюдок из ментовского начальства со служебным АК и просто их расстреливает, доказывая тем самым превосходство человеческой подлости и жестокости над диким зверем. Я не могу не жечь такие вышки».

(Из записей украинских эковоинов)

Глава 3. Одиннадцатая заповедь

Друзья предаются размышлениям и расстаются со своим страхом. Сон Выгурина

нисходительная защитная ухмылка некоторое время не сходила с уст Линк-Линк. Она пыталась обуздать свою ревность. «В конце концов, Выгурин идёт за мной, а не волочитя за этими ряжеными. Вот и здравая мысль, держись за неё!» — внушала себе Линки. Но тут сомнения иного рода начали терзать девушку: правильный ли выбор она сделала? Стоило ли брать этого легкомысленного мальчишку в рискованное ночное путешествие? Достаточно ли она его испытала? Вероятно, для него это не более, чем интересное приключение, и гораздо более острое, чем посещение ночных клубов, готических тусовок, этно-роковых скопищ, байкерских шабашей... Предчувствие подсказывало Линки, что этой ночью с нею (с ними?) должно произойти нечто необычное, что изменит всю её (их?) жизнь. И, как знать, возможно, путь последних её лет — отречение от обычных, свойственных её возрасту житейских радостей, убеждённость в собственной правоте, поиск выхода из душного мира обмана и разочарований — сегодня подходит к развязке?

«Чего ты стоишь, Линки? — спрашивала себя девушка. — Может быть, всё это время ты просто играла в свою маленькую войну, рядилась в чужие одежды, подыгрывала киношным героям — и делала всё это, чтобы не сойти с ума в этом диссонирующем, ущербном мире? Не был ли твой путь своего рода бегством? А кто-то там, наверху, могущественный и всезнающий, смотрит на тебя со снисхождением, как на божью коровку, бегущую по его мощной длани... Да, Линки, ты и твой друг — маленькие букашки, которые занимают свою нишу в этой давно просчитанной «экосистеме». Жизнь пока ещё не вышибла из вас иллюзию, что вы что-то можете изменить. Славка, такой книжный домашний мальчик... Как он поведёт себя, если...»

— Линк! — голос Выгурина раздался, будто издалека. — Смотри, кажется, это уже третий эскалатор пошёл!

— Эскалатор never stop! — попыталась отшутиться девушка.

— Линк, что происходит?!

— Ты у меня спрашиваешь? Это четвёртый уже... — Растерянное лицо Линки отражалось в беспомощно мигающих глазах Выгурина. — А обратно уже нельзя!

Славик огляделся вокруг, словно ища выход. Тёмные стены тоннеля... Непослушный велосипед в руках, всё норовящий съехать вниз... Выгурин сжимал руль взмокшими ладонями, бессознательно отмечая, что пошёл уже пятый эскалатор... Шестой...

Ему стало страшновато. Он даже закрыл глаза. Потом раскрыл. Нет, это был не сон.

Впереди, ступенькой выше, стояла Линк-Линк. Она без усилий удерживала свой велосипед на эскалаторе. В её лице появилось отрешённое выражение, но оно не было признаком страха или растерянности. Она была сейчас даже собраннее, чем обычно. И что-то подсказывало пустившемуся в рискованную авантюру журналисту, что с этой девушкой ему бояться нечего. Он опять прикрыл веки и увидел странное видение, будто выхваченное вспышкой огня из темноты. Он это уже видел когда-то во сне.

...Стая волков пыталась вырваться из облавы. Они слышали пугающие звуки рожков, гнусное улюлюканье егерей, собачий лай, трескучие выстрелы. Каждый звук вонзался в волчье сердце, пульсировал в воспалённом мозге, и шумовое кольцо смыкалось. Волки начали метаться. На языке они чувствовали привкус металла. От страха звери начали терять силы.

...Три дня назад их вожака пристрелил приезжий столичный дядька на джипе, со свитой холуёв, — из тех, кто считает себя хозяевами жизни. По иронии судьбы, его фамилия была Волчёнков... Его фото с трупом матёрого разместили глянцевого журналы, обслуживающие нардепов. Самодовольный охотник что-то врал в интервью о схватке

с хищником, о силе духа и прочую мужеподобную чушь. На самом деле волка выследила свора наёмных егерей, и брюхастому депутату осталось только прицелиться из ружья с оптическим прицелом и нажать курок.

В то утро у Волчёнкова с похмелья дрожали руки. Он то и дело отхлёбывал коньяк из фляги. Наконец алкоголическая пляска прекратилась. Всё шло к развязке: в перекрестии оптического прицела оказалась широкая грудная клетка зверя. Народный избранник нажал курок — но алкоголь дал о себе знать: его рука дрогнула и пуля раздробила животному бедро. Потом егеря ещё долго шли по кровавому следу и добивали побеждённого в неравной схватке вожака. Нардеп в это время наблюдал за кровавой сценой в бинокль и сосал толстую сигару. Его напоминающая свиное рыло физиономия расплылась в низменной улыбке, когда холуи бросили к его ногам бездыханное тело благородного животного. Тут же защёлкали камеры, запечатлевая мужество народного избранника. Пьяная оргия продолжилась — с плясками вокруг мёртвого зверя, побеждённого подлостью человека. На следующий день, опохмелившись, поехали на джипах добивать остальных.

...Обезглавленная волчья стая напоминала стадо овец, которых гонят на бойню. Звери бежали, не разбирая дороги. Их гнал животный страх, — страх, убивающий мысль.

Но вдруг молодая поджарая волчица огласила пространство призывным рыком. Стая остановилась, подчиняясь её зову. Глаза волчицы полыхали диким зелёным огнём, в них проснулась ярость и непоколебимая воля, которые вытеснили страх. И стая поняла: она поведёт, она знает выход!

И он первым без оглядки пошёл за ней. За этой парой последовали и остальные: старые, усталые, отощавшие волки, отяжелевшие щенные самки, неопытный молодняк. Он слышал только их натужное дыхание позади и с новыми силами всё бежал и бежал за волчицей. Он знал, что это — их шанс спасти жизнь себе, спасти стаю от гибели, дать жизнь новым щенкам...

Она неслась гигантскими прыжками; казалось, она уже летела по небу. А потом страх опять сковал горло железным обручем: на пути к спасительному броду виднелась предательская гирлянда красных флажков — дело рук расчётливого двуногого хищника. «Они нас перехитрили... Мы сдаёмся...» — хрипели старики. Молодые скулили и поджимали хвосты. Никто из них не смел преступить закон красных флажков¹. Егеря были так уверены в силе своего магического заговора, что даже не выставили здесь дежурных.

...И вдруг случилось нечто непредвиденное, нечто неслыханное в истории волчьего рода: волчица победоносно зарычала и, поощрительно взглянув на своего избранника, ринулась через флажки к спасительной воде. Он бросился за ней, не раздумывая, в слепом восторге, в котором жажда жизни и страх смерти слились в единое целое. Он почувствовал в крови древний зов, призывающий пренебречь животным страхом ради чего-то более важного. Ради чего — эта тайна хранилась в самой глубине его волчьей души, не проявляясь в волчьем сознании. И только неукротимый зелёный огонь вспыхнул в его глазах с новой силой.

И вот они побрели в освежающей быстрой воде. Они шли вдвоём — стая не сумела преступить закон красных флажков. Но герои не думали об этом. Они пребывали уже в другом мире, свободном от страха и условностей. Он взглянул на волчицу, их глаза встретились. Они улыбались друг другу, эти звери, сумевшие свершить свой скачок в мир свободы.

— Одиннадцатая заповедь гласит: не бойся! — прорезался сквозь видение Выгурина задиристый голос Линки. Парень вздрогнул.

— Последний уже, Славик, седьмой. Пошли! У нас нет иного выхода, — добавила Линки и ринулась вперед. И Выгурин пошёл за ней. Всё сошлось. Страх отступил.

¹ Гирлянды из красных флажков используются для оцепления волчьей стаи на охоте. Аллюзия к песне Владимира Высоцкого «Охота на волков».

Глава 4. «Новостной» отдел

Редактор отдела новостей газеты «ИМ» Семён Гусь слегка подавился картошкой «фри», что не помешало ему провести тренинг для начинающих журналисток

П. Гусь, редактор новостей газеты «Идеалы Майдана» — гласила табличка на дверях «новостного» отдела.

— Вот ещё Гусь! Начальство, блин, — проворчал посыльный, только что доставивший Семёну Полиграфовичу картошку из «МакДональдса» (любимое блюдо Гуся со студенческой поры), но не получивший чаевых.

Семён Гусь — совсем ещё молодой человек, который пытается скрыть свой возраст за клинообразной жиденькой бородкой и чапаевскими подкрученными усиками. Он просматривает новости в Сети и бормочет такую похабень, что его секретарша Надя надевает наушники и вынужденно слушает нелюбимый ею первый попавшийся хард-рок. Стрелки часов смыкаются на цифре «12». В это время в кабинет залетает стайка девушек.

— Ну что, барышни, начнём? — произносит торжественно Гусь, слегка поперхнувшись при этом картошкой «фри» (видимо, посыльный, тщетно понадеявшись на чаевые, посулил ему «приятного» аппетита).

— Вот и тема для тренинга, — картинно откашливаясь, продолжил Гусь. — «Опасности большого города», вот. Спешил человек подкрепиться во время обеденного перерыва, подавился картошкой «фри» и...

— Умер? — вырвалось у одной девушки.

— Это вам решать. Клиент скорее жив, чем мёртв, или наоборот. Главное, выберите правильный жанр и соблюдайте три основных принципа журналистики, которые мы проходили на последнем занятии. Даю вам двадцать минут. Примерно на тысячу знаков, пожалуйста. — Гусь ставит песочные часы и фривольно разваливается в кресле. — Поехали!

Девыцы томятся, хихикают, что-то записывають, подглядывая друг к дружке в блокноты.

Редактор Гусь славился тем, что подбирал на работу покладистых и смазливых студенток не старше 20 лет — подходящая «глина» для кадров жёлтой прессы. А если попадалась «больно умная», повод её уволить всегда находился. Мужеского пола Семён Полиграфович в редакции не держал-с. Так что с гендерным вопросом, по его мнению, в коллективе был полный порядок.

Глава 5. Уволить журналистку

Как Линк-Линк оказалась безработной, а также о демонических существах, пожирающих город

инки работала в «ИМ» со времени Больших Перемен. Ещё летом того бурного года она носила значок «Свобода цены не имеет»¹. А осенью за эту самую свободу девушка вышла на главную площадь города. Ей казалось, что она несёт свой протест, словно меч. Хрупкая и наивная, она впервые почувствовала в себе силы сражаться с этим невидимым чудищем, пожирающим её мир. Будучи замкнутой и стеснительной от природы, она не любила пространств, заполненных людьми, но тогда она вышла — ради своей Свободы. Она думала в то утро, что на улицу выйдет жалкая горстка таких же упрямых одиночек, как она сама. Но таких набралось сотни тысяч, и они заполнили всё пространство на центральной площади города. И случилось чудо: эти люди перестали быть толпой. Линки не узнавала своих сограждан. «Таких ближних можно и возлюбить», — подумала она.

С тех пор девушку не покидало ощущение, что, выходя поутру из дому, она берёт с собой меч, сверкающий жарким солнечным светом. Это был цвет Линки. Он был её сущностью. С кем она сражалась? В первую очередь с собой, готовясь к будущим серьёзным битвам с «драконами», разрушающими старинные здания её любимого города, с «саранчой», пожирающей его деревья, с «упырями», сосущими из людских душ лучшее, что в них есть, оставляя липкий страх, тоску и бессилие...

Такой лучистой и отважной пришла Линки в газету с пафосным названием «Идеалы Майдана» — тогда оно ни-

¹ «Свобода цены не имеет» («Воля ціни не має») — название книги Ярослава Гайваса, деятеля украинской патриотической спортивной организации «Пласт», боровшейся с польской, а позднее немецко-фашистской оккупацией Галичины в 30–40-х годах XX века.

кому не казалось смешным. За эти годы Линки повзрослела, наивности в ней слегка поубавилось, но она не стала циничнее — в отличие от газеты, с которой происходили тайные и явные метаморфозы. Революция медленно пережёвывала своих детей. Линк защищалась, как могла. Огненный цвет революции в её сознании очень быстро преобразовался в зелёный, а сама она постепенно становилась мишенью для насмешек. В газету приходили «ремесленники», принося с собой налёт маркетинга, гламура и самоцензуры. Статьи Линки всё чаще и больше «резали», правили и не пускали в печать — за «устаревшую» жёсткую стилистику, за «неуместные» темы... «Вы бы мягче как-то, толерантнее. И побольше секса, скандала, гламура — людям это нравится, это сейчас покупают. Пипл хаваает»¹, — учил её редактор.

Линки невыносимо страдала, понимая, что ей нет места в этом прагматичном грязном мире. Зелёный цвет, став модным даже в одежде, так и не пустил корней в газете, которую перекупила крупная строительная компания. Её владелец был членом некогда любимой в народе партии «Украина — наша». Заголовки материалов Линки вроде «Саранча пожирает зелёные зоны столицы», «Продолжаются аресты зелёных рыцарей», «Менты на подтанцовках у строительной мафии» раздражали начальство. Среди коллег она тоже не находила единомышленников. «Негламурная она какая-то, эта Ленка», — косились на неё девушки, которых натаскивал на тренингах новый редактор Семён Гусь. Линк-Линк к его тренингам относилась с брезгливостью. Она давно уже привыкла к своему состоянию отчуждения. «"Одиночество бегуна на длинные дистанции"...² Держись, Линки», — говорила она себе с горькой усмешкой. Да, девушка знала, что путь предстоит дол-

¹ «Пипл хаваает» — сленговое выражение, обозначающее пощипывание вкусом массовой публики и одновременное навязывание примитивных стереотипов в СМИ. От англ. «people» — народ, «хавать» (жарг.) — есть.

² Название новеллы английского писателя Алана Силлитоу.

гий и сражаться придётся ещё не раз. Но она не теряла надежды встретить близких по духу людей. Ведь что-то подобное было же тогда на Майдане...

Как известно, желания имеют свойство сбываться. Её сигналы были услышаны. Всё чаще, открывая электронную почту, она видела приглашения «*выйти на улицу*»¹. И Линк-Линк выходила.

...Этих людей Линки называла эковоинами, в «охранке» они числились под условным названием «анархисты». Они не были наивными детьми и сознавали, что, разрушая заборы, они только замедляют застройку. Но заминкой строителей пользовались подкованные и активные граждане, которые забрасывали прокуратуру и власти протестными заявлениями, дёргали депутатов, становящихся перед выборами на удивление сговорчивыми. Таков был «симбиоз» протестного духа, помноженного на интеллект. Линки часто стояла на стрёме, пока Дрок, Щорс и Назар сражались врукопашную с заборами. Возвратившись домой, она строчила свои статьи, а на рассвете выходила шиповать деревья. Её научил этому Росомаха, автор учёного труда «О правильном шиповании деревьев и других приёмах экотажа». Шипование было верным способом защитить зелёных жителей города от бензопил. Гвозди двухсотого калибра были надёжным оружием в борьбе с зубами Дракона. Пока что ни одна бензопила не могла выдержать схватки с невидимыми стальными препятствиями, таившимися в теле дерева.

Жизнь Линки и её соратников была преисполнена постоянного риска. Они знали, что в любой момент их могут вычислить, и были готовы к самому худшему.

Однажды служба МВД вывесила в Сети видео акции прямого действия, на котором анархисты валили забор, протестуя против уничтожения парка. В их рядах была и

¹ Лозунг левых анархистов, используемый движениями против варварской застройки (от англ. Reclaim the streets — лозунг и название движения против застройки исторической части Лондона в 90-х гг. XX века).

Линк-Линк, которую трудно было с кем-то спутать. Она даже не думала скрывать своё лицо, в её глазах вспыхивали зелёные искорки, и она дерзко бросала в камеру насмешливые взгляды. На её рюкзаке красовалась самодельная надпись «Природа прежде всего».

Такой «крамолы» «Идеалы Майдана» ей не простили. Сам владелец газеты Веня Обжоров пытался выведать имена её товарищей. Он долго сверлил её глазами, следил за её руками и жестами (Обжорова этим дешёвеньким приёмчиком натаскал его личный психоаналитик, спец по НЛП, работавший раньше в органах). «Так кому вы подносите патроны в свободное от работы время?» — издевательски вопрошал начальник. Линк товарищей на «допросе» не выдала, но себя защитить не сумела: слишком понятно было по кадрам оперативной съёмки, что она — не случайный человек среди этих парней в неприметной одежде, скрывающих лица под масками. «Вы же журналист, вы должны нести в массы мысль, что городу положено развиваться! Ведь строительство даёт городу «свежую кровь»! А вы что пишете? «Саранча», «драконы», «подтанцовки»?» — отчитывал «опального» автора Обжоров, перебирая её статьи в Интернете. Впервые владелец крупной строительной корпорации, прикупивший себе медиахолдинг, снял маску и обнаружил себя настоящего.

«Ах вот оно что! — вырвалось у Линки. — Так вы... один из этих?..»

Обжоров насмешливо прищурился, встал из-за стола и картинным жестом широко распахнул дверь.

Так Линки окончательно рассталась с «Идеалами». Теперь она стала действительно свободной.

Глава 6.

Стройка, где похоронили Бога

Славик Выгурин задумывается о природе добра и зла, наблюдая двоемыслие и иезуитство священнослужителей.

ёлк... В объективе камеры — лысый дядя в строгом пиджаке, деловито общающийся с женщинами солидного вида, сидящими рядом. Щёлк... Камера запечатлевает дядю под точно выверенным углом, порождая кадр, который пойдёт завтра на обложку уважаемого журнала. А может, и не пойдёт, если редактор зарежет материал.

Действие происходит в известном информационном агентстве. За столом сидят спикеры — две представительницы благотворительных фондов, поддерживающих искусство, одна монахиня в рясе и тот самый лысоватый дядя, обозначенный на табличке как «искусствовед». Сбоку от них ёрзает представительница информагентства, отчаянно пытающаяся не грызть ручку и унять дрожь в руках в предчувствии «неудобных» вопросов.

— Во все времена люди искусства обращались к власти имущим, чтобы реализовать свои проекты, рассчитанные на века и многие поколения...

«Говорящие головы» всё говорят и говорят. Уже половину проплаченного времени. Камера ловит фокус... Щёлк... Щёлк...

На площади Лыбидской в Киеве хотят построить собор. Самый большой в Украине и, быть может, в СНГ. Как и полагается, с высоченными позолоченными куполами, с монументальными изображениями деяний из Святого писания на стенах, с паркингом и цокольными этажами неясного предназначения... Дядя-искусствовед разливается в похвалах духовному искусству, монахиня рассказывает полунамёками, как она ненавидит Пинчук-арт-центр и «современное искусство». Слышатся воспоминания о том, как в 30-е годы XX века уничтожали

лучшие умы Украины и как по сей день страна расхлёбывает содеянное большевиками. Дядя искренне ненавидит их.

Идёт презентация крутого арт-проекта, призванного выманить у олигархов побольше денег на постройку нового собора.

Только вот есть одна загвоздка.

— Ваши вопросы, господа журналисты.

Слава Выгурин откладывает фотоаппарат и поднимает руку.

— Есть ли у вас разрешение на землеотвод от Киевсовета? Как вы относитесь к тому, что на месте стройки по сей день делятся протесты местных жителей? Ведь это парк рекреационного назначения.

Зловещий хохот монахини в ответ.

— По поводу документов — посмотрите на сайте, там всё есть. А по поводу местных жителей — есть некая часть общества, которая всегда будет против церкви. Постоянно идёт борьба добра со злом!

Выгурин снова поднимает руку.

— То есть вы — добро, а киевляне — зло?

— Кто вам сказал, что те несколько человек, которые протестовали против стройки, это все киевляне? — огрызается дама из благотворительного фонда.

— Кроме того! — вскакивает администратор сайта ещё не построенного собора. — Это совсем не парк! Это запущенное озеро! Там ничего нет! А мы компенсируем срезанные деревья высадкой новых вокруг собора!

За спиной Выгурина встаёт юная журналистка, представительница одного из немногих независимых информсайтов.

— А всё же, были или нет общественные слушания по поводу застройки?

— Это не наша компетенция! Мы люди искусства! — вспыхивает лысоватый дядя. — Да, конечно, были! На сайте всё есть!

Елей и благодать, источаемые монахиней и другими выступающими на протяжении всех сорока пяти минут пресс-конференции, мгновенно улетучиваются. Воцаряется атмосфера злобы и слепой ненависти.

Берёт слово монахиня:

— Да, я против искусства, где рубят топором икону Божией матери и выставляют напоказ коровьи головы! А вы, наверно, один из его поклонников?

Выгурин молча ждёт конца пресс-конференции... Он тоже не любит Пингчук-арт-центр, а большевиков и по-давно. Но ещё больше он не приемлет двоемыслие и всяческую фальшь.

В зеленеющем (пока ещё) парке на Лыбидской группа молодых людей убирает мусор, шипует деревья и пишет граффити на заборе, поверх надписи «SOBOR.ORG.UA» и самопальной рекламы дельфинария «Нимо»: «Церкви — на святых местах, а не на месте парков!».

Солидные дамы и господа в роскошных «Бентли» и «Майбахах» съезжаются к Украинскому дому, где скоро начнётся благотворительная вечеринка в честь постройки нового храма.

Немолодой искусствовед подобострастно приветствует VIP-персон. В затаённых уголках его мозга бесстрастный калькулятор подсчитывает его долю прибыли, полученную в обмен на уничтожение последнего парка микро-района. На «скромном фуршете» на сумму несколько тысяч долларов слышатся звон бокалов и громкие напыщенные речи.

А в честь прибытия Московского патриарха на место стройки снайперы на подступах к объекту перезаряжают оружие, а группу лиц «спортивной национальности» уже везут на специальном автобусе к месту протеста... Выстраивается и одевает шлемы отряд «Беркута», готовый разогнать любых «provokatorov» и «нарушителей порядка», посмевавшихся протестовать против застройки «самосейного парка».

«Так, стало быть, вы — добро, а киевляне — зло?»

Глава 7. Дикорастущие деревья

Как подружились Линк и Слава, а главное, зачем...

олушутя-полусерьёзно Линк-Линк называла себя то «дикорастущим деревом», то «самосейкой». Она чувствовала своё родство с этими одинокими и беззащитными существами. Она спешила к ним на помощь с одного конца города в другой, присоединяясь к протестным группам анархистов-экосаботажников. Среди этих отчаянных, рискованных ребят она не чувствовала себя одинокой, хотя не становилась к ним ближе — многолетняя привычка отдельных «дикорастущих деревьев».

С некоторых пор Выгурин всегда оказывался рядом с нею. Неизменно со своим битым (в буквальном смысле) и переклеенным скотчем фотоаппаратом, болтавшимся на груди, подобно пулемётной ленте. И с репортёрским портфелем.

Знать бы их родителям, каким опасностям подвергают себя их дети, пытаясь спасти Город!.. Сами же взрослые, только единожды постояв на Майдане, дальше этого не пошли и незаметно для себя превратились в биомассу, удобную в пользовании во время выборов.

Да, там, куда ходили Линк-Линк и Выгурин, было опасно: шаг влево, шаг вправо — и тебе заламывают руки, пинают ногами, на твои рёбра обрушивается шквал дубинок. А дальше — наручники, «обезьянник» и прочая гадость. «У нас политических нет. Угодишь в кутузку к ханурикам и карманникам — одно бесчестье», — поучительно говорила Линк Выгурину — голубоглазому очкарику из профессорской семьи (и как его занесло в компанию анархистов?).

Молодые люди ходили по лезвию бритвы. Их давно уже «пасли» застроечные холуи и нанятые строительными боссами наёмники в камуфляже. Менты обычно грелись на солнышке рядом. Их «бобики» были всегда готовы к услугам: «Милости просим в нашу «гостиницу»! А дубинок горяченьких не желаете? Бесплатно катаем, бесплатно стрижем!»

Однажды группа защитников Города оказалась взятой в кольцо нарядом милиции, подкреплённым отрядом «беркутовцев». Анархистов было человек пятьдесят. Еще сотня горожан пассивно, хотя и с видимым удовольствием, наблюдала, как молодёжь рушит ненавистный забор вокруг их любимого сквера. Когда дело было сделано, выходить из осады поодиночке означало верный провал. Экосаботажники выбрали единственно правильный выход: понимая друг друга с полуслова, они быстро сплотились, как пчелиный рой, в одно мощное, гудящее, опасное тело.

Обычно не терпящая прикосновений, страдающая от давки в транспорте, девушка почувствовала, что здесь, в протестной толпе, стала клеточкой этого живого единого организма. Слева от неё стоял Выгурин, справа — отважный поджарый Стриж, за спиной слышался уверенный баритон Назара, впереди выступал гордый и независимый Щорс. «Вот я и дома», — подумалось Линк. Со своими родственниками и коллегами по цеху ей не было так комфортно, как с этими малознакомыми людьми, да ещё в такой опасной переделке. Так они и шли, бесстрашные, но не безрассудные, — навстречу «биороботам» цвета хаки. Милиционеры и их «пернатые» собратья из «Беркута» под укORIZненными взглядами сочувствующих, но пассивных жильцов не посмели тронуть взбунтовавшихся детей. Силовики отступили. А Защитники Города продолжали своё победоносное шествие. Их лица были вдохновенны. Так, наверное, шли на смерть их деды, защищавшие Киев от чужих и своих подонков во времена давно прошедшие. «...Вот мы с тобой и на фронте вместе побывали», — шутила Линки, сидя потом в кафе вдвоём (и опять вдвоём!) с Выгуриным. К чаю они купили один пирожок на двоих, на большее не хватило денег. «Так между ними свершился ритуал Преломления Хлеба», — с шутовской торжественностью произнёс Выгурин, разламывая пополам пирожок. С тех пор Линки, в детстве мечтавшая иметь брата, не чувствовала себя столь одинокой.

Журналисты помогали друг другу размещать свои статьи, иногда работали в соавторстве, и эти материалы пользовались неизменным успехом.

Они делили гонорары, но не делили постель. Молва уже давно объединила их, но эти двое, смеясь над пустыми сплетнями, оставались целомудренными, как дети. Вот так и шагали они рядом в своей непростой («фронтной», как говаривала Линки), жизни. Девушке безотчётно хотелось отдать Выгурину самое дорогое, что у неё было. Её стихи не были посвящены другу — она просто делилась с ним своим восторгом, который бурлил в ней, как в вулкане. А в обыденной жизни она оставалась сдержанной и застенчивой.

И вот однажды девушка задумала подарить ему то, что часто виделось ей во сне, когда её душа, выйдя из спящего тела, парила над Киевом и созерцала его совсем не таким, как в обычной жизни. Она подсознательно ощущала: мир, по которому она часто путешествует во сне, существует в реальности. Но только днём, в суете, его нельзя было ни разглядеть, ни почувствовать. Она понимала: Город, Дух Города просыпается тогда, когда спят его жители. Она давно ждала такого человека, который без лишних слов согласился бы отправиться с нею среди ночи на поиски того, чего она даже не могла описать словами.

Очевидно, эти дети Города, называющие себя братом и сестрой, давно научились понимать друг друга без слов.

Глава 8. Аппетит драконов растёт во время еды

О тайных директивах

Министерства экологии и строительства

азвязной походкой в кабинет градоначальника Хама Грядущева без стука входит молодой человек заурядной наружности, с неимоверно наглым выражением лица. Он одет в костюм от Кардена и сорочку-вышиванку. Шеф приветствует его кивком головы.

— Посмотри, Сашуля, что мне тут прислали.

Разберись-ка с этой фигнёй.

Молодой человек располагается в кресле, закидывая ноги на журнальный столик красного дерева, тербит шнурок вышиванки и читает: «Директивы Министерства экологии и строительства...»

— Сашуль, ну чё там пишут пацаны? Переведи на русский, чего они хотят, а то я ихнюю мову не разумею.

— Предлагают создать единый кадастр всех этих старых зданий, ну Лавра там, София, крепость эта, все эти домики-развалюхи позапрошлых веков, бл... . Ну, как мы им уже давно толкуем, надо снести все это старьё к ё... матери...

— Так не зря же столько бухла вместе выпито. И президент меня поддерживает. А некоторые тут сопли разводят: культура, понимаешь... Какая, на х... , культура, если там два-три этажа, а можно построить двадцать два и больше... Простейшая арифметика, шо ж тут понимать...

— Ну, теперь, шеф, остались одни формальности. Голосование надо как следует пробить на Киевсовете, все эти слушания, шоб эти, бл..., зелёные умолкли. Я тут с Веней Обжоровым уже перебазарил. Газетка у него эта популярная, «ИМ». Они умеют статьи делать толковые, подключим телевизор и население нас поддержит. Ну скажи, ну шо они могут нам сделать? Ну пикетик, ну забор, бл..., поломают, а мы новый, железный поставим. Это ж было, козлы, бл...

— Да, но есть эти... анархисты всякие, идейные как бы... Ты знаешь, Сашуля, шо они про нас в Интернете пишут? Как только они нас, бл..., не называют: и драконами, и гусеницами, и саранчой...

— Завидуют, — зевает заместитель.

— Сышишь... Надо их либо перекупить, либо отстрелять, как собак, ха-ха-ха, — градоначальник мечтательно закатывает глазки.

— Послушай, шеф, а может, они просто хотят, шоб мы их заметили, предложили им чего, а? Ну вот смотри, как «Порец» поднялся. Приехали босяки-босяками из зажопись, подрыгались на Майдане, закосили под идейных. Ну, а теперь смотри, свои ж пацаны. Удобно так: теперь наши заборы стерегут от всякой шантрапы, как собаки. И отпрыски ихние тоже нормальные чуваки, сговорчивые. А население смотрит и думает: а может, так и надо, шоб вырос домик вместо сквера задрыпанного, самосейного?

— Да пробовал уже Васюля дела с этими идейными по-решать. Говорит, ничего они не хотят, отвязанные совсем, анархисты хреновы.

— Молодые ещё, бл... . Им бы по жопе надавать, как следует, да родители шоб были в школе. Ха-ха-ха.

— Послушай, давай с Ярмолой проведём беседу, шоб он своих ментов там подкрутил. Закреть некоторых тут надо — а остальные притихнут. А может, и убрать кого...

Глазки Сашули становятся маленькими, как у Бенджамина Франклина на сто долларовой купюре.

— Ну да, шо ты смотришь? Да, совсем убрать! А ты как думал?.. Это стоит того. Лавэшка-то какая, Сашуля! Нешуточная лавэшка нам капает. Это уже не лавэшка, а бабло¹. А оно, как известно, побеждает... ну это, как его?..

Сашуля, позёвывая:

— Добро!

— Точно! — На этом месте градоначальника переключивает:

¹ Лавэ, лавэшка, бабло (жарг.) — деньги.

— Ведь я такой добрый человек, я так всех люблю! — и он чмокает своими вечно влажными губами, сложенными бантиком.

«А может, правду говорят, что градоначальник наш не настоящий, что у него органчик в голове, и не всегда там попадает на соответствующую шестерёнку», — думает Сашуля.

— Послушай, шеф, убрать — ни-ни. Это ж потом героя из него сделают, как из этого, шо голову отрезали. А нам ещё придётся ему памятник открывать, улицу его именем переименовывать. Оно нам надо? (Сашуля глубоко задумывается.) Шеф! Вспомнил! Есть у нас Вадик Гладкий. Он в этих делах шарит. Мочить никого не надо — Вадик всё чётко в своей газетке напишет, в Нэт запустит и на стенах расклеит. Всё будет чики-пики¹. Да после Вадиковых статей они обос...ся и не одуплятся!²

В это время Грядущев опять устремляет бессмысленный взор в неизведанные дали, в свои сладкие мечты полудиота. Его голова начинает вращаться, будто на шарнирах, по каким-то чудовищным траекториям.

Сашуля:

— Да, я совсем забыл. Я тут тебе бумаги на подпись принёс. Мешканцы, бл..., скарги пишут. Неймётся им никак.

Грядущев страдальчески морщится:

— Ну чего они от меня хотят, ей-богу? Ну шо за люди такие эти киевляне, почему они всегда портят мне настроение?! — капризно ноет градоначальник.

Он хватает бумаги, вертит их в руках, корчит рожи, давится смехом, сучит ногами под столом... Сашуля скучает. Грядущев, высунув язык, старательно, как школьник, выводит резолюцию: «*Васюля, разберись, чего от меня хочет вся эта шантрапа*».

Затем он входит во вкус и начинает самозабвенно развлекаться, подписывая бумаги. Его физиономия меняется при виде новой жалобы. Градоначальник выводит в угол-

¹ Чики-пики (жарг.) — всё будет хорошо.

² Раздуплиться, одуплиться (жарг.) — прийти в себя.

ке: «Васюля! Тут в старом ботсаду какой-то хрен провалился в туалет. Разберись с этим туалетом и с этим хреном». Глазки Грядущева становятся всё маслянистее, неприличный смешок вырывается из его «органчика».

Сашуля: «Шеф, вы кончили? Пора идти на земельную комиссию. Дедушкин с Поварёнком уже заждались, бл...».

Градоначальник, которого оторвали от его любимой игры, одурело уставился на Сашулю.

— Какая комиссия, родной? Ты шо, не видишь, я работаю!

— Земельная, говорю. Ну по этой же директиве от этих ё...х экологов-строителей. Надо прикинуть, где чего снести, сделать калькуляцию и всё такое...

Начинается заседание Комиссии. Собравшиеся разглядывают компьютерный макет города. Архитекторы Дедушкин и Приставнюк водят указкой по плану и по очереди держат напыщенные речи.

Дедушкин:

— Инвестиционный проект предполагает полную реконструкцию так называемого исторического центра. Фитнесс-центры, торгово-развлекательные комплексы, диснейленды будут приносить стабильный доход... э-м-м-м... городской казне. Газоны мы упраздним как явление архаичное и заменим их современными автостоянками. Итак, перейдём к показу конкретных объектов на нашем компьютеризированном плане города...

— Бл...! — взрывается заскучавший Грядущев. — Я ни хера не понимаю в ваших картах! Вы мне в натуре всё покажите!

Васюля: «Шеф, всё хорошо, всё будет чётко, думайте о хорошем. Машинка во дворе, пройдётте, пройдётте... Покаемся».

Вся компания ВИПов грузится в рабочие «мерсы» с тонированными стёклами. Перекрываются все центральные улицы, гаишники, матерясь, сдерживают моментально образовавшуюся по всему центру пробку. Громче всех матерится в служебном «Майбахе» Парасенко, который как раз едет отужинать с Обжоровым.

Тем временем в главном «мерсе» градоначальника разворачивается диалог, преисполненный высокого содержания и ответственности, характерных для державных мужей нашего времени.

— Ваня, — командует Сашуля, — гони в Лавру, родной!

К шефу: — Там работы непочатый край, такой участок пропадает зря. Ничейный участок в центре города, бл...!

Заезжают на территорию монастыря.

Сашуля:

— Вишь, как по заказу, ворота уже снесли. А то бетоновоз не мог протиснуться.

Градоначальник:

— Сашуля, я давно уже всё придумал. Тут ландшафт — чисто для «американских горок». Значит так: все эти пещеры там с костями и монахами и прочей фуйнёй перенесём за город. Петька уже дал согласие.

— Какой Петька?

— Ну этот, с Партии провинциалов Украины. Кароче, Дедушкин предлагает здесь сделать торговый центр «Лаврские пещеры», ну и, как положено, сауна там, фитнес-центр, казино, стрип-бар, ресторан «У Лавры».

Сашуля (поддакивая):

— Грандиозно, шеф!

Дениска:

— Только вот шумиха начнётся...

Грядущев:

— Значит, надо начать первыми. Экологов подключить, идейных выключить.

Зампреды в два голоса:

— Это как?

— Я уже говорил. Гладкого с газеткой само собой подключай. Дискредитация — его профиль... Еще этот есть... как его... Заслуженный наш эколог, Бoryжкин. И убрать кое-кого надо. Есть там парочка анархистов молодых, да борзых. Журналисты там с ними, Интернет этот грёбаный. Запретить бы эту всю фуйню...

Сашуля кивает:

— Понял, шеф! Принято к исполнению. А с «ЮНЕСКО» что будем делать?

— А по схеме. Как только старьё разрушается, его со списков «ЮНЕСКО» и вычёркивают. Можно пару пожарчиков устроить. Хорошо в этом плане Горлица работает, на Малой Житомирской у него старьё периодически горит, и комар носа не точит. Так что всё будет в лучшем виде.

— Конгениально, шеф!

Вся компания грузится снова в машину. «Мерс» движется к фитнес-центру «София Киевская». Вокруг расходятся концентрические волны непробиваемых «пробок». Диалог продолжается.

— Тут, Сашуля, ещё готель забачать нужно, домиков парочку, этажей с тридцать каждый, отгрохать с видом на купола — блеск!

«Мерс» катит по Старокиевской горе, на территории которой завершается строительство новенькой часовенки.

— А неплохой гендэлык, то есть, это, церквушку здесь Петька недавно соорудил, скажи? Типа под старину, из дерева, — сладострастно плямкает Грядущев.

— Так ещё ж места сколько тут осталось! Хватит на всех. Площадка, главное, готова, — услужливо замечает Сашуля.

— А эти, зелёные, пошумели-пошумели, бл..., да и успокоились. Ну сколько их там? Я же говорю, главное — правильно всё по ящику показать. Как «Канал частных новын» изобразит, так пипл и хаваает. Всё порешаем в лучшем виде, — вещает Васюля.

Шикарная иномарка мчится дальше по полупустым улицам. «А всё же неплохой органчик у шефа в голове устроен, мать его...», — думает Сашуля самодовольно, с видом хозяина оглядывая киевские земли. «Эх, поднялся же я, как поднялся!» — сладко жмурится зампред.

Интерлюдия 1

Город замер в дурном предчувствии и... расхохотался

— *Больной, вижу, вам уже лучше?*

— *Нет, я просто уже привык.*

Народный юмор

Эта история произошла ещё весной, в последний день предвыборных состязаний за кресло киевского городского головы.

Поутру, когда город притих и спрятался от дождя, скромная киевлянка вышла на прогулку с собачкой. Со всем недавно она отстаивала цветущий сад у своего дома, но после неравной битвы жителей с «братками» он был смет бульдозерами застройщиков.

К асфальту прилипли глянцевые бумажки, на которых знакомые до тошноты лица кандидатов в мэры, уже залепленные грязью, всё ещё хрипели в агонии: «Остановись и подумай!»

Женщина презрительно переступила через агитки, а её пёс всё-таки послушался и остановился. Затем подумал, понюхал глянцевую бумажку, поднял заднюю лапу и поставил свою «подпись». Через десять шагов очередной мэссидж бодро провозглашал: «Мы надеемся, что вы сделали правильный выбор!» Собака опять послушалась и ещё раз сделала, на этот раз большой и *единственно правильный* выбор — прямо на физиономию кандидату.

Женщина шла и смеялась. Она вспомнила, как при этом-то деятеле, успевшем наследить за время двух сроков своего мэрства, были уничтожены её любимые деревья. С тех пор в этом районе (как и во многих других) навсегда умолкло соловьиное пение. Теперь вместо цветущего сада в нескольких метрах от её окон гремит Окружная дорога, а закат заслоняют башни «ГорАда Солнца».

А собака вспоминала своих товарищей, сотнями тысяч переработанных заживо в мясорубках службы имени Шарикова — по велению того же неотёсанного дядьки с бегаящими воровскими глазками.

Но сейчас и хозяйке, и её собаке было легко и весело. Смех женщины звенел всё громче и заражал других «собачников», которые наблюдали эту сцену. Она обменялась понимающими взглядами со своими соседями, и все они вместе вдруг почувствовали, насколько они сильнее всех этих алчных жалких временщиков, живущих сегодняшним днём, забывающих о Высшем Законе, перед которым они рано или поздно понесут ответ.

Люди смеялись. Весело лаяли собаки. Жизнь после выборов продолжалась и временами казалась прекрасной. А тем временем тихая и подлая война власти с народом продолжалась.

Интерлюдия 2

Странные сны Великого Химика

Говорят, перед ответственными событиями часто снятся пророческие сны...

Близилась пресс-конференция в ХУЛИАН по вопросам дерибана имущества главного университета страны. Поводов для беспокойства у ректора сего заведения не имелось. Суды были надёжно «подмазаны», депутатская неприкосновенность стояла стеной перед любопытной пресой... А что ему может вменять в вину шантрапа из Интернет-газетёнок, а особенно зависимые от мановения его пальца студентишки?

«Знаємо ми їх, болезних. Хіпі, бл..., чи як їх там... анархістів цих. Все скверікі свої з пташками захищають... А шо вже захищати, якщо все майно вже поділене між нами, успішними людьми, топ-менеджментом суспільства?» — мыслил новомодными терминами ректор, отходя ко сну.

И приснился благочестивому светилу столичной науки дивный сон. Будто Днепр почему-то перекрыли насыпью с помощью гидронамыва. Посреди когда-то полноводной реки застройщики соорудили шлюз и пропускали через него корабли. При этом ректор отчётливо видел, как шлюз открывается и закрывается при помощи шлагбаума, а плату за «проплыв» с транзитных кораблей взимает са-

молично начальник стольного града Хам Грядущев. Он держит в руках копилку с надписью «*Богатые заплатят за бедных*». Градоначальник выряжен в милицейский мундир, на котором красуется звезда Героя Соцтруда, а нижняя часть вельможной персоны — о ужас! — обтянута нежно-розовыми панталонами. Грядущев трёт ножку ножкой и застенчиво хихикает.

Гаденький смешок столичного мэра заставляет ректора немало смутиться. «Как же так, в исподнем-то на люди выйти?» — мучается неразрешимым вопросом ректор. Пока он размышляет, как бы поделикатнее сказать высокоуважаемому о конфузе, к шлагбауму-шлюзу приближается «ракета» на подводных крыльях. На её палубе ректор замечает ненавистные рожи журналистов-анархистов, писавших на тему его удачных земельных сделок. «*Даёшь университетские земли под коммерческую застройку!*» — гласит транспарант, укрепленный на борту судёнышка.

Разнузданные акулы пера оглушительно смеются и тыкают пальцами в сторону Грядущего. «А король-то голый!» — кричат они, и ректор уже не понимает, в чей адрес: Хамов или в его. С ужасом он хватается за брюки и обнаруживает, что их нет. Только семейные трусы, белые в синюю полосочку, с игривой оранжевой подковкой на причинном месте. Холодный пот проступил на бледном челе ректора. Он вздрогнул и проснулся.

На душе ожесточённо скребли кошки.

«Як мене дістали ці журналісти, бл...», — подумал ректор, капая корвалол в антикварную мензурку. Затем светило науки с головой укрылось пледом, но навязчивый сон нашёл его и там.

Далее следовала вторая серия: Хам Грядущев садит дерево и поёт дурным голосом «Знову цвітуть каштани...». Сашуля и Васюля подыгрывают вооружённому лопатой певцу на дрымбе и цимбалах. Почему-то вся торжественная церемония происходит на крыше ещё не достроенного 34-го этажа Обсерватории Киевского университета. И опять наглые рожи журналистов-анархистов, которые на сей раз прилетают на вертолёте и спускают рулон, разво-

рачивающийся в виде плаката: «Вавилонская башня разрушена, колосс на глиняных ногах пал, время грядущего хама миновало». Вертолёт висит, дразня градоначальника со свитой.

Хам Грядущев, неловко подпрыгивая в своём розовом исподнем, тщетно пытается достать лопатой дерзкий плакат. С борта вертолёта под разухабистый гогот плывут по воздуху мыльные пузыри, они попадают в нисходящие потоки и лопаются, прикасаясь к голове Грядущева. Он бьёт их лопатой, чем ещё больше веселит пассажиров вертолёта.

Созерцающему феерию ректору запомнилась ещё одна деталь: на борту летательного аппарата красовалась наглая зелёная жаба...

«До чего б це?» — подумал ректор, продирая глаза. Пора было облачатся и выходить из дому.

Что-то очень отдалённо напоминающее совесть давило в груди. Отбиваясь от неё, родимой, как от назойливой мухи, учёный муж открыл потаённую дверцу, замаскированную пейзажем с подсолнухами на фоне украинской хаты. Волосатая рука по локоть погрузилась в нутро сейфа и извлекла несколько банкнот, рассортированных соразмерно достоинству и сложенных в аккуратные снопы. Как раз завершилась вступительная страд¹, во время которой всесильный хозяин вуза собрал очередной урожай. И теперь воплощённые в денежных знаках великие украинцы поневоле оказались в одной компании с ректором. «Пойманный» и заточённый в пятисотгривенную купюру Скворода, непохожий на себя, розовый, прилизанный, как топ-менеджер строительной кампании, с чувством превосходства взирал на фиолетового Грушевского достоинством в пятьдесят гривен. А тот, нисколько не смущаясь отмеренным ему невысоким рангом, лукаво подмигивал Лесе Украинке, оценённой в двести единиц девальвирующей украинской валюты. Но гордая женщина оставалась строгой и неприступной, мечтая на своём сиреневом бумажном поле о чём-то неведомом политикам и президентам. А на ли-

¹ Страд^á (устар.) — сбор урожая.

монно-горчичных сотках брели кобзари, переговариваясь о чём-то им одним понятном с молоденьким Тарасом. И хмурились на сотках размером поменьше, но того же достоинства, уже поседевшие Тарасы Григоровичи. И несговорчиво, прямо в глаза Великому Химику глядел лик Каменяра со своей, неизвестно как затесавшейся в собрание, помятой двадцатигривенной. А ещё недобро щурился глаз, украшавший пирамиду на обороте пятисоток. «Жидомасони, бл... . Це вони все...» — пробормотал господин ректор.

Прикосновение к хрустящим денежным знакам в тяжёлые минуты утешало Великого Химика. Но сегодня утром вождеденные купюры почему-то утратили своё целебное свойство. Химик зарычал, как лев от зубной боли, смял бумажки и погрузил руки глубже, в самые недра сейфа. Там под его трепетными пальцами отозвался нежным звоном подлинный металл. Ректор извлёк их целую горсть и долго взирал, как на его ладони мрачно отливают червонным золотом царские пятёрки. Пережившие не одно столетие, прошедшие через руки скряг, банкиров, казначеев, казнокрадов, воров, нумизматов, скупщиков краденного, жандармов, полицейских, милиционеров, энкаведистов, кагэбистов, эсбэушников, разорителей могил, беженцев и иммигрантов... И, наконец, наследников тех, кто утаил монеты, отдав их на хранение не сомнительным госбанкам, а праведной Матери-земле. И одному Господу известно, сколько человеческой боли и крови стоили эти тускло мерцающие монеты, коими был оплачен вход некоторых абитуриентов в храм науки, на воротах которой стоял он, Великий Химик.

Золотая симфония ласкала слух ректора-нумизмата и успокаивала его расшалившиеся нервы получше валидола, персена и водки. Часть этих волшебных кругляшек перекочевала в карман к судье, и это придавало ректору уверенности в собственной правоте. «А пусть докажут!» — с вызовом подумал учёный муж и начал завязывать на дебой шее галстук с отливающим золотом трезубцем.

Глава 9. Иной город

*Первая встреча героев с параллельным Городом
и его обитателями*

Непривычная пустота встретила ночных путешественников при выходе из стеклянных дверей метрополитена. Не слонялись по городу загулявшие мажоры, нёфоры¹ и прочие завсегдатаи ночных клубов. Не пересекали пространство улиц лучи фар несущихся автомобилей. Не ухала «железная баба», забивая сваи в тело Земли, не маячили подъёмные краны, не матерились строители. Куда-то исчезла реклама, настойчиво рекомендовавшая населению сигареты, водку, прокладки, политпартии и прочую дрянь. Было как-то неправдоподобно тихо и чисто в этом городе. Даже окурки, обёртки и пивные бутылки не шуршали под ногами. Без выхлопных газов и асфальтных испарений дышалось непривычно легко.

«Вот он, Господи!.. — прошептала Линки. — Смотри, Славик, смотри, это наш город!»

Выгурин шёл, как во сне. От небесного купола исходило мягкое сияние, освещавшее ночной город. Еле уловимая музыка органа доносилась откуда-то с высоты. Это был Город, которого они не знали, но уже начинали узнавать. Линки вспомнила, что здесь она часто бывала — тоже ночью, но только во сне. Она летела над Днепром, к Лавре, над галереей, ведущей к Дальним пещерам, устремлялась в сторону Большой Васильковской, окружённой в её снах холмами, поросшими густыми зарослями, парила над готическим шпилем костёла св. Николая...

¹ Нёфоры (жарг.; сокр. от «неформалы») — общее название для представителей различных субкультурных молодёжных движений. Определение «неформал» происходит от словосочетания «неформальные объединения молодёжи», возникшего в СССР в противопоставление «формальным» объединениям: комсомольской организации и других, допускаемых властью.

Эти сны повторялись, и она всегда смутно чувствовала, что этот Город настоящий, и существует он в реальной жизни, оставаясь невидимым для людей.

...Софиевская площадь — куда девались застройки новых вандалов? Бледно-лимонная Луна освещает фасады её старинных домов. Кто здесь живёт? Слышится тихий перезвон колоколов Братского монастыря, ему вторит эхо со стороны Десятинной церкви. Нет, это не мираж! Десятинная стоит в своей целомудренной красоте в окружении вековых деревьев, как стояла века. Ночной воздух ещё хранит вибрацию колоколов. А где-то внизу, на Подоле, на горе Щекавице звонят во Всехсвятской, а с Замковой отвечает Троицкая, отзываются Борисоглебская и Воскресенская, величественно звучит Михайловский Златоверхий¹. Все разрушенные киевские храмы поют осанну Всевышнему, сливаясь в единую высокую ноту. Здесь, в Ином Городе, они остались неприкосновенными для грядущего хама.

...В немом восторге брели наши герои по старинной мостовой неведомого и родного Города. В сиянии Луны сверкали купола Софии Киевской, очищенной от скверны новостроек. Пушки Киевской крепости взирали теперь с бастионов не на безвкусные стеклянно-бетонные постройки, а на истинный ландшафт Киева, по которому не раз в истории двигал свои войска захватчик. На этот раз враг пришёл изнутри. Не извне...

— Деревья, как много здесь деревьев!.. — тихо воскликнула Линки. Они вышли на улицу Толстого, где некогда обитали предки Выгурина, отселённые «хозяевами города» из центра на близкую периферию.

А с соседней улицы в одну из страшных ночей зловещий «воронок»² навсегда увёз прадедушку Линки. Его семью вы-

¹ Все упомянутые храмы были разрушены под руководством КПСС во время т.н. пролеткульта 30-х гг. XX века (см. книгу: Л.И. Толочко, М.Г. Дегтярьов «Подільські храми Києва». К.: Техніка, 2003).

² «Воронок» (жарг.) — служебная машина, в которой обычно отвозили в застенки НКВД арестованных во время сталинских репрессий.

селили в бараки, а квартиру на Тарасовской заняла семья его палача. Внук палача, владелец крупной строительной фирмы, депутат парламента, живёт здесь и поныне.

Линк с тревогой вглядывалась в окна этой зловещей квартиры, но сейчас там мерцало пламя свечи, кто-то перебирал струны бандуры, и девушке казалось, что она отчётливо видит силуэт своего деда.

— Линк, а мы ведь не одни здесь... Посмотри, — тихо произнёс Славик.

По центру улицы, взявшись за руки, шли парень и девушка. Они то и дело останавливались для поцелуя. Затем, опьянённые чувством, медленно закружились по мостовой в такт музыке.

Never cared for what they say,
Never cared for games they play,
Never cared for what they do,
Never cared for what they know...

— доносилось из ветвей цветущих акаций, из открытых окон старинного здания. Как будто там сидел виртуоз-гитарист и исполнял на акустике рок-балладу. Ещё пятьдесят лет назад здесь из раструба патефона несло в исполнении зычного контральта: «От-цве-ли-и-и уж давно-о-о хрии-занте-э-эмы в саду-у». И это тогда считалось «попсой» у тех, кто тешил свой изысканный вкус ноктюрнами Шопена или сонатами Моцарта. А тех, признанных посмертно гениями, тоже в своё время снисходительно называли светскими музыкантами. И одухотворённые хоралы Иоганна Себастьяна Баха в своё время подвергались нападкам тех, кто жил, как им казалось, в ладу с музыкой небесной. Песня «Nothing else matters» рок-группы «Metallica», отказавшейся от жёстких ритмов во имя неожиданно сошедшего с небес возвышенного чувства, звучала в унисон с душевными переживаниями юной пары.

Азарт фотографа, влюблённого в жизнь, и сейчас охватил Выгурина. Он не удержался и запечатлел чудо чистой любви. Затем Славик и Линки почти на цыпочках покинули место чудесного танца. Некоторое время они шли притихшие

и смущённые, погружённые в свои юношеские мечтания. Их пробудили звонкие аккорды копыт пущенной рысью по мостовой лошади.

— Послушай, — Выгурин перешёл на шёпот, чтобы не вспугнуть влюблённых. — А ведь здесь, кажется, нет машин!

— А может, мы перенеслись на сто лет назад?

— Да нет же, смотри, эта парочка одета так же, как мы с тобой, у него даже джинсы, наверное, с той же распродажи на Святошино¹, что и у меня...

— Да, а у неё такие же кеды, как мои. Может быть, спросить у них, что происходит? — предложила Линк-Линк.

— Ты знаешь, — задумчиво произнёс Славик, — мне кажется, мы сами должны всё понять. Это экзамен.

Линк-Линк, взглянув на него, заметила перемены в его облике: он будто стал немного старше и чуть-чуть мужественнее... Его глаза были спокойны, в голосе звучала уверенность и сила. Линк смотрела на него с благодарностью. Нет, она всё-таки не ошиблась в друге. Первый экзамен парень выдержал. И совсем он не маменькин сынок, этот Выгурин...

— Теперь ты похож на автора своих боевых статей, — отвесила она комплимент своему другу.

— Смотри: ёжик! — пытаюсь скрыть смущение, воскликнул Выгурин. Его лицо озарилось радостной улыбкой.

Большой, важный, непуганый ёж задумчиво пересёк Паньковскую и не спеша скрылся в цветущем кустарнике. Ветер сдувал лепестки магнолий, и они симметричным узором ложились на камни мостовой. Сияя белизной, с ними соперничали абрикосовые деревья, источая волнующий весенний аромат.

— Славик, это невероятно! Здесь все деревья перепутали сезоны, они цветут одновременно... Всё это как во сне!

Выгурин погрузил лицо в «гроздь» сирени, наслаждаясь их свежим благоуханием.

¹ На Святошино... — в этом эпизоде приводится привычная для русскоязычных киевлян форма употребления этого названия (историческое название рабочего поселения XIX века «Святошин» преобразуется в просторечии в «Святошино»).

Линки смеялась, она была счастлива. Она понимала, что сбываются самые красивые, светлые сны. Кого благодарить за это? А город продолжал одаривать своих ночных гостей.

К ногам девушки прильнул какой-то ласковый зверь.

— Феликс?! Это ты?..

— М-р-р, — отозвался огромный котище.

Этого кота Линки давно считала пропавшим. Как ей не хватало его — ведь он был самым умным, самым преданным из всех её котов. Феликс с нежностью взглянул на любимую хозяйку и деловито нырнул в кусты шиповника. Она не стала его удерживать, что-то подсказывало ей, что в этом городе животным жилось намного безопаснее. И это действительно было так: здесь никто никогда не говорил им «брысь!», никто не бросал им отравленного мяса, не пинал ногами, не отправлял на живодёрни... Целая колония пушистых счастливых нашла свою тихую обитель в этом великолепном Городе. В зарослях, непривычно разросшихся на Паньковской, мелькали их грациозные силуэты и горели лунными отражениями глаза.

— Послушай, а может, это филиал кошачьего рая? Сюда помещают кошек, с которыми в нашем мире обошлись жестоко и несправедливо? — спросил Славик.

— Возможно. Но ведь я любила своего кота больше всего на свете. И всё равно не смогла спасти его от беды... А ещё, мне кажется, сюда поселяют каких-то особых людей. Только непонятно, что мы-то с тобой здесь делаем? Взгляни, ведь мы здесь не одни, Слава, — полушёпотом произнесла девушка.

Навстречу им двигалась ещё одна парочка, показавшаяся им знакомой. Славик и Линк заметили, что у них мокрые волосы, промокшая одежда...

— Это пропавшие диггеры. Я знал их, — прошептал Славик. — Эй, ребята, как вы сюда попали?

— Нас привел сюда Клов... — ответил парень, держа в объятиях свою промокшую до нитки попутчицу.

И вдруг из темноты послышалось журчание воды, и перед взором ошеломлённых Славика и Линки предстало водяное чудовище. Оно мягко обернуло диггеров своими водяными ручищами и увлекло их в темноту.

Линки и Славка застыли в оцепенении. С минуту они молча смотрели в ту сторону, где только что стояли диггеры, увлечённые куда-то подземной рекой Клов по каким-то очень важным, им одним понятным делам.

— Ты знаешь, у меня всегда было чувство, что они живы, — пришёл в себя Выгурин.

— А может быть, мы попали в мир мёртвых? — спросила Линки не без тревоги в голосе.

— Но мы-то с тобой живы? Как ты думаешь?

— Ещё как! — улыбнулась Линк и протянула другу свою ладонь. Славик робко прикоснулся к ней. Она почувствовала, как по ладони струится его тепло. Что бы она делала без Выгурина? Вряд ли ей хватило бы отваги решиться пойти в ночь одной.

В бирюзовом небе висела полная Луна, в воздухе разливалась божественная музыка. Выгурин достал блок-флейту, которая всегда лежала в его репортёрском портфеле. Он пытался отыскать лейтмотив. Мелодия ложилась в уже заданную тональность, дополняя её новыми интонациями. Никогда ещё парню не удавалось сыграть так, как сейчас. Он перехватил восхищённый взгляд подруги.

— Смотри, Линки, там такой таинственный свет...

В огнях фонарей плясали бабочки. Ночное кафе манило не только странников рода людского.

За одним из вынесенных в сад столиков сидел худощавый человек. Возле него лежал покорёженный велосипед, видимо, побывавший в страшной переделке. Человек сосредоточенно писал что-то, не замечая подошедшую пару.

«Что вы пишете?» — хотелось спросить у чудака, но ни Славик, ни Линки не посмели нарушить покой незнакомца. Он заговорил сам, словно услышав их мысли.

Старый велосипедист был совсем седой, но его глаза сияли неубывающей молодостью. Спокойно и доверчиво он глядел на молодых людей.

— Я пишу книгу своей жизни. Я всё время не успевал этого сделать за переводами чужих книг. А вы как попали сюда? Ведь ваши велосипеды целы? — говорящий с сожалением перевёл взгляд на свой покорёженный велосипед.

— Наверно, случайно. Просто поехали кататься ночью, и вот... — простодушно ответил Славик.

— Сюда случайно не попадают, — улыбнулся велосипедист. — И скоро вы об этом узнаете.

И он снова погрузился в свои письма.

Как очарованные, брели молодые люди по ночному городу.

Северный ветер гнал со стороны набережной свежий речной воздух. Здесь не было запаха тления, не было автомобильных выбросов, не было и самих автомобилей... Все суетные житейские мысли здесь умолкали, повсюду царилла сама безмятежность. И только с небес по-прежнему лились едва слышимые звуки органа. Их торжественное звучание настраивало на возвышенный лад. Путники тихо ступали дальше, ведя велосипеды в безмолвии ночных улиц.

Выгурина не покидало чувство, что под землёй кто-то есть. Диггеры?.. Журчащий добрый Клов?.. Дорогу перебежал ёж, отвлекая Выгурина от его размышлений. На кончиках его колючек вспыхивали искорки. Он исчез, как и появился, — из ниоткуда в никуда.

Интерлюдия 1

«Тормозок» с сюрпризом

— Эй, чувак, дай закурить, — флегматично произнес омовец на входе, обращаясь к суетящемуся строителю. Как раз грузили очередную бетонную секцию новой двадцатичетырёхэтажной «свечки». Массивный зелёный забор окружал будущую постройку. Вдали подле него одиноко трепыхались на ветру два маленьких плакатика с надписями «Боже, накажи мародёров!» и что-то ещё о варварах и багатовом нашествии на киевскую землю.

Омовец клевал семки¹ и лениво следил за бабулей, проворно семенившей мимо. Одной рукой она опиралась на клюку, а в другой держала какой-то предмет, завёрнутый в газету, — ни дать ни взять, «тормозок» с едой, который брали на работу в советские времена.

¹ Семки (простореч.) — семечки.

Омоновец подумал о том, что до конца смены осталось два часа, и зевнул. Бабулька как-то искоса глянула на него и засемила дальше.

Стоило омоновцу переключиться на созерцание «супер-модели» в сногшибательной мини-юбке, идущей по противоположной стороне улицы, как старушка изменила свой курс. Неспешно подошла к зелёному забору, поставила «тормозок» на землю и принялась разворачивать газету. В руках её обнаружилась банка с прозрачной радужной жидкостью. И коробок спичек.

Бабушка неторопливо открыла банку и выплеснула содержимое на забор. Затем неспешно и спокойно чиркнула спичкой и поднесла её к таинственной жидкости. Вспыхнуло пламя.

«Супермодель» послала омоновцу воздушный поцелуй и скрылась в парадном на противоположной стороне улицы. Свою роль она исполнила превосходно.

Пока бабушка по-хозяйски заворачивала в газету пустую банку, нечто неопишное началось на стройке. Поджигательница неторопливо засемила прочь прежним курсом. Густой мат омоновца, который не успел сориентироваться, что делать с необычной разрушительницей порядка, не смог заглушить резюмирующую фразу бабушки, сказанную с удовлетворённым саркастическим смешком:

— *Хорошие застройщики пусть лежат в хороших гробах, а плохие — в плохих...*

Интерлюдия 2

Хороший стрелок

— Опять эти уроды протестуют, бл..., — сердито проворчал работяга в оранжевой каске, наблюдая, как по ту сторону забора собирается толпа и слышатся гневные выкрики.

Неподалёку в кронах деревьев шумел ветер. Темнела чаща общественного парка, вплотную подступавшего к строительному забору.

Когда-то и по эту сторону ограждения земельный участок был парком: с дорожками, которые протоптали живущие рядом люди, с поющими соловьями, с белками, прыгавшими по ветвям и кормившимися с рук...

Теперь же здесь зиял залитый бетоном котлован. Наступали сумерки. Люди всё прибывали, их было уже около полусотни. Бойкие старушки и женщины средних лет с блеском в глазах и решимостью идти против всех, кто посягнул на их парк.

Они принялись методично расшатывать ворота стройки.

Охрана по рации связывалась с начальством. Слышались отрывистые реплики: «Гасить их?» — «Гасите... Приём. Приём!».

В парке за забором пронзительно стрекотали кузнечики...

Оmonoвцы в чёрной устрашающей форме выстроились вдоль ворот, а с той стороны с воинственными возгласами «Налегай!» начался штурм...

Пока доблестные охранники дубинками отгоняли от ворот женщин и бабушек, к противоположной стороне стройки подъехала легковушка. Номера её были прикрыты фанерой, стекла тонированы. Из машины вышел молодой парень в спортивном костюме. Достал из багажника предмет, оказавшийся ружьём. Не спеша передёрнул затвор и стал стрелять поперёк забора, тщательно целясь по «мишеням».

Один за другим полопались все прожекторы на стройке, живописно разбрызгивая бриллиантовую россыпь стёкол.

Стройка в одночасье погрузилась во тьму, и слышны были только торжествующие крики людей с той стороны забора да ругань охранников и строителей.

Теперь территорию противостояния оцепят, и начнётся следствие. Будут искать того, кто стрелял. Дело затянется на несколько лет, и законсервированную стройку придётся сворачивать из-за «неблагоприятного инвестиционного климата». А там и срок аренды истечёт.

А неизвестного стрелка так и не найдут.

Парень тщательно прицелился и двойным выстрелом сбил последнюю мишень — самый яркий прожектор.

Снайпер удовлетворённо улыбнулся, складывая в багажник своё верное оружие. Он знал, что он хороший стрелок.

Глава 10. Защита Леса

О Светлане, эковицах и «бессмысленных»

Представник застройщика: «Шо ви з цим вашим озером носитесь? Там одні жаби квакають. Забетоніровать нада всьо і торговельно-розважальний центр із вбудованою інфраструктурою постройте».

Голос із залу: «Ну то й що, що жаби? Мої діти тих жаб тільки на малюнку бачили!..»

(Из протокола общественных слушаний по поводу застройки рекреационной зоны)

ветлане не спалось. Она лежала в палатке и прислушивалась к предраусветной птичьей симфонии.

Внезапно послышалось стрекотание сорок и резкое воронье карканье. Птицы подавали друг другу сигналы тревоги. Светлана вышла наружу. В эту ночь выпала её очередь охранять придомовую территорию от застройщиков. Светлана тревожно посмотрела вокруг.

Защищая свой дворик, жильцы соорудили шлагбаум, преграждающий въезд. Шлагбаум был на месте, но со стороны леса слышались какие-то подозрительные звуки.

Двадцать лет киевлянка смотрела на мохнатое чудо Леса из окна своего дома. Каждое утро начиналось с того, что она вдыхала аромат его сосен. Невозможно было представить, что этот чудесный вид скроется навсегда за фасадом высотки.

Светлана вздрогнула: издали нарастал рёв ползущего бетоновоза. В лесу слышались приглушённые голоса, мелькали какие-то тени. Защитница Леса отправила условный сигнал по мобильному. Через несколько минут из её дома торопливо выходили ещё сонные пенсионерки и мамы с маленькими детьми.

Жильцы выстроились в нестройную линию, преграждая въезд во двор. Они успели вовремя: натужно рыча, во дворик пытался заехать бетоновоз. Водитель грязно выругался,

но вынужден был остановиться перед живым препятствием. Светлана с тревогой поглядывала в сторону леса и дрожащими пальцами набирала номера Назара, Дрока, Стрижа, Щорса... Они обещали прийти в любое время, как и полагаются настоящим воинам. Каждая минута была дорога. Светлана успела сообщить о назревающей опасности в милицию, а также сочувствующим депутатам. Раннее утро, однако, не располагало последних к подобным рандеву...

Между тем из лесу вынырнули цепи бритоголовых молодчиков в камуфляжной форме. Они двигались молча, исподлобья уставившись налитыми кровью глазами на толпу поёживающихся от утренней прохлады женщин. Светлана посмотрела на бандитов без отчаяния и улыбнулась. Вдруг ей стало так спокойно, как никогда. Нет, она не отдаст им ни пяди своего Леса, который созерцала двадцать лет, как не отдаст детскую площадку, где играли её дети, вокруг которой женщины высадили фруктовые деревья и вырастили роскошный цветник.

Безмятежная улыбка играла на губах женщины.

В это время бандиты ринулись в атаку, выстроившись «свиньёй», рассекая толпу женщин и детей. Грузовик злобно рыкнул и медленно двинулся во двор.

И тогда защитница Леса легла на проезжую часть, преградив путь монстру своим телом. Бетоновоз грузно вздохнул и затормозил. Вдруг Светлана почувствовала, как её грубо поднимают за руки и за ноги и бросают на газон рядом с дорогой. Женщины поодаль плакали от бессилия. Светлана молча поднялась, отряхивая одежду, и увидела, как к месту событий подъезжает красный «опелёк» представителя фракции «Украина — наша» в районном совете.

— Что тут происходит? А разрешение на пикет есть?! А где ваши мужчины? — засыпал депутатик собравшихся вопросами.

— Всех мужчин перебили во время Второй мировой! — выступила вперёд Светлана. — Разрешение у нас от Господа Бога. А вот где разрешение на захват нашей территории — это вопрос!

— Будет, будет вам разрешение... — бормотал депутатишко.

К диалогу подключилась толпа. Женщины, потирая синяки, оставшиеся от грубых толчков наёмников, взяли представителя власти в кольцо. А тем временем молодчики торопились установить секции разборного алюминиевого забора вокруг захваченной территории.

Приехавшие по вызову менты и какие-то неизвестные из общественного объединения «ХУК» безучастно снимали на камеру, как дюжие молодчики оттаскивали Свету и других защитниц. Один мент демонстративно отвернулся, записывая на капоте «бобика» показания в протокол и приговаривая: «Я ничего не вижу...»

Внезапно к событию подключились новые действующие лица, и словно вихрь пронёсся вдоль забора. В атаку пошли подоспевшие Назар, Дрок, Щорс и весь их немногочисленный, но крепкий боевой отряд.

Щорс с криком «Эгей, бессмысленные!»¹ ринулся в бой с «братками».

Бритоголовые не успели опомниться, как тут же получили несколько мощных ударов и остались лежать в траве. Депутатик завопил и схватился за мобилку. Его руку перехватили цепкие пальцы Стрижа: «Спокойно, дядя! Мы сами тут порядок наведём», — тихо и внятно произнес он. Светлана смотрела на эковоина с восхищением. «Нет, не всех перебили во Вторую мировую», — пронеслось у неё в голове.

К ней подошёл улыбающийся Назар.

— Да они даже толкаться как следует не умеют! — весело заметил он.

Наёмников для виду повязала милиция, приехавшая защитить их от женщин и детей. Эковоины, одержав победу, успели исчезнуть в лесополосе и прилегающих улицах, депутатик с грязной руганью развернул «опелёк» и ретировался... На месте побоища остались поваленные секции

¹ Бессмысленные — определение сатанинской нечисти в экранизации повести Николая Гоголя «Вий» (СССР, 1967 г.)

забора, раздавленная под колёсами бетоновоза палатка Светы — и всё ещё стояли взволнованные и торжествующие люди. Из подъездов с бутылками пива и с видом победителей выходили мужички.

Мент у «бобика» монотонно зачитывал показания по мобилке неизвестному собеседнику: «Фирме «Киевэкострой» был нанесён материальный и моральный ущерб, сумма уточняется, мирно настроенные строители были избиты агрессивными провокаторами, вымогающими у фирмы взятку в размере ста тысяч долларов (есть свидетели). Общественные слушания были проведены законно, все документы на строительство согласованы в Киевсовете. Оперативное вмешательство не нужно, для выяснения обстоятельств задержаны... э-э-э... неизвестные лица, неизвестно как оказавшиеся на месте стройки. Сотрудники МВД защитили их от агрессивно настроенной толпы».

Рядом уже стоял прыткий журналистик газеты «Сумеречный Киев», вовремя включивший диктофон. На следующий день доклад мента без купюр блистал на второй странице «СК», сразу после хроники политических событий. С фотографией поваленного забора и подтекстовкой: «Антизастроечный рэкет нанес материальный ущерб фирме «Киевэкострой» в размере ста сорока тысяч долларов. Погромщики понесут уголовное наказание».

Интерлюдия

*Поцелуй как реализация низменных инстинктов,
поддающаяся налогообложению*

Васюля и Сашуля по заданию Хама Грядущева долго ломали голову, как бы еще пополнить прохудившийся городской бюджет. Налог на возможность дышать чистым воздухом выше десятого этажа уже был введён. Архитектурные памятники были успешно заложены российским товарищам из корпорации «Pisets-Plaza-i-partniory». Налог на пыль от колес находился на рассмотрении в Киевраде. В итоге, проконсультировавшись с ведущим специалистом в области морали Лаврентием Палычем Поли-

сученко, Грядущев придумал новое изобретение по выколачиванию денег из населения, получившее в народе название «будки любви».

Суть нововведения была проста, как всё гениальное. В парках, на улицах и в других общественных местах были установлены специальные будки, напоминающие биотуалеты. На них были нарисованы ярко-красные, сложенные бантиком губы. Злопыхатели поговаривали, что они были срисованы с натуры самого градоначальника. Вход в каждую будку украшала надпись крупными буквами: «Вхід 5 грн. Студентам — 3 грн 99 коп». А далее — мелким петитом: «Місця для здійснення діянь, не відповідних моральним критеріям, котрі можуть сприяти спонуканню негідних інстинктів у глядачів, пропагують неповагу до батьків¹ та не рекомендовані Національною комісією з питань моралі».

Отныне целоваться на улицах было запретным плодом, за который милиция могла сбить немалый штраф, ссылаясь на Закон «О защите общественной морали». Лаврентий Палыч Полисученко, пресытившийся просмотром «малинки», «клубнички» и прочих «фруктово-ягодных» зрелищ, был весьма доволен своей идеей. Пополнялся ли бюджет города — это другой вопрос.

А вообще-то все жили по-прежнему. Только теперь, целуясь на улице, каждый становился немного бунтарём и революционером.

¹ Цитата из Закона Украины «Про захист суспільної моралі», ст.1,2.

Глава 11. «Парасенко заказали»

О подлинно свежих новостях, которые Гусь проглотил, не заметив, об изысканном блюде с противоречивым названием и живительном воздействии колготок на творческий тонус редактора

а окном было серо и мрачно. Только привычный забор напротив вдруг расцвёл свежими агитками с надписями «Забору — ДА!», «Редактору «Zaboru-da.org.ua» Петру Гладкому угрожают «сицилийскими лас-тами»», «У стен МВД требовали пресечь погромы стройплощадок»...

«Снова Петька шалит, — думает Гусь. — Мало, видать, на выборах заработал». Редактор презрительно зевает, затягивается ароматным дымком и отворачивается от жёлтой прессы, расположившейся на бесплатных заборных площадях.

— Надюша, ну что там у нас сегодня? — скучным производственным голосом осведомляется Семён Полиграфович, откинувшись в кресле, закрыв глаза и всем видом демонстрируя готовность слушать музыку заголовков свежеиспечённых статей.

Надя старательно декламирует: «Русские войска захватили Крым», «Инфляция подскочила за неделю на 20%», «Урожайность конопли на украинских чернозёмах возросла на 34%», «Колготки Маши Распутиной проданы на аукционе за 3 тысячи долларов»...

— Стоп! — встрепенулся Гусь. — Какие колготки?

— Вот такие, Семён Полиграфович, — мурлыкает, приподнимая юбку, секретарша. Затуманенный взор главреда новостей погружается в созерцание ажурного узора. Надя с вызовом держит паузу.

— А-а-а... Э-э-э... Ну ладно, пусть будет, пусть будет, — подкручивая ус, почти шепчет главред. — Продолжай!

Надя автоматически продолжает поднимать юбку.

— Да не то продолжай! — опять взрывается Семён Полиграфович.

Надя, спохватившись, как ни в чём ни бывало, методично продолжает: «Пропало двое диггеров (м-м-м, простите, диггеры у нас уже прошли) ...велосипедистов».

— Какие, в жопу, велосипедисты?! Смотри, что делается в стране! У меня площадь горят! Медведев войска в Крым завел, блин. В озёрах пираньи... это... генетически модифицированные, пожирают наших рыбаков...

— Ой, Семён Полиграфович, а вот это случайно не наша Ленка? Ну такая припанкованная, которая с анархистами водилась... Смотрите, вот фотографии, и парень с ней, ботаник...

Семён всматривается в фото пропавших велосипедистов.

— А-а-а, это та самая, которую я выгнал за раздолбайство? Так-так. Не хотела тренировки со мной проходить. *Принципы* у неё, понимаешь... — мстительно приговаривает Гусь. — Так что там, пропала? — деловито переспрашивает редактор.

— Да вот, пишут, неделю назад выехала с бойфрендом на велосипеде покататься и с тех пор как под землю провалилась. И этот чудик с ней, значит, тоже...

— Ну ладно, поставь там на последнюю страницу, на триста знаков, не больше. — Гусь опять погружается в медитативное состояние. А потом вдруг вперивает в Надю две чёрные тревожные точки:

— А ты столик в ресторане зарезервировала? У меня ж сегодня с Обжоровым деловая встреча!

— Ну да, как вы велели, — с готовностью отвечает Надя, вынимая из ящика стола пузырьёк с ярко-красным, под цвет босоножек, лаком для ногтей.

Гусь не унимается: «Ты меня слышишь? — (интимно) — Надо Парасенко заказать».

Надя испуганно вздрагивает:

— Как «заказать Парасенко»?

— Дура! Что у тебя в голове? Обыкновенно заказать! Это любимое блюдо нашего шефа. «Парасенко в шоколаде» называется. Подаётся горячим, при свечах, под гимн Украины.

— О'кей, Семён Полиграфович, закажу, я ж не знала... Вы просто с этим тренингом всё забываете! — девица ревниво надувает губки. — А меня туда не приглашаете...

— Ой, Надя, доиграешься. Счас я тебе прямо здесь тренинг устрою, — похотливо подмигивает редактор.

Надя, жеманно потупив глазки:

— О'кей, Парасенко, так Парасенко...

Глава 12. «Киевский базар»

О том, как известная телеведущая воспарила над суетой и присоединилась к нашим героям

дравствуйте! С вами ток-шоу «Киевский базар», — объявила строгая, всегда собранная телеведущая Рита Розанова, любимица киевской протестно настроенной публики. «Сегодня с нами в прямом эфире...» И она принялась представлять участников телепередачи: самодовольных, в костюмах от Кардена и Версаче владельцев строительных фирм и их услужливых лоббистов с депутатскими значками. «Как же вы достали, свиньи!» — мысленно воскликнула Рита и с невозмутимым видом, без тени заискивания произнесла вслух положенный по сценарию текст.

— Сегодня депутаты Киевсовета при удивительном единодушии (на этой фразе Рита не сдержала лёгкой саркастической улыбки) представляют проект облагораживания Киевской крепости и реконструкции Софии Киевской. Как сложилось так, что эти проекты стали цементом, скрепившим все разрозненные фракции Киевсовета? Слово одному из наших экспертов, генеральному директору компании «Юрский период», депутату Киевсовета Левку Похабидзе.

Депутат:

— Духовное наследие Киева, матери городов русских, нуждается сегодня в пересмотре и вливании новых инвестиционных ресурсов. Поскольку Киевская крепость уже давно нам не нужна — никакая опасность Киеву не угрожает, благодаря элегантной, скажем даже толерантной политике нашего Президента... Поскольку площадь, занимаемая этими разрушенными временем зданиями, слишком нерентабельно эксплуатируется и не приносит прибыли, решением Киевсовета разрешено расчистить территорию и построить на её месте современный элитный торговый центр «Фортэца-Лэнд». Уже сегодня мы приступили к зачистке этой территории от деревьев-самосеек, на что из

бюджета города было выделено 146 млн. грн. Древесина этих деревьев может быть использована для заборов вокруг строительных объектов нашей корпорации...

Гневные голоса из зала:

— Как это самосейки? А кислород-то они полноценный дают!

— А согласование с экологической комиссией?! А ЮНЕ-СКО?!

Рита останавливает депутата-застройщика:

— Прошу придерживаться регламента. У нас в зале есть эксперт-эколог Влад Бoryжкин. Только не более полутора минут. Регламент...

Бoryжкин:

— Этот проект предполагает значительное усовершенствование дикой природы. Это эксклюзивный проект, в результате которого, я гарантирую, природа будет сохранена, мало того, она станет еще лучше...

— Деревья будут значительно зеленее, небо голубее, а вода водянее, — ехидно бросает из зала интеллигентный бородач.

Рита:

— Вам, Александр, обязательно будет предоставлено слово, а без микрофона ваших реплик телезрители не слышат. К сожалению, — в уголках губ телеведущей скользнула знакомая телезрителям ироничная улыбка.

Гендиректор «ЮП» Похабидзе:

— Как-то неправильно у нас сегодня передача складывается! И публика пришла какая-то неправильная!

Рита (мысленно): «Молчи, свинья». А вслух продолжает с еле скрываемым сарказмом:

— Да, вы почти убедили киевлян, что Киевская крепость им не нужна. А что у нас по Киево-Печерской Лавре? Слово депутату от Партии Провинциалов Украины Василю Рагулю.

Депутат Рагуль:

— Лавра простояла уже, э-э-э... пять веков...

Рита:

— Простите, почти десять!

Рагуль:

— Э-э-э... Тем более. Её здания уже давно морально устарели. Группа наших архитекторов под руководством Дедушкина и при единодушном одобрении комитета Киевсовета по защите исторических памятников во главе с Поваренко разработала новый, оптимизированный проект уплотнённой застройки этой территории. По предварительным расчётам, демонтаж Лавры обойдётся городу всего в 157 миллионов у. е., но прибыль от нового строительства пополнит бюджет на 658 миллионов у. е. Наши партнёры, высококвалифицированные специалисты в области фэн-шуй из Китая, утверждают, что астральная аура города от этих преобразований значительно улучшится и изменит цвет с уже устаревающего синего на гламурный розовый...

Вдохновенную тираду Рагуля резко прерывает голос из зала:

— На святыню покушаются, рагули проклятые!

— Да ещё с наших налогов! — сердито вторит ему другой.

Депутат Рагуль надувает щёки.

Рита — в камеру:

— Как видите, у нас завязывается острая полемика. Прошу соблюдать регламент. Я обещаю: каждый получит сегодня слово! — Затем обращается к депутату:

— Но ведь Лавра внесена в список ЮНЕСКО...

Договорить Рита не успевает — в этот момент в студии внезапно гаснет свет.

Ведущая что-то кричит режиссёрам, затем пытается успокоить публику.

Дрожащими пальцами она включает мобильный и звонит кому-то. Слышатся её восклицания: «Как, на всём Крещатике исчез?! Как во всём районе отключили? Вот свиньи!..» Затем Рита обращается к публике:

— Господа! Мне только что сообщили, что свет исчез во всём здании телеканала и во всём районе. Повреждены кабели в связи со строительными работами в Софийском фитнес-центре. К сожалению, мы вынуждены прервать наше ток-шоу. Осторожно и вежливо продвигаемся к выходу!

Но в зале начинается паника, переходящая в мордобой. В кромешной тьме слышно, как люди срываются с мест, раздаётся топот бегущих ног. В свете мобильных проявляется бородатое лицо интеллигентного мужчины, кричащего: «Я тебе покажу, в бога мать, фэн-шуй!»

— Ах ти ж падло таке! — вторит ему пожилая простолюдинка в терновом платке.

Слышатся глухие удары по упитанному телу народного избранника, сопровождаемые напутствиями: «Вот тебе инвестии! Вот тебе фэн-шуй!»

— Милиция! Охрана! — визжит депутат.

...Рита расслабила лицо, на её губах заструилась нечаянная, «неуственная» улыбка. Вдруг больше всего ей захотелось уйти отсюда.

А тем временем к зданию телецентра с визгом подъехали пожарные машины, «скорая», наряд милиции и «Беркут» — на всякий случай...

Рита сняла с усталых ног туфли на «шпильках» и пошла наугад в кромешной тьме, ища выход. Голоса отдалялись.

Вдруг она увидела тонкий луч, за которым и последовала. По её лицу текли слёзы — впервые за долгие месяцы существования «Базара». Луч расширялся конусообразно, указывая ей дорогу. В этом сиянии Рита увидела очертания женского лика небесной красоты. «Оранта», — ошёломлённо прошептала Рита. «Это же Софийская икона...» Сияние вокруг иконы усилилось. Распахнулись двери, разверзлись стены. Рита радостно, по-детски засмеялась и в этот момент почувствовала, как её ноги отрываются от земли. И вот она уже летит над крышами домов, над городом, совсем не похожим на тот, который она знала.

Это был город, утерянный киевлянами навсегда, безвозвратно. Но он существует, он живой! Вот Крещатик, не тронутый динамитом, с цветущими вековыми каштанами, не взорванный хамами Михайловский Златоверхий, подлинный Успенский собор, ещё без соседства «железной бабы» с музеем ВОВ, цветущий сад на улице Ломоносова

(Рита помнила людей, боровшихся с продажным ректором за его сохранение), и опять центр, Пейзажная аллея, Десятинная церковь, восставшая из руин...

«Он есть, есть, мой Город!!!» — ликует Рита.

Но где же люди? Где жители этого чудесного города? Какая-то невидимая сила направляла её полёт. Как будто стремилась показать всё величие этого неведомого, но такого родного Города. «Это мне снится», — подумала Рита, смутно сознавая, что всё это происходит наяву. Она бесстрашно отдалась несущей её волне, заставляя описывать фантастические круги над городом, который существовал только на фотоснимках, в архивных записях и пересказах людей. С высоты, в небесном сиянии она видела его, как на ладони. С изумлением Рита отметила, что очертания города похожи на человеческое лицо. «Вот какой он, настоящий Город!», — прошептала Рита. «Добро пожаловать», — прозвучало в ответ. В этот момент девушка почувствовала, что плавно идёт на снижение.

«Пейзажка, неужели Пейзажка?»

Сделав первый шаг по земле, Рита заметила под сенью лип (да, уцелевших лип!) знакомые силуэты... Вот журналистка Линк, бородатый Глумов из студии (как он успел сюда раньше её?), Светлана, защищающая Лес, Назар, Дрок, Щорс, Лука, которых Рита условно называла эковоинами. Обо всех этих людях Рита снимала сюжеты, приглашала их в студию, но, к сожалению, не всегда могла вволю предоставить им слово в своей передаче. Они же предпочитали не говорить, а действовать.

— Вот мы и вместе! — воскликнула Рита, присоединившись к кругу близких ей людей.

Глава 13. «Киеву наступит полный ХУК»

О диалоге между редактором новостей и общественным деятелем, а также о провалившейся взаимо(не)выгодной сделке

азгар рабочего дня. В двери редакции «Идеалов Майдана» стремительно вбегает общественный деятель в сереньком костюмчике, при галстукe, сгибаясь под тяжестью огромного портфеля.

Обращается к вахтёрше: «Возьмите листовочку! Интересно. Почитайте». Та ворчит: «Посторонним нельзя». Деятель возмущённо распространяется о правах человека, достаёт Декларацию ООН, затем Админкодекс, долго ищет нужные статьи, назидательно декларирует... Так проходит около четверти часа, и в конце концов деятель проскакивает, куда ему нужно, продемонстрировав просроченное давным-давно удостоверение кандидата в депутаты горсовета.

Без стука открывается дверь с табличкой «С. П. Гусь»

— Здрасьте! Кто тут Гусь?

Пауза. Общее изумление.

Деятель — к Наде:

— Листовочку возьмите.

К Гусю:

— Я тут скачал на своём сайте статью. Чрезвычайно актуально! Называется «Киеву наступит полный ХУК». Вы обязаны её опубликовать!

— Я?! Обязан?! — страшным шёпотом шипит Гусь. — Да кто вы такой? Кто вас впустил?!

— Я? Разве вы меня не знаете? Я же Шершнёвский! Гражданский союз «Наши руки не для скуки». Вы почитайте, почитайте: «Киеву наступит полный ХУК»!

— Что это?

— Так вы и этого не знаете? Это наш основной враг на данном этапе: «Харизматичні українці Києва». Хорошая журналистка написала, ничего такая... — деятель показывает, в каких местах она «ничего».

Гусь вскипает:

— Это кто там ничего? А у меня что, журналистки плохие? Вот посмотрите! — открывает дверь в «цех». — Деачки! — Журналистки за стеклянными перегородками «стреляют» глазками с Гуся на Шершнёвского.

— Кароче! — захлопывает дверь Семён Полиграфович. — Тысяча знаков по сотне у. е., — с холодным взглядом торговца резюмирует он. Шершнёвский тускнеет, его лицо покрывается пятнами.

— Это у нас ещё альтруистические цены, междувыборные, — торгуется Гусь.

Незванный гость шевелит губами, очевидно, калькулирует.

— Ну если вы так *труситесь* за ваши деньги, — убийственно произносит редактор, — пойдите в информагентство ХУЛИАН. А «ЗЗВ» сколько берёт, знаете?

— А что это за «ЗЗВ»?

— «Зеркальце заднего вида» — новая газета для истеблишмента.

— И чьих она будет?

— «Міжнародний союз патріотично стурбованих», — информированно отрезает Семён. — Перекупили у партии «Украина — наша», разве вы не знаете?

Внезапно Надя, отрываясь от маникюра, томно докладывает:

— Семён Полиграфович, я уже заказала Парасенко.

— Какой еще Парасенко?

— Ну, в шоколаде же, всё, как вы хотели!

— Послушайте, — встряёт Шершнёвский. — Я вижу, вы нервничаете. Вы витамины принимаете? Кстати, у меня тут спецпредложение, — достаёт из толстого портфеля флакончики с биодобавками и выставляет их на столе.

— Хватит! — рявкает Гусь. — Идите вы знаете куда со своими спецпредложениями! А то сейчас охрану позову.

— Да вы не понимаете. Этот ХУК начал новую кампанию «Набридли зелені паркани!»

— Ну так перекрасьте их в синие!

— Да вы что, это же символика «Партии Провинциалов Украины»!

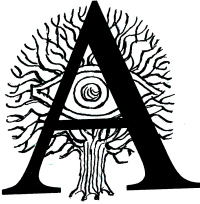
— Кароче, забирайте свои витамины и приходите завтра. Вы понимаете, у меня там уже Парасенко стынет!

При вторичном упоминании о Парасенко Шершнёвский почтительно сгибается и выходит в полупоклоне. Затем, однако, возвращается, просовывает в дверь голову: «Так вы там Парасенко листовочку передайте! Не забудьте!»

— Полный ХУК, — покрывается испариной Гусь, страдальчески соглашаясь с навязчивым клиентом.

Глава 14. Стихиали леса

*О странной истории, произошедшей
с Иваном Росомахой, энтомологом и аристократом духа*

Аристократом духа его назвала когда-то Линки. Когда ей было тоскливо и одиноко, когда чувствовала своё бессилие перед алчными демонами, пожирающими город, она вспоминала этого бледного молодого биолога с русыми волосами, собранными в длиннющий, до пояса, «хвост». Он казался ей невесомым, сотканным из каких-то тонких материй, из которых не делают людей на этой грешной земле. «Это же редкостное создание, инопланетная бабочка, стрекоза... Таких нужно заносить в Красную книгу», — шутила Линки об Иване. Подобных ему было совсем немного в городе, и всех она знала наперечёт, все они были любимыми героями её статей. Ночами девушка складывала из букв слова, собирая их, как автомат Калашникова. А наутро, покупая свежую, пахнущую типографской краской газету, в которую она сумела прямо или иносказательно вплести их высказывания, описать их деяния, она радовалась, представляя себя солдатом, достойно выполнившим свой долг.

...В тот день Иван Росомаха вёл группу природоохранников через лес. Накануне выпал обильный дождь, и ручей, через который они могли перейти вброд, разлился. Не хотелось оставаться здесь на корм кровососущим насекомым, от которых уже невыносимо чесались все открытые участки тела. На закате дня Росомаха отправился на поиски короткого пути. Заглядевшись на причудливые поросли мха на деревьях, он сбился с дороги. Ориентируясь обычно в любом лесу, как зверь, он почему-то вдруг утратил это дивное свойство.

Внезапно странные чувства овладели им. Тревога и радость одновременно. Он шёл, как во сне, не понимая, что происходит с пространством и временем. На ум приходили какие-то стихи, написанные лет сто назад, как

будто им самим, но давно позабытые... Они приходили будто извне, озаряя его сознание и уступая место следующим...

Роскошная Птица, летая под тучей,
Не хочет спускаться, не хочет кориться.
И крыльев её никогда не коснуться.
Лишь только она — настоящая Птица...¹

Росомаха брёл наугад. Какие-то светлые тени проявились в сумерках. Они манили его, вели всё дальше и дальше... Женские силуэты, призрачные, в светло-зелёных платьях. Это были мавки², смиренные и нежные обитатели Леса. Росомаха застыл, наблюдая их в робких лучах заходящего солнца. Снова и снова стихи кружили ему голову. Как знать, может быть, эти строфы навевали они, духи Природы...

Я бачу часом в хащах лісу Бога,
Чий Лик священний сіє в світі вроду,
Чий подих робить з кожного святого.
Ім'я йому одне — ж и в а п р и р о д а...

Росомаха брел, будто чуткий зверь, доверяясь лесным Стихиалам³, которые указывали ему путь. В конце концов его «вынесло» на поляну, показавшуюся знакомой. Величественные могучие дубы, будто стражи тишины и вечности, застыли в закатных сумерках. Иван не верил своим глазам. Это же была Феофания, священное урочище! Это были его сакральные дубы, те самые, которые гибли на его глазах в далеком 2004 году. Он не сумел их спасти тогда, не смог защитить от нанятых убийц с бензопилами в руках...

¹ Цитата из поэтического сборника Алексея Василюка «СУМ» (К., 2002).

² Мавка — персонаж украинского фольклора, один из духов природы в образе прекрасной девушки. Наиболее ярко образ мавки воспет в драме-феерии Леси Украинки «Лісова пісня».

³ Стихиали — духи природного царства согласно терминологии Даниила Андреева в книге «Роза мира».

А здесь те же дубы стояли целые и невредимые. Они тихо кивали ему ветвями. Сбитый с толку, шёл Росомаха среди своих деревьев, уверенный, что это ему снится. А дальше, как это бывает во сне, дорога свершила неожиданный вираж с неистовой скоростью. Ещё шаг — и вокруг зашумело ветвями урочище Кожемяки... Скачок — и развернулась под ногами Пейзажная аллея, петляя вдоль подольских холмов.

Утомлённый, растерянный, присел Росомаха под развесистой липой на Пейзажной аллее, одной из тех, которые полегли от рук застройщиков в ненастную ночь осенью 2007 года.

Голова клонилась на грудь, и вдруг он услышал голос, зовущий его издалека: «Вставай, Иван! Время пришло!»

Росомаха встал, повинувшись этому зову, и пошёл туда, откуда слышался голос.

Звучали величественные аккорды органа, музыка будто струилась с небес. Грациозные кошачьи тени перебежали дорогу. На Пейзажной аллее, под воскресшими деревьями кружком сидела группа людей. Они приветливо улыбались Ивану. Это были его друзья и добрые знакомые.

Росомаха присел рядом.

Круг замкнулся.

Глава 15. «Однажды мы сбились с пути...»

*Об интима, досуге, Эммануэль, скандальных писателях
и призраке Достоевского*

спешный коммерческий проект «Издательский дом «Досуг»» путём нехитрых манипуляций стал изданием «Интим», специализирующимся на подробностях постельной жизни звёзд. Сократив своё название до «ИМ», издание столкнулось с судебными тяжбами за первенство брендов. После предъявления претензий со стороны газеты «ИМ» главред «Интима» Эммануэль Мурсалова пригласила Веню Обжорова «обсудить тему» за рюмкой коньяка. Дальнейшие споры за первенство бренда продолжались уже в её роскошном «будуаре». Так родился плод этой прагматичной любви — глянцевое приложение к изданию «Идеалы Майдана». Оно практически не изменило редакционную политику и всё так же отражало блеск поющих трусов с голубым оттенком. Тематика приложения, однако, стала обогащаться деталями из амурных походов политиков. Последним ноу-хау стали эксклюзивные интервью с представителями интеллектуальной элиты.

Заветной мечтой Эммануэль Мурсаловой было взять интервью у двух скандально известных писателей — Елены Волны и Всеволода Киевского. Об этой творческой паре ходили чудовищные слухи. Поговаривали об их неординарных сексуальных фантазиях, о финансировании ими радикального природоохранного движения, даже о причастности к тайному ордену «Фрогс»¹. Ещё, по данным службы ОБС², их орден вынашивал секретные планы создания государства в государстве — республики Жуков остров. Их давно уже пасла «охранка» за мнимую угрозу конституционному строю. Потому Эммануэль и получила задание от

¹ Frogs (англ.) — лягушки.

² ОБС (простореч.) — «одна бабка сказала».

шефа: вынюхивая скандальные подробности из жизни этой пары, выведать и нечто большее... С жёлтыми изданиями писатели принципиально не хотели иметь дела — и вдруг такая удача. Эммануэль ликовала.

Встреча была назначена в богемном заведении «Амурчик», который когда-то давно выкупил Обжоров, дабы показать свою благосклонность к людям искусства. Мурсалова прихватила на встречу последнюю нашумевшую книгу творческого тандема «Геометрия любви».

Писатели пришли точно в условленное время, заказали зелёный чай, отказавшись от спиртного, чем весьма удивили Мурсалову. Журналистка, посасывая через трубочку мартини и элегантно пуская колечки дыма, без промедления приступила к делу:

— Елена Михайловна, а как у вас случилось... (тут она сделала картинную заминку) *это* в первый раз?

Госпожа Волна слегка повела бровью, заговорщицки взглянула на своего коллегу и переспросила:

— Простите, вы о чём?

Мурсалова заёрзала и нервно погасила сигарету.

— Н-у-у-у... Ведь о вас говорят, что вы...

— Ну-ну, продолжайте, нам так интересно послушать, что о нас судачат!

— Понимаете, наш контингент интересуется подробностями любовных капризов публичных людей, а вы в этом... якобы преуспели...

Елена и Всеволод, улыбаясь, смотрели на труженицу жёлтого пера и молчали. Мурсалова продолжала ёрзать, затем, суетливо порывшись в сумочке, извлекла новый роман писателей. Её пальчики с длинными ногтями цвета спелой вишни нервно зашуршали по страницам.

Беседа явно не клеилась. «Да, — подумала Эммануэль, — это тебе не какие-нибудь «поющие трусы», которые охотно и в подробностях описывают свои куннилингусы за кулисами...»

Мурсалова выпятила грудь с глубоким декольте, шумно вздохнула и пошла в атаку на мужскую половину:

— Скажите, Всеволод, что вас вдохновляет на такое, м-м-м, животрепещущее описание интимных сцен? Вы пишете ваши романы вместе?

Всеволод:

— Милочка, если вы думаете, что мы пишем их в постели, в перерывах между соитиями, то несколько ошибаетесь. А с Еленой у нас действительно очень много общего. В своё время, когда мы работали в одном НИИ и писали книгу о Достоевском, нам однажды одновременно во сне явился дух Фёдора Михалыча. А это, знаете ли, весьма объединяет.

Мурсалова опять зажгла сигарету. Пытаясь вернуть разговор в русло привычного ей жанра, она выдвинула последний аргумент:

— Но ведь у вас репутация мастеров эротической прозы... Вот смотрите.

Она раскрыла книгу на нужной странице.

«Василий Сумароков предпочитал заниматься сексом с открытыми глазами. Слишком богатая фактура простиралась перед ним, чтобы пропускать такое зрелище. От одного лишь нечаянного прикосновения к груди Евдокии в нём выиграл такой вулкан, что он забыл выключить компьютер — и это была его большая ошибка. Из окошек в мониторе на протяжении всего сладостного процесса на него то укоризненно взирал Путин, то весело подмигивали две проститутки — брюнетка и блондинка. Проститутки смущали Василия меньше, а вот всевидящий взгляд бывшего Президента очень плохо действовал на его эрогенную зону. По старой привычке Василий хотел взять под козырёк, но под ним лежала дама, что препятствовало прямому исполнению долга перед отечеством. Ужас ситуации усугублялся ещё одним обстоятельством: он не закрыл собственную электронную почту. Даже виртуозность Дуняши не могла целиком вернуть его в процесс. Магнетичный взор Путина продолжал держать его совесть в ежовых

рукавицах, а в сменяющейся веренице почты начальница его отдела Маша Артюхина уже в третий раз напоминала, что на завтрашнем научном симпозиуме он обязательно должен упомянуть о непростой международной ситуации, в которую были втянуты Россия, Грузия и Украина. Ситуация менялась с каждым часом, а вместе с ней и тема симпозиума. Артюхина явно нервничала, и с каждым письмом её академический стиль расцветчивался фразеологизмами с тюркскими корнями, которыми богат великий и могучий русский язык. Тем временем Дуняша всё стонала под его волосатой грудью. Но воистину русский размер его «достоинства» неумолимо сокращался под грузом непростой международной политической обстановки...»

Мурсалова бросила вызывающий взгляд на Всеволода:

— А вы не боитесь, что ваш роман повлияет на отношения Украины и России? А вдруг русские перестанут вкладывать инвестиции в развитие строительного бизнеса в Киеве!

— Так что же вас волнует в большей мере, милочка, эротика или политика? — игриво парировал Всеволод Киевский.

И тут словесные игры прервал звонок мобильного из глубины пиджака Всеволода, оттуда, где, как предполагалось, обитала его душа.

Невнятной скороговоркой, на каком-то странном жаргоне писатель договаривался о встрече. В потоке его тарбарской речи Мурсалова всё-таки выловила звонкое иностранное словечко «frogs». Как только писатель завершил разговор, она снова ринулась в бой.

— Кстати, а правда, что вы принадлежите к ордену «Фрогс»?..

Но Всеволод будто не слышал вопроса.

— Так вот, об инвестициях... — рассеянно произнёс он куда-то в сторону. — А впрочем, какие там инвестиции! Понимаете ли, однажды мы с Еленой (он бережно взял свою даму за руку) сбились с пути. И решили больше не возвращаться...

Всеволод устремил поверх головы Мурсаловой долгий многозначительный взгляд. Затем он перевёл глаза на Елену, она загадочно улыбнулась ему кончиками губ.

Пауза затягивалась.

— Простите, — произнёс Всеволод. — Видите ли, дело не в эротической прозе... Впрочем, вам этого не понять, — он деловито посмотрел на часы.

«Не "Ролекс"», — отметила про себя Мурсалова.

— Вы нас извините, но нам уже пора откланяться, — любезно, но настойчиво произнёс Всеволод, затем извлёк из потрёпанного портмоне приличную купюру, которую он оставил на столе, подав знак официантке.

Писатели одновременно встали и покинули помещение, держась за руки.

Интервью не сложилось. У журналистки не повернулся язык вдогонку задать свой фирменный вопрос, как же всё-таки писатели относятся к куннинлингу...

Долго ещё в голове у Мурсаловой билась шокирующая фраза Всеволода Киевского: «Понимаете, мы с Еленой однажды сбились с пути... И решили больше не возвращаться». Мурсалова не могла понять, что этим хотел сказать скандальный писатель и, как всё сложное и непонятное, решила выбросить странную формулу из головы.

Глава 16. «Исцелите мои раны»

*Дух Города являет героям свой Лик
и напутствует их на битву*

ы находитесь на Территории Духа!» — гремел голос невидимого существа откуда-то из поднебесья. Слава и Линки сидели в кругу своих добрых знакомых неподалёку от Десятинной церкви, возносящей свои купола к звёздному небу. Как замороженные, внимали они этому голосу. Слева от них расположилась Светлана, Защитница Леса. Чуть поодаль сверкал глазами и улыбался в бороду Саша Глумов. За ним разместился хрупкий, почти невещественный Иван Росомаха, замыкали кружок эковоины Назар, Дрок, Щорс, Лука, Стриж...

Полная Луна освещала прекрасное лицо телеведущей Риты Розановой, рядом с ней восторженной юной улыбкой сияло лицо переводчика Пересвета. Его велосипед, на котором он исколесил всю Европу, целый и невредимый, лежал у его ног, как верный пёс. Обсохшие от объятий Клова диггеры тоже были здесь. Парень и девушка сидели, держась за руки, будто опровергая мрачные мысли о неизбежности смерти.

И все они, как один, ошеломлённые, в полном безмолвии прислушивались к каждому слову Голоса Духа:

«Я пригласил вас сюда потому, что вам дано видеть и чувствовать. Я пригласил тех, кто сохранил способность слышать мой зов, чувствовать мою боль как свою собственную. Следовательно, я состою с вами в кровном родстве.

Братья и сёстры! Посмотрите на меня! Вот мой подлинный Лик, сотворённый Создателем».

В этот момент музыка в поднебесье зазвучала громче. Собравшиеся увидели, как из-за деревьев к ним приблизился Некто. Подошедший поклонился собранию низко в пояс. Когда он выпрямился, от лица его невозможно было оторвать глаз. Его черты имели лишь внешнее сходство с земными. Это была бесстрастная, неземная красота... Его

очи некоторое время взирали на присутствующих, излучая свет и спокойствие. Никто не посмел прервать тишину этого взаимосозерцания. Даже музыка стихла. Наступила полная тишина.

Наконец Дух заговорил снова:

«Вы знаете моё лицо другим, и уже многие не способны отличить его от моего подлинного лика. Но мало видеть — нужно чувствовать. Ваши сердца бьются в одном ритме с моим. Спасибо вам, братья и сёстры, за то, что вы не позволили себя обмануть. Ведь силы тьмы внушают людям, что город развивается только тогда, когда его застраивают новыми домами. Но вы ведь понимаете, что они разрушают меня? Они ранят мой Лик. Лик вашего любимого города изуродован новостройками. Многие уже смирились с этим, но можно ли привыкнуть к незаживающим ранам? Если они сооружают небоскрёбы на месте Совских прудов — они сверлят мой висок, когда строят на Сырце — уродуют мой подбородок, на Подоле они забивают сваи в мой нос. Мой мозг сотрясается, когда они коверкают Печерск¹. Они загнали под землю Лыбедь и Клов, превратив их в сточные каналы. Теперь в моих жилах течёт отравленная кровь. Ежедневно и еженощно они убивают деревья, их стоны отдаются болью в моём сердце. Мы потеряли Феофанию, Кончу-Заспу, под угрозой сегодня Протасов яр, дубы Кристера, сосновые леса, окружающие венцом мой Лик...

Я позвал вас, чтобы передать вам веление Создателя: исцелите мои раны! Остановите новые преступления. Вы должны вернуться туда, откуда пришли. Сегодня ночью начинайте поход за обновление Территории Духа по

¹ «Мой мозг сотрясается, когда они коверкают Печерск» — описанные образы позаимствованы из книги В. Колинько и Г. Куровского «Киев — священное пространство» (К.: Київська ландшафтна ініціатива, 2006). Концепция авторов заключается в том, что ландшафт Киева с космической высоты выглядит как нерукотворный человеческий лик и является священным. Авторы предлагают новую ландшафтную философию, лежащую в основе кардинального переосмысления социально-экологической политики киевской власти.

всему городу. Я вручаю вам волшебные мечи. Одно прикосновение этого оружия разрушает новостройки и даёт силы прорасти деревьям. Но помните: это оружие действует в руках тех, чьё сердце наполнено отвагой и истинной любовью к своему городу. Далее направляйтесь на Жуков остров — там остались места, которых не касалась рука землепашца, воина и строителя со времен Великого Ледника. Но сегодня и на эту заповедную землю зарится Хам Грядущев и его приспешники.

Вы должны прийти на территорию Жукова острова и основать там республику Духа. Ангелы Небесного Воинства будут посланы вам в помощь! Но помните: главное препятствие на пути к Территории Духа — это ваш страх. Гоните его прочь, будьте свободными! А поведёт вас... (Дух Города обвёл собравшихся глазами и встретился взглядом со Славкой). Поведе́т вас Станислав Выгурин. Времени осталось мало. Идите же и помните: вы не имеете права на страх! Вы — мои воины!»

Дух растаял. Растерянный, сидел Славик на камнях под Десятиной церковью, ощущая в своей руке необычайное тепло. «Это меч», — догадался он. «А поведет вас Станислав Выгурин!» — торжественно и повелительно звучал голос Духа в ушах Славки. «Нет, это не сон. Вставай же!» — приказал сам себе Выгурин. Он окинул взглядом своё немногочисленное войско. Все замерли в готовности. Линки сияла от восторга. А рядом стояли Назар, Дрок, Лука, Щорс и Стриж — как всегда, бесстрашные и весёлые.

«Почему я, а не кто-то из них? Не ошибся ли Дух Города?»

И тут в голове у Славика вспыхнул ответ: «Да, ты не самый сильный среди собравшихся. Но вспомни, кем ты был еще вчера. Воины, которые идут за тобой — им и так неведомо чувство страха. А ты, единожды сумевший преодолеть свою слабость, должен повторить это ещё не раз и поведать об этом людям. Ты — вестник на этом поле брани, и это важнее. *Приде́т твоё время, и ты напишешь об этом*».

Откуда-то сверху, с небес зазвучали голоса, которые услышал один Славик. Они произносили нараспев: «Не убоишься от страха ночного, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме переходящая, от сряща, и беса полуденного. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится... На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия...»¹

«Пойдёмте, братья и сёстры», — тихо, но решительно сказал Славик. Его призыв прозвучал неожиданно торжественно. И Линки ступила за ним первая. Неведомая сила подсказывала Выгурину, куда идти, чтобы вывести своё войско в реальный город, нуждающийся в их защите. Вереница воинов двинулась вниз от Десятинной, взирающей на них окнами-бойницами своей тысячелетней постройки, к Днепру. Они шли при свете Луны, кто взявшись за руки, а кто поодиночке. Люди, собравшиеся *вне места и времени* ради дела, которому посвятили свою жизнь.

¹ Библия, Псалом 90.

Глава 17. Испытание страхом, а также искушение благами мира

Герои встречаются с силами тьмы

ад фуникулёром мерцал таинственный свет. Станислав повёл повстанцев к фуникулёру, чтобы спуститься на Набережно-Крещатицкую и двинуться вдоль склонов Днепра. Именно там должно было произойти первое испытание их мечей.

«За мной!», — скомандовал Выгурин, ступив в вагон, и в это мгновение к своему ужасу почувствовал, что летит куда-то в тартарары. Линки, ни на шаг не отстававшая от своего друга, тут же была сбита с ног и даже ахнуть не успела. Фуникулёр, оторвавшись от своих чудовищных шарниров и взмыв куда-то в пространство, превратился в западню. Полёт был недолгим. Приземление не стало гибельным для молодых людей. Кому-то они понадобились живыми.

«Приехали, товарищи анархисты!» — дразнил откуда-то сверху чей-то злорадный насмешливый голос. Слава и Линки не видели говорившего, но в этот момент у них пересохло во рту и сдавило грудную клетку.

А над ними плясали чудовищные тени, слышался жуткий шёпот, несло неимоверным смрадом клоаки. Ужас скользнул в душу и пронизал каждую клетку новоиспечённых воинов. «Это пытка страхом», — догадалась Линк-Линк. Пытка продолжалась. Страх — живой, воплощённый в химической формуле сошедшей с ума крови. Страх мощной глубинной природы, впитавший в себя память предков, идущих под стрелы, под сабли, под пули, под шпирутены. Гонимых на плаху, на дыбу, на крест. Страх падающих с нераскрывшимся парашютом, задыхающихся в подводной лодке, брошенных в горящие топки, засыпанных в угольных шахтах, похороненных заживо под снежной лавиной...

«Ага-а-а! — злорадно подвывал далёкий дразнящий голос, обращаясь к Линки. — Ты этого хотела? Ты играла

в Жанну Д'Арк, ты начиталась умных книжек? Свободы тебе, равенства? Пока это ещё только страх, а ещё будет боль!»

Никогда ещё Линки и Славик не чувствовали себя такими растоптанными, беспомощными и жалкими. Ещё никогда они не испытывали такого животного, подлого и унижительного ужаса... «Спокойствие! Главное — спокойствие!» — лихорадочно повторял Слава, которого несло, как бумажный кораблик в мутном потоке. В голове лихорадочно металась обрывки фраз и стихов, не находилось только нужных слов, чтобы остановить это падение в преисподнюю подсознания.

«Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать...»¹.

Какие-то стихи бились в сознании, потом истаивали, гонимые волной страха. Юноша больше не мог полноценно думать, не мог совладать с собою.

«А-а-а-а-а!» — кричал кто-то страшным диким голосом в глубине его подкорки. Кто-то скрежетал зубами, и лезли глаза из орбит у кого-то дальнего, не у него.

«Миллионы убитых задёшево
протоптали тропу в пустоте, —
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей»².

«Боже всемилостивый», — шептал Выгурин. Он всё сжимал в холодных мокрых ладонях своё невидимое оружие, но оно не работало. Всё его существо было парализовано страхом, а оружие предназначалось только смелым.

Как заклинание, повторял Слава всплывшие из далеких пластов памяти, давно позабытые стихи.

¹ Осип Мандельштам. «Стихи о неизвестном солдате».

² Там же.

Вдруг тот же самый голос Служителя Тьмы насмешливо спросил у поверженных героев:

«И это вы говорите от имени всех жителей города? Ха-ха-ха!!! Да посмотрите на себя! Кто вам дал такое право? А может, горожане хотят совсем другого? Я знаю, чего они хотят: хлеба, зрелищ, удовольствий — да побольше, и любыми средствами! Ваши правила не работают, они, хе-хе, книжные. Ну на кой нужны обывателю ваши правда, честь и совесть? А калёного железа не желаете? Ха-ха-ха!»

И в тот же миг «собеседник» соткался из ничего перед их глазами, человекоподобная сущность, рядящаяся в людские одежды. Такие, как он, живут в плену роскошных офисных кресел, в лабиринтах казённых коридоров, в тревоге и ненавистных мыслях. Он всегда там, где жарко и пахнет деньгами. Только вот рвутся линии жизни тех, кто жаждет превосходства над людьми, проваливаются в пропасть деньги, заработанные на унижении и смерти других, и ввергаются в пучину проклятий те, кто попадает под влияние демонов власти.

Сознание то возвращалось к Славке, то отступало. Взгляд тёмной сущности не давал ему задержаться надолго, и он проваливался всё глубже в пучину своего страха.

«А скажите-ка, голубчики, где это вы слыхивали об идеальном обществе? Где вы видывали идеальных людей? Я знаю наизусть историю вашего возомнившего о себе человечества. Ничего похожего там не было. А может, вы себя вообразили совершенными? Да посмотрите, от вас уже ничего не осталось, вы — ничто! А ваше войско — всего лишь горстка тупых идиотов. Они все ушли домой спать! Мы тут хозяева, это НАШ город, и он будет таким, как Мы захотим. Город будет разрастаться: ввысь, вширь, вглубь — как НАМ захочется. И ни единого деревца там не останется, ни птички-зверушки. Водоёмы скроются под бетоном, и газоны будут покрыты асфальтом. И никто из киевлян даже пикнуть не посмеет! Они этого даже не заметят, потому что им будет все равно! Посреди каменных джунглей останется лишь пустота дней и тяжёлый труд в поте лица! Ведь так повелел вам Господь, не правда ли?»

Палач не знал, что Линки нельзя злить. Он не смог постичь природу её злости, того, как загадочно она превращается в иное вещество, вытесняя страх. Кровь Линки начала закипать. Слишком привычные, банальные вещи говорил этот Служитель Тьмы. Девушка слышала это множество раз, это немного напомнило её последний разговор с Обжоровым — и оттого ей стало немного смешно. И в этот момент Линки почувствовала, что страх отступает. А вместо него, как это бывало во время уличных противостояний, гордый и властный, пришёл всесокрушающий гнев.

«Город не может развиваться вопреки чести и совести, на месте киевской старины и парков! Такой город превращается в кладбище, в каменный мешок!» — как на пикете, выкрикивала она.

Она смогла уже приподняться и глазами посылала сигналы Выгурину.

Служитель Тьмы спохватился: «Ага, каменный мешок, говоришь?! А вот сейчас мы вас и спрячем в мешок, в настоящий каменный мешок, в каменные могилы! И мы будем наслаждаться тем, как вы там синеее и корчитесь. Ха-ха-ха!!!». И услышанное дополнил страшный оскал палача из преисподней. Линк-Линк ужаснулась картине явления дьявола воочию, и её воспрянувший было дух начал ослабевать, захваченный врасплох очередным испытанием.

Сатанинский смех летал над их головами, над городом, оскверняя его прекрасный Лик. А его защитники были задавлены страхом невиданной мощи, которого никто из них не испытывал ранее.

По знаку Служителя Тьмы к Линки и Выгурину приблизились чёрные тени в капюшонах. Палачи связали им руки и уложили их лишённые воли тела в каменные могилы, и тяжёлые плиты со страшным скрежетом закрыли звёздное небо над их головами.

Спящие горожане не хотели замечать происходящего в их умах и в реальности. Всё так же гудели стройки по всему Киеву, трудились в третью смену приезжие со всей

Украины, которым обещали крохи с барского стола. Ворочался в постели градоначальник Хам Грядущев, никогда не видевший снов. Кроме строителей, не спали только стражи порядка и их вечные противники, которые проворачивали свои делишки по ночам. Они, бодрствующие, замечали в сознании какое-то смятение. Им мерещились приглушённые стоны и шёпоты, но никто не понимал, что это исходит извне, а не оттого, что кто-то из них по обыкновению накануне «дёрнул лишнего»... А битва в умах, битва за души человеческие не стихала. Как, впрочем, всегда.

Собрав последние крупы своих распадающихся сил, Линки успела сдавленно крикнуть: «Славик, отключи свой страх, слышишь?! Это их главное оружие. Ничего не бойся!»

Её последнюю фразу проглотила могильная плита.

Однако ключ уже был найден. В кромешной тьме в почти угасшем сознании Линк-Линк ярким светом вспыхнул и остался гореть негасимой лампадой Лик Духа Города. Его голос звенел над липами Пейзажной аллеи: «Помните — главное препятствие на пути к Территории Духа — это ваш страх. Гоните его прочь! Вы не имеете права на страх!». И Линки почувствовала, как с каждой секундой становится сильнее, как страх бежит от неё.

Выгурин лежал в своей каменной колыбели, а в ушах его всё звучал тихий крик Линки: «Отключи свой страх!!!» Это придало ему силы. Он сжал в руке свой невидимый меч и почувствовал тепло. «Получается», — подумал он. И в этот момент насмешливый голос Служителя Тьмы стал сладким, как патока. Началось очередное испытание: искушением.

«Мы знаем, что только тебе, Станиславу Выгурину, дано право остановить своих воинов. Сделай это, и мы выпустим вас обоих. И ты получишь то, чего хотят все нормальные человеческие существа: денег побольше, бытие без забот, и «все царства мира и славу их. Всё это дам те-

бе, если, пав, поклонисься мне»¹. Разве не этого ты хотел всегда? Разве это не важнее, чем любые идеалы, которые лишают тебя настоящей жизни? Только дай команду «назад!» своим воинам! А иначе вы умрёте. Медленно и мучительно...»

Внезапно удивительное спокойствие охватило Выгурина. В его родовой памяти прокатилась волна воспоминаний о предках, умиравших за землю, один за другим, на фронтах всех мыслимых малых и больших войн, за чужую землю и за свою, но чаще за чужую. За чужие интересы, за чью-то бесстыдную роскошь... Однако это уже было не важно. Выгурин вычленил из этого потока одно: если надо умереть — он умрет. Но сволочью не будет! Ведь там, снаружи, прекрасен ликом, его ждёт Дух Города. Он назначил его военачальником. «Ангелы Воинства Небесного будут посланы вам в дорогу!.. Я позвал вас, чтобы передать веление Создателя: исцелите мои раны!»

«Боже! — прошептал Слава. — Дай мне силы во имя Твоё, Господи!» И он выпрямился в своём страшном футляре, как струна. В нём поднималась ярость. Вся его дикая страсть, прирученная, влитая в жилы воспитанного мальчика из хорошей семьи, вскипела в нём, и он почувствовал себя солдатом, воином свободы. Но только не жертвой, не пушечным мясом, не частичкой биомассы. Он ощутил в онемевших связанных руках тепло. И тогда светлый луч его оружия вошёл в каменную плиту, как нож в масло, и она рассыпалась в труху.

Выгурин встал из своей каменной могилы и расправил плечи. Над ним простиралось ночное небо. И в этом небе сражались Ангелы Небесного Воинства с силами Тьмы: сражались за Дух Города, за его прекрасный Лик, за него, Славку, и его подругу Линк-Линк, за всех киевлян, которые ступили на путь сопротивления, и за тех, кто безмятежно спал сейчас в своих постелях. От него, Славки, требовалось лишь одно: изгнать свой страх. И он это сделал.

¹ Библия, Евангелие от Матфея 4:8,9.

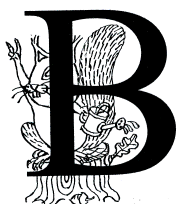
— Линки! — позвал он.

Девушка освободилась чуть раньше его. Она стояла, обратив лицо к востоку. Там, на краю земли, небо наполнялось алым светом. Казалось, она молилась. Её губы шептали слова благодарности.

«За нами Дух Города! А вы, бессмысленные, рассыпайтесь в прах!» — вскричал Выгурин, и его сияющее оружие озарило пространство. А за его спиной, словно по сигналу, уже приближались вооружённые чудесными мечами люди под началом Назара. Они шли и пели какую-то песню. Впереди их ждал Жуков остров и... благословенная Территория Духа.

Глава 18. Республика «Жуков остров»

О целительном действии небесных мечей

Выгурин переглянулся с Линки. Они ободряюще улыбнулись друг другу, и молодой военачальник повёл свой небольшой отряд по направлению к набережной. Они уже знали, что делать. Осуществление их мечты было близко. Там, на склонах Днепра, на улице Грушевского, поправ неповторимый киевский ландшафт, нелепым уродом возвышался памятник эпохе Юща: небоскрёб, ранящий небеса, оскорбляющий Дух Киева пред Ликом Господа. В его слепых глазницах отражалась предрассветная Луна. Он так и оставался незаселённым. Президент страны поклялся народу не допустить этого строительства, но, как истинный хозяин своего слова, он забрал его обратно, и стройка состоялась. Это случилось в те времена, когда все собравшиеся были бессильны перед палачами города. И вот настал час перемен.

«Окружаем здание!» — приказал Выгурин, указывая на бесовское сооружение, и вдруг увидел, как в его руке замерцал длинный луч света. Когда луч достиг небоскрёба, тот превратился в ничто. Покрытые пылью воины принялись крушить паркинг, выполняя акт сатья-граха¹, возвращая железо Земле.

«Этого мало, продолжай, — слышался в подсознании Славика уже знакомый голос. — Подними ещё раз свой меч и подожди!»

Славик вскинул своё Божественное оружие, задержал его луч на вражеском объекте и с удивлением увидел, что на месте рассыпавшейся в прах новостройки прорастает

¹ Сатья-граха — термин из философии Дзэн. Американский поэт Гарри Снайдер утверждает, что бульдозер, как орудие для уничтожения природы, сделан из металла, по большому счёту из железной руды. «Поскольку руда добыта из Земли, её следует вернуть Земле в виде груды ржавеющего металла. В этом и состоит акт сатья-граха». (Из книги Дэйва Формэна «Исповедь эковоина».)

сад. Воины закончили своё дело только тогда, когда кроны деревьев развились, обретя свою прежнюю красоту и мощь, и благодарно зашелестели листвой. В их ветвях зазвучала предрассветная молитва птиц. Из зарослей выпрыгнула белка и юрко заскользила по стволу, приветствуя на своём языке защитников деревьев.

Воины Духа ликовали. «Пойдёмте на Кристерову горку!» — кричали Назар и Дрок. «Погоди, всё по порядку», «Карта! У меня есть карта застроек!», «Разбиваемся на отряды!», «Шлите сигналы нашим людям, оставшимся дома, пусть присоединяются!», «Пусть идут на Жуков остров!»

Это была самая длинная ночь в истории Киева. По особому велению Духа Города Время работало сегодня на них. Они успели до рассвета очистить Киев от *мерзости запустения на святом месте*, от всех несчастий, что свалились на него за годы правления временщиков, холуёв и торгашей. Сияла очищенная от фитнес-центров и пятизвёздочных отелей София, блистала в рассветных лучах Соломенка, избавленная от выросших на склонах Протасова и Кучмина яров бетонных монстров, вновь пышно расцвёл сад на высотах Печерска, зазеленела Глыбочицкая, Лукьяновская, Березняковская... Люди просыпались и видели за окном вместо ненавистного бетонно-стекольного пейзажа дивный сад в лучах восходящего солнца.

Некоторые забытые всеми фантасты встречали то утро с чувством дежа вю. Они считали, что этот пейзаж остался только в их книгах, задуманных ещё в те времена, когда люди верили в коммунизм и всеобщее благо.

«Массовые общественные беспорядки происходят сейчас на окраинах и в историческом центре Киева. Агрессивно настроенные элементы рушат здания, заявляют о своём неприятии законной власти и планируют полномасштабный захват столицы. Данных о погибших не поступало.

По последним сообщениям, к Киеву подтянуты регулярные войска. СБУ заявила о своей готовности

всецело противодействовать терроризму. На вопрос о том, можно ли было предотвратить эскалацию насилия, глава Службы безопасности Украины Василь Опередько заявил, что его службе было давно известно о планах бандитов по захвату киевских земель. Вопрос «СК», почему эти планы не были пресечены, Опередько отказался комментировать.

Находясь на своей охраняемой даче в Конча-Заспе, народный депутат от Партии провинциалов Украины Василь Рагуль эмоционально заклеил агрессивно настроенных бандитов, уничтожающих частную собственность отдельных киевлян, в частности, он сказал следующее: «Они ещё ответят нам за всё!»

Официальных комментариев от Секретариата Президента и Киевского городского головы Хама Грядущева пока не поступало. Выйти на связь с ними «СК» не удалось».

«Сумеречный Киев», спецвыпуск.

Утомлённые засухой травы на Жуковом острове были покрыты утренней росой. Только величественные дубы громадились тёмно-зелёными глыбами, невозмутимые, как сама вечность. Колонна воинов пополнялась проснувшимися киевлянами. Весть о республике Жуков остров уже разнесла СМС-почта, её ещё не успели испоганить Канал частных новын, газета «ИМ» и пережевать вторящие им «независимые» СМИ.

Тем временем левые и правые, анархисты, панки, бандеровцы и антифа, диггеры, хиппи и просто свободные люди города на велосипедах, на мотоциклах, на автомобилях и пешком, гружённые рюкзаками и налегке держали путь на Жуков остров. Они знали — им предстоит стать живой изгородью на пути ментов, ОМОНа, нанятых бандитов... Они были готовы ко всему. Им было не впервой. Из колонок автомобилей и мотоциклов гремела музыка. Игра-

ли на флейтах, на гитарах, на губной гармонии. Хорошо поставленные мужские голоса выводили а капелла «Як тебе не люби́ти, Киє́ве мій», и эта совковая песня обретала в устах молодых и свободных людей особый смысл.

Выгурин спешил. Нужно было привести людей на остров, организовать охрану и закрыться там до тех пор, пока не хватятся холуи Хама Грядущева.

Саша Глумов (тот самый, из не вписавшихся в телепрограмму) успел у входа на дамбу повесить табличку «Территория Духа». «А почему это так называется?» — спросил у него какой-то подросток. «Понимаешь, брат, слишком много алчущей мрази развелось на нашей земле. Надо этой нескончаемой жадности противопоставить что-то другое», — последовал туманный ответ, но паренёк понял. «Только бы политиков сюда не пускать, а то они любое пространство духа на бабки меряют», — добавил повстанец, шедший по дамбе с походным рюкзаком.

«Республика! Республика Жуков остров!!!» — ликующе гремело отовсюду. Заря пылала, как жаркое пламя печи. Предстояла битва, и не одна.

Глава 19. «Адам и Ева»

О публичном омовении Самсона, удивительнейшем в истории человечества венчании и самом ценном свадебном подарке

*«Я поля влюблённым постелю...»
Владимир Высоцкий*

Встреча была назначена у Самсона. Он пришёл раньше — не мог больше усидеть дома. День клонился к вечеру, но жара не унималась. Больше всего хотелось подставить затылок под струю, вытекающую из пасти льва, попираемого Самсоном, или нырнуть... С изумлением Адам заметил новый фонтан, выросший, как гриб после дождя, в скверике возле Сквороды. И был этот фонтан совсем не новый. Бронзовый сосуд его бассейна был покрыт благородным серо-зелёным налётом времени. «Чудеса...» — рассеянно подумал Адам. А в фонтане уже плескались детишки. Частица роскоши от их невинной водяной оргии досталась малым городским пернатым. Распушив пёрышки, они вносили в технофонию города задиристую нотку воробьиного счастья.

В этот день решил помыться и Самсон. Точнее, его решили помыть две симпатичные девушки. Непринуждённо смеясь, они раскладывали на асфальте «банные принадлежности», и небольшая толпа зевак приготовилась смотреть на это необычное зрелище. «Зачем?» — вопрос, который пережёвывали молодые люди с бутылками нагретого вечерним зноем пива, остался висеть в воздухе. Кто-то судачил о пиар-акции и телесъёмке, о грантоедстве и предвыборной гонке, пытались вычислить на футболках девушек политические атрибуты... Девушки только насмешливо поглядывали на них и продолжали намыливать голую Самсонову спину, старательно чистить зубы пострадавшему от его хилых рук льву... Телекамер не наблюдалось, партийных знамён тоже. Девушки помыли смешной памятник и уехали на метро домой. На следующих выходных они помогут ветерана Первой мировой Гашека — ведь властям было наплевать на всё то, с чего нельзя было поиметь свою прибыль.

Адам был благодарен этим необычным девушкам. «Это добрый знак!» — подумал он, и в этот момент раздался тихий шёпот, проскользнувший в его ушную раковину со стороны затылка.

«Адам!» — Ева подкралась незаметно, он услышал сначала её горячее дыхание, потом прохладные руки закрыли ему глаза...

«Ева...» — прошелестел сухими от жажды и волнения губами Адам. На этом словарный запас влюблённых закончился, и они, взявшись за руки, направились к ближайшему киоску за холодной водой. Но вода в «стекляшках» за день нагрелась и была ближе к точке кипения, чем к возможности утолить жажду. Они пошли вверх по Андреевскому в поисках уютного кафе, но натыкались на стеклянные оценивающие взгляды охранников и официантов, неоправданные цены на подслащённую фальшивую воду и такую же попсовую музыку.

«Лучший в мире напиток — родниковая вода, — мечтательно произнесла Ева. — Может, лучше в магазин зайдём?»

Адам немного помрачнел. Он так хотел, чтобы в этот особый для них вечер всё складывалось самым удачным образом. Ему вспомнилась цитата из какой-то книги: «...И началось великое шествие влюблённых, и город простёрся у их ног...» Но, наверное, это был другой город и другая страна...

И всё-таки в этот вечер им тоже досталась малая удача: набрести на чудом уцелевший «советский» магазин, где их ждал целый холодильник колючей прохладной минералки.

Их рюкзаки, украшенные значками «Meat is murder»¹, «Дом дельфина — море!»² и разрисованные ошетиливши-

¹ «Meat is murder» (англ.) — «Мясо — это убийство!», лозунг объединённых вегетарианских и зоозащитных инициатив.

² «Дом дельфина — море!» — лозунг кампании природоохранных организаций и Дружин охраны природы против содержания дельфинов в дельфинариях с коммерческой целью, начавшейся в Украине в 2009 году. Аргументация кампании основана на том, что

мися кошками¹, сегодня были тяжелее, чем обычно: палатка, карематы, запас еды... Они всё решили заранее. На юго-восточном горизонте города брезжил призрак Жукова острова, который притягивал их, как магнит.

Вскоре они уже ехали по направлению к «Лыбидской», а там было рукой подать до Корчеватого. И наконец городская суэта осталась где-то вдалеке. Благословенный Жуков остров как будто давно ждал их.

В этот уцелевший от натиска застройки зелёный рай обычно ходили местные гопники², экологисты и влюблённые. Гопники исчезали с территории заповедника с наступлением сумерек («на районе» висеть было безопаснее), экологисты — где-то через час после гопников (они были несколько бесшабашнее), а влюблённые — кто может вычислить сумасбродную траекторию их движения?

Адам и Ева шли, взявшись за руки, и молчали — они не знали слов, чтобы выразить свои чувства. Они боялись смотреть друг на друга и скользили глазами по августовской роскоши нетронутой природы.

дельфин должен жить в открытом пространстве, поскольку ориентируется в море с помощью эхолокации и сходит с ума в замкнутой ёмкости; должен плавать в морской воде, так как слепнет от хлорированной воды; должен пребывать в родной стае, а не в изоляции от сородичей. Авторы книги также разделяют мнение, что дельфинарии как явление должны быть запрещены.

¹ «Ощетинившаяся кошка» (сленговые названия символа на английском — «sabotage cat», «sab cat», «sabo-tabby») — один из символов анархистского и анархо-синдикалистского движения, а также движения так называемых сквоттеров — людей, живущих в самозахваченных домах и стремящихся создать независимые от «общества потребления» самоорганизованные коммуны. Символ был создан и популяризован в начале XX века Ральфом Чаплиным, деятелем профсоюзного объединения «Industrial workers of the world» (IWW).

² Гопник (иначе «гоп»; название происходит, по разным версиям, от аббревиатур «Городское общежитие пролетариата» или «гражданин опасного поведения») — хулиган (как правило, подросток), подражающий воровским законам, обычаям и употребляющий в речи элементы воровского лексикона. Промышляет «выбиванием» денег из младших и слабейших.

Вечерело. Кувшинки уже сомкнули свои лепестки, и над тихой заводью повисло ночное светило. Природа Жукова стряхнула с себя рекреантов и гостеприимно встречала робкую пару. Со всех сторон на них слетались поглазеть мудрые Воробьи, и величавые Воробьи несли в поднебесье благую весть: на остров пришли настоящие Адам и Ева. Камыши взволнованно шелестели, обсуждая новость с Ветром, Жабы пучеглазо топырились на водной глади, Цапли выворачивали свои грациозные шеи, чтобы разглядеть эту пару. А Летучие Мыши бесшумно рассекали бирюзовый эфир, едва не касаясь своими кожаными крыльями смиренных гостей полуострова, не подозревающих, что здесь давно их ждали. И ждали не только на Жуковом.

Весь живой мир земной природы со времён Первородного греха ждал, как избавления, этой удивительной свадьбы.

А влюблённые, ничего не ведая о своей миссии, просто задумали провести свою первую ночь на природе — вдали от глупой музыки, от криков «Горько!», без свидетелей, без родителей, без понаехавших из деревни родственников, без водки, без выяснения платёжеспособности сторон, без холодца и салата оливье...

Они выбрали место для своего гнёздышка под сенью векового дуба, и колышки палатки податливо вошли во влажный чёрнозём нетронутой землепашцем земли.

Поверх каремата невеста постелила простыню, которая рассмешила Адама: на ней котятка гонялась за клубками ниток под укоризненными взглядами бабуль в чепчиках и сползающих на нос очках.

Вот и ложе было готово, и нетерпеливый Адам вопросительно взглянул в глаза своей избраннице.

«Постой, ты забыл... Мы должны спросить у них! У всех-всех...»

И в этот миг наступила такая тишина, какой не бывало со времён создания мира. Все голоса Природы, казалось, замерли, чтобы послушать Адама и Еву.

«Я, Адам...»

«Я, Ева...» — вторила ему избранница.

«...Просим прощения за всё зло, причинённое человечеством Природе, за все уничтоженные виды растений и животных, за отравленные воды рек и морей, за вырубленные и сожжённые леса, за проливаемую ежечасно кровь невинных существ и их непомерные страдания. Просим у Создателя прощения за ошибку его детей, наших прародителей, и просим обвенчать нас...».

«...обвенчать нас для начала новой жизни», — вторила своему возлюбленному Ева.

«Обещаем перед лицом всех присутствующих здесь существ больших и малых, перед духами Воды, Земли, и Светил Небесных, и Стихий Земных — быть единой плотью друг друга, делить поровну и печаль, и радость, и хлеб насущный. И растить своих детей с любовью и уважением ко всему существу на Земле».

Так молвили они в первозданной тишине, а когда завершили и соприкоснулись устами — услышали они ликующий голос Природы.

Стада Коров и табуны Лошадей, смиренно и безропотно служащие Человеку; отдающие ему своё молоко, плоть и кровь; Собаки и Кошки, лицемерно называемые «домашними любимцами», но становящиеся жертвами начинающих маньяков, подручным материалом для эскулапов и объектом наживы для гицелей¹ всех рангов; их дикие братья, томящиеся в зоопарках и страждущие в цирках под игом дрессуры, убивающей Дух Свободы; Дельфины, слепнущие и сходящие с ума в хлорированной воде бассейнов-тюрем; Быки, в бессильной предсмертной ярости мечущиеся на аренах корриды; Тюлени, оплакивающие своих детёнышей-Бельков... И всё великое Царство Звериное, обитающее в лесах, водах, степях и пустынях, ставшее заложником безумной деятельности самого страшного и сильного хищника на Земле, ответило Адаму и Еве своим согласием. Целую вечность они ждали, когда двуногие попросят у них прощения и исправят свою чудовищную первородную ошибку.

¹ Гицель (*арх.*) — живодёр; человек, отлавливающий собак (употребляется в негативном значении, как ругательство).

Невероятной мощи аккорд, состоящий из гортанного рыка, блеяния, воя, мычания, хрюканья, стопа, ржания, шипения, гоготания, писка, лая, мяуканья, чириканья, кукареканья, клёкота, трели, пересвиста, морского прибоя, шума ливня и шелеста листвы потряс вечерний воздух. А может, это им только казалось? В ушах остался звенеть один лишь жабий хор, но вдруг торжественно, как орган, зазвучали небеса.

...И когда они лежали, обнявшись, грезились им, что во всём мире прекратились войны и глобальное потепление, и перестали голодать дети в Африке. И снизился уровень инфляции, и преумножились исчезающие виды животных. И люди стали добрее, и больше никто не убивал собак, не уничтожал реликтовые деревья в национальных заповедниках, а заодно и «самосейки» среди асфальта больших городов... Никто не сквернословил, не пил горькую, и вместо того, чтобы привычно «трахаться», все живущие на Земле мужчины и женщины стали нежно любить друг друга.... И волк выпустил из пасти ягнёнка, а охотник сломал ружьё и забросил его в болото, и долго рыдал, оглашая лес своим безутешным раскаянием... И модельеры перестали использовать меха, а промышленники прекратили сливать гадость в реки. И никто не пытал животных ради великих научных открытий во имя их главного палача на Земле — Человека-потребителя... А в зале Верховной рады — Боже правый! — поселились Летучие Мыши. И по вечерам в этом застоявшемся помещении гулял свежий озорной ветер от их невероятного полёта. Избранники от народа перестали ссориться между собой и на радостях напринимали на сто лет вперёд целый ворох нужных, добрых и разумных законов....

И весь мир превратился в необъятный океан и задышал полной грудью, бережно держа влюблённых в своих ладонях, как самое большое сокровище на Земле. И они поплыли в этот мир. В мир, очищенный их любовью. И началось Великое Шествие Влюблённых. И Лик Города, их любимого Города, озарился улыбкой блаженства.

Так лежали они и посылали свои молчаливые телеграммы прямо к Богу — чтобы было так. И Сон неслышно

понёс их в своей лёгкой небесной лодке, и не было счастливее их на Земле. Жуков остров спрятал их в серо-зелёном тумане и напевал им колыбельные, и любовался ими.

...А наутро туман развеялся. Вместо пения птиц новобрачные услышали нарастающий гул и топот ног, и торжествующий смех... Приближался его величество Народ.

Страшно стало Адаму, и обнял он Еву, готовый отдать за неё свою жизнь. Они спешно оделись, готовясь к самому худшему. Но небеса всё так же звенели высокой нотой, и внезапно удивительное спокойствие овладело влюблёнными.

Тем временем шум нарастал, и вот уже на их поляну ступили люди, много людей. В камуфляжной форме и в обычных джинсах и футболках, длинноволосые и коротко стриженные, молодые и не очень, — но все они, как один, светились радостью и необычным для толпы вдохновением.

Вот они уже здесь, и странно, странно звучат их слова: «Простите за беспокойство, но мы должны разбить здесь лагерь». «Это, как бы сказать поточнее... военный лагерь, но не в том смысле...» «Понимаете, так надо... Это предопределено».

Необычная такая риторика для толпы...

И внезапная догадка охватила Адама и Еву. А тем временем возле их убежища уже сооружали флагшток со знаменем какой-то невиданной доселе республики. На гордо развевающимся стяге красовался ёжик, обнимающий каштановый лист. А по центру — надпись: «Территория духа».

Рьяные анархисты хотели было дорисовать к девизу свое извечное перечеркнутое «А», но некий интеллигентный бородач отговорил их. «Никакой политики и борьбы идеологий!» — произнёс он. И его послушали!

Адам прошептал на ухо Еве: «А ведь мы оказались здесь первыми!». «Да, и они сделали нам лучший в мире свадебный подарок!» — ответила она.

Их палатка так и осталась стоять посреди лагеря повстанцев. Их по заслуге нарекли первыми гражданами республики Жуков остров. На Большую землю они возвращаться не захотели. Жуков остров стал их настоящим домом — поскольку иного дома у них не было.

Интерлюдия *«Торжество свободы слова»*

«Взрыв насильственной борьбы с застройками в столице был вполне предсказуем. Впрочем, это нисколько не оправдывает как спецслужбы, допустившие эту беспрецедентную акцию, так и киевскую власть, дающую возможность застройщикам беспрепятственно возводить здания там, куда бы они ни указали на карте Киева. «ИМ» давно следит за этой проблемой, находясь всегда на переднем крае событий. Сейчас мы можем подытожить, что такому исходу нет никакого оправдания. Украина должна смириться с тем, что отныне простые граждане обязаны пойти на некоторое ущемление их прав в связи с последними событиями в столице. Речь идёт и об отдельных изменениях в Конституции. Только полный и масштабный контроль соблюдения законности и порядка будет ответом на беспредел анархистов, царящий в Киеве, и в особенности в средоточии этого псевдовосстания — на Жуковом острове...»

*Авдотий Бобрин, политолог,
кандидат физико-математических наук.
Специально для газеты «Идеалы Майдана»,
на следующее утро после событий.*

«Хам Грядущев, 57 років, відмовився давати коментарі з приводу подій у столиці. Народний депутат ВР Василь Рагуль, 37 років, заявив у інтерв'ю ГПБ, що «пішли б вони всі к чортової бабусьці».

Екс-президент України Л. Корчма, 70 років, заявив у інтерв'ю телефоном з курорту у Карлових Варах (Чехія), що ці події стали наслідком толерантної та слабкої політики наступного після нього Президента. «А взагалі, — заявляє він, — в усьому винна Юля»».

«Після прямого влучання невідомої зброї будівля по вул. Грушевського, 9-а знищена вщент. На її місці росте сад, у ньому бігають собаки, білки, співають птахи. Тут дуже приємно гуляти з дітьми. Нам тут дуже затишно», — каже Галя, мешканка Печерська, 43 роки. В руках у Галі мобілка, що грає джаз, і морозиво».

«Газета по-буржуїнськи»

«Партия провинциалов Украины заявила о своём решительном протесте против злостного нарушения прав человека в центре и на окраинах Киева. Были уничтожены культурные ценности, возведённые путем огромных капиталовложений. Во всем произошедшем пресс-секретарь ППУ Анна Немец обвинила злостных политических конкурентов партии, не желающих идти ни на какие компромиссы и отстаивающих только свои клановые интересы. Как заявила она в эксклюзивном интервью «ВД», «мы не допустим захвата власти в столице и в стране отдельной партией, заплатившей бандитам и анархистам за уничтожение частной собственности, право на которую остаётся священным для украинцев. А что касается так называемой анархистской республики Жуков остров, то мы увидим её благополучный разгон силами правопорядка при поддержке армии уже в ближайшем будущем».

Газета «Вчерашний день»

«Виктор Держимордов:

ХАОС НА УКРАИНЕ НЕ ПРОЙДЁТ НЕЗАМЕЧЕННЫМ»

Посол Российской Федерации на Украине Виктор Держимордов выступил с официальным заявлением, в котором провел аналогию между событиями в украинской столице и недавними националистически-террористическими действиями Грузии. По его мнению, сложившаяся политическая обстановка даёт Рос-

сийской федерации все права на внедрение миротворцев для исключительно мягкого, но насильственного принуждения украинских повстанцев к миру, так как ситуация создаёт опасный прецедент. Прецедент, который откликнется эхом прежде всего в столицах других славянских народов. «Геополитические интересы России требуют ныне решительных действий от нашего Президента», — цитируя ведущего политолога Российской Федерации Вилена Дугова, заявил г-н Держимордов. «Украина всё ещё не дала внятного объяснения своей газовой и внутренней национальной политике. Потому мы вправе требовать восстановления исторической справедливости: сворачивания последствий «оранжизма» в стране, привнесённого «пятой колонной» западного масонства, заклеивания подлых преступлений украинских фашистов и скорейшего внедрения второго официального, русского языка в этой самой братской нам славянской стране», — добавил г-н посол.

Напоминаем, что с целью упрочнения дружбы между братскими народами к границам Брянской области уже стянуто два спецотряда «Альфа» и мобилизована 4-я гвардейская танковая дивизия им. Андропова Московского военного округа.

Также г-н Держимордов подчеркнул, что зачинщиками массовых беспорядков в столице братской страны, по данным ФСБ, стали те же лица, которые были замечены в попытке срыва премьеры и бойкоте киношедевра Федота Бондарёнка «Трудно стать олигархом». На официальной странице ФСБ ВКонтакте сам Бондарёнок, отвлекаясь от постановки нового кинобоевика с элементами хоррора «Хищные вещи века», горячо поддержал слова Держимордова и добавил, что «разберётся своими силами с этим Росوماхой и Выгуриным, посмеявшимися провалить премьеру фильма о братской дружбе России, Украины и Беларуси, и теперь заправляющими восстанием голдранцев на Украине».

Напомним, что некие И. Росомаха и С. Выгурин выступили не так давно инициаторами бойкота нового фильма Ф. Бондарёнка на Украине (по причине якобы истощения почв в украинском заповеднике, ныне успешно присоединённом к РФ, вследствие съёмок фильма). Такие недружественные действия Украины привели к колоссальным убыткам компании «Стоп Продакшн». Фильм «Трудно стать олигархом» получил премию «Малина года» в США и все первые места на российском киноконкурсе «ПутинСкар» за лучшие спецэффекты и идейную наполненность.

Комментариев к происходящему со стороны Секретариата Президента Украины пока не поступало.

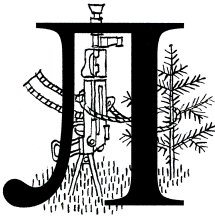
Газета «Lenin's Name Ukraine».

«За останніми даними, київський мер Хам Грядущев назвав Жуків острів вогнищем безладдя та віддав наказ не пускати будь-який транспорт на острів. «Я дуже люблю всіх киян, але цих мерзотників я поставлю на коліна!» — заявив він у ексклюзивному інтерв'ю «УМ». За наказом мера заблоковано в'їзд на територію острова, аби припинити постачання харчів заколотникам. Відповідно до анонімних джерел, запаси їжі у анархістів, котрі зайняли острів, добігають кінця. У лавах заколотників починається зневіра. Але в цілому вони все ще становлять загрозу державі. Ситуація вимагає негайного втручання регулярних військ. Генерал-лейтенант Кузьменко віддав наказ бути готовими до силового примушення повстанців до миру».

*Газета «Україна маленька»,
два тижні від початку подій.*

Глава 20. Республика в осаде

О работе «Фрогса» и заявлениях градоначальника

Лунное сияние лилось на вековые дубы Жукова острова, на палатки повстанцев, на Земляничную поляну, служившую взлётно-посадочной полосой для вертолёт с шаловливыми лягушками, украшавшими его борт. Близилось утро. Кое-где уже подавали голоса горлицы и вороны. Не сомкнули глаз только дежурные, ожидающие вертолёт с гуманитарной помощью с киевской стороны.

Обессиленные голодом и бессонницей парни в камуфляжной форме нетерпеливо посматривали на часы. Прошлый раз вертолёт, прибывший среди бела дня, обстреляли спецслужбы, потому было договорено, что в следующий раз он прилетит на рассвете, в надежде на ослабление слежки. Стрелка часов медленно ползла к четырем часам. Город подмигивал поредевшими огнями и словно посылал повстанцам свои добрые мысли и чаянья.

— Что-то они не летят, — прервал томительную тишину один из дежурных.

— Не так просто сейчас из Киева перелететь к нам, — ответил другой.

— Ну что вы разводите пораженческие настроения? — вмешался третий.

Тем временем бортовые огни вертолёт уже прорезали предрассветную темноту над Днепром. Ребята без промедления зажгли факелы, и вертолёт пошёл на снижение. Одинокая автоматная очередь рассекла предрассветный воздух. «Охранка» не зевала, но прицельно попасть по мишени ей не удалось.

Спустя ещё несколько минут вертолёт завис над островом.

— Привет островитянам! — послышался дружелюбный голос. В первых лучах солнца в люке обозначилась фигура мужчины. Он помахал поселенцам шейным платком ярко-зелёного цвета. Весь вертолёт «заулыбался» стайкой зе-

лёных лягушек-квакш, украсивших его борт. «Frogs» — подтверждала надпись. Вертолёт зашёл на посадку и, подобно жужжащей бронзовке, приземлился на Земляничной поляне. Началась спешная выгрузка ящиков с провиантом и оружием (какие же повстанцы без оружия?).

— Когда-то один олигарх заявил мне, что я всю жизнь буду анархистам патроны подносить. Он говорил это в смысле переносном, а его предсказание исполнилось в самом прямом, — саркастически улыбаясь, поведал мужчина, утирая капли пота с чела.

— Кто вы? — поинтересовался один из дежурных. — Мы вам так благодарны!

— Это мы должны благодарить вас! А разве вы нас не узнали? — послышался женский голос. Из люка выпрыгнул пилот, который, к удивлению повстанцев, оказался женщиной. Она ничем не отличалась сейчас от поселенцев Жукова: в небрежно наброшенной камуфляжной куртке, в брюках свободного покроя и грубых ботинках, рассчитанных на полевые условия, — всё по моде республики Жуков Остров.

— Давайте знакомиться, — сказала женщина. — Елена Волна, а это — Всеволод Киевский, мой собрат по перу.

— Ого! Так вы те самые писатели?!

— Ну, теперь вы знаете, кто доставляет вам еду и патроны. Кстати, к нашей помощи присоединились сочувствующие киевляне, и таких немало... Теперь вам голодать не придётся. Лишь бы автоматчики нас пропускали. Надеюсь, Кузьменко по-прежнему любит наши книги, так что его стрелки и впредь будут промахиваться. Ну, нам пора! Держитесь! До встречи через неделю!

И писатели скрылись в своей воздушной машине, купленной в своё время вскладчину с международной премии «Гуманитарии мира — против любых форм тоталитаризма». У Елены тогда родилось предчувствие, что когда-то вертолётик послужит настоящему делу, и Всеволод охотно поддержал подругу.

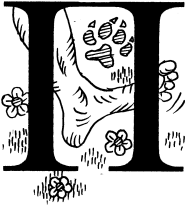
Интуиция не подвела Елену Волну. Премия была потрачена согласно формулировке: «Строительно-административный тоталитаризм в нашем любимом городе требует самых экстренных, причём неординарных мер сопротивления».

Молодые повстанцы с благословения Духа Города в своей наивной искренности сделали то, чего не придумал бы ни один высокооплачиваемый политехнолог. Елена и Всеволод гордились тем, что им повезло жить во времена таких перемен. Не щадя средств, рискуя потерять свободу и даже жизнь, они прилетали на Жуков остров, чудом преодолевая земные и небесные преграды. Они строили вместе с повстанцами новую Республику. Своими добрыми мыслями и деяниями они укрепляли в жителях Жукова надежду, что всё происходящее закончится благополучно и в пользу Лика Города.

И ещё оба писателя искренне надеялись, что оружие, которые они привезли, никогда не будет использовано по назначению.

Глава 21. Босиком по траве

*О джайнизме, нерасшнурованных стилях
и псах, гуляющих босиком*

о воде аки посуху... Хм. Этому нас учат уже две тысячи лет. Правда, мало кого научили. Эх, малoverные... А вот по траве босиком... Это слишком большая роскошь для жителя мегаполиса. А вы пробовали разуться, выкинуть носки и пройтись по свежей росистой траве на рассвете?» — так бормотал себе под нос киевский интеллигент Саша Глумов, собирая обёртки и пластиковые бутылки в траве. Он сегодня был дежурным в лагере. К обеду он должен был предоставить в штаб отчёт о количестве мусора.

Военная дисциплина у граждан республики была отмененная. Воспитанию сознательные анархисты поддавались на славу. Если на первой неделе их пребывания на острове было зафиксировано двадцать восемь «преступлений» в виде выброшенных пластиковых бутылок из-под минералки и конфетных обёрток, то на этой неделе их было только семь. Граждане республики научились не топтаться где попало, но мелкие грешки в виде брошенной бумажки нет-нет, да и встречались. В связи с этим на островитян надвигался очередной гром небесный. Имя этому грому было Иван Росомаха. Он собирался обрушиться на «грешников» с очередной «проповедью».

Иван готовился к лекции, как совестливый преподаватель. Он отыскал в своём ноутбуке написанную им когда-то методичку, на издание которой так и не хватило денег. Файл назывался «О сущности трав». Для широкого читателя предлагалось, правда, другое название: «Не навреди травяному покрову!».

Правда, слова лектора были сплошной импровизацией — всё зависело от настроения, и не только его, но и его слушателей, дорогих ему собратьев-повстанцев.

«Прежде всего, каждый из нас должен осознать, что человек — гость на этой планете, гость в огромном доме

Природы. Не навреди, не наследиди! — добавить бы эти правила к десяти заповедям. Ведь, если разобраться, это весьма полезные назидания, которые неплохо бы с уст священников слушать пастве во время воскресных проповедей. Но увы, придётся это делать мне», — так, задумчиво блуждая взглядом то по кустарникам, то по облачкам в августовском небе, то глядя себе под ноги, где ползали сороконожки, жужелицы и копошились простые солдаты Земли, червячки и муравьи, повествовал Росомаха. Ему на удивление просто удавалось удерживать внимание слушателей.

«Вот у кого бы нам поучиться скромности и трудолюбию, — рёк Аристократ Духа. — Зависимость малых сих членистоногих, которых мы давим своими грубыми башмаками, от матушки-Геи абсолютна. А вы думаете, мы, люди, так уж свободны от её любовных уз? Не-а, нисколечко. Думаете, забрались в многоэтажки и компьютеры, нажрались генетически модифицированных продуктов — и порядок? Эх, в кого же мы превращаемся, относясь таким образом к себе и к мирозданию?» — окинул строгим взглядом свою «паству» Росомаха.

«Правильно, — прочитал ответ Иван на шевелившихся сквозь поросль щетины губах своих единомышленников. — В биороботов! Господи, но как же прекрасно созерцать полёт вот такого дирижабля, — с нежной улыбкой произнес Росомаха в сторону пролетавшей над его головой бирюзовой стрекозы. — Мы здесь у них в гостях. Посему ещё раз напоминаю: прежде всего, мы с вами находимся на территории ландшафтного заказника «Остров Жуков». Не будем же своим поведением спроваживать наших маленьких друзей на страницы Красной книги! Следует ходить по тропинкам уже протоптанным, слышали все? Уже протоптанным. Но, мало того: при этом смотрим под ноги. Если кто-то хочет почувствовать себя свободным зверем — извольте разуться и идти босиком, бережно ступая среди трав, не сминая их. Смотрим при этом под ноги! Не на асфальте ведь! Вот не далее как вчера наш зелёный дозор поймал двух наших граждан (имён не буду называть) по-

зволивших себе слегка забыться. Видите ли, стилы¹ им было лень расшнуровывать... Далее: дежурный Глумов доложил в своём рапорте, что им во время дежурства было найдено семь пластиковых бутылок. Позор. Мы же не рекреанты² какие-то. Ещё о децибелах. Да, птицы уже снесли, вылупились, оперились и многие полетели в тёплые края. Но некоторые виды остались. Да послушайте лучше их пение! Ведь в городе вы таких симфоний не услышите. А бобры, водяные крысы, ондатры... Вы думаете, они слушают техно? Короче, наушники, плиз, вы ведь цивилизованные люди! Ваша свобода не должна ограничивать чужую. Вот, кажется, пока всё. Извините за назидательность, но... Эх, мы ведь жизнью рискуем, защищая Природу! Так имеем ли мы право топтать чью-то жизнь?»

Росомаха выдержал паузу. «А теперь — приглашаю всех отобедать. Аромат ведь невыносимо хорош! — в глазах Росомахи засветились детские добродушные хитринки. — Всем приятного аппетита, в том числе и нарушителям. Надеюсь, бывшим».

«Просветлённые» граждане республики Жуков остров с облегчением устремились к «трапезной». Над пылающими угольями ещё висели котелки, вокруг них хлопотали дежурные.

Росомаха с самого начала проследил лично, чтобы кострища были расположены подальше от деревьев. На месте очага аккуратно сняли слой грунта вместе с травяным покровом. Его бережно перенесли на другое место, вытопанное ранее стадом рекреантов.

¹ Стиллы — разновидность высоких сапог со шнурками, популярные среди представителей неформальных молодёжных субкультур. Являются, наряду с «косухами», «банданами» (у металлистов), чёрными плащами и тёмной косметикой (у готов и готесс), а также прочими атрибутами, отличительным признаком представителей готической, металлистской и прочих субкультур.

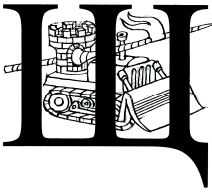
² Рекреант — человек, использующий природу как место отдыха и при этом засоряющий и уничтожающий её. Рекреант, в отличие от туриста, презирает охрану окружающей среды. Термин, получивший широкое распространение среди природоохранников в 2000-х годах.

Еда казалась необычайно вкусной. Осы и шершни тоже получали свои порции, баритонально жужжа над ложками и мисками повстанцев. Некоторые из «пернатых тигрообразных тварей», как шутливо называли их повстанцы, умудрялись деликатно слизывать свою микроскопическую долю прямо с губ некоторых «джайнистов». Их никто не гнал — чтобы не разозлить, и уже никто не боялся. Воцарился относительный баланс экосистемы.

Бродячие псы, прибившиеся к лагерю, помогающие стеречь границы республики, были покормлены заранее — чтобы не смущали обедающих своими выразительными, почти человеческими взглядами. Они уютно свернулись клубочками на полянке и сытно посапывали после ночной смены. Им по траве ходить разрешалось. Босиком!

Глава 22. Экскаватор Духа

О ночной беседе Щорса с Духом Протеста

Щорс так и не уснул в эту ночь. Он сидел у погасшего костра в лагере повстанцев и не сводил глаз со светлеющего купола неба. Там, в письменах звёзд, были зашифрованы все ответы на бесконечные вопросы беспокойных земных жителей.

Палаточный лагерь республики Жуков остров уже давно был погружён в глубокий сон. Бодрствовали только патрули. Их фонари проблёскивали в густом кустарнике, скользя по водной глади Днепра. Иногда раздавался лай собак, помогающих повстанцам охранять границы Республики.

Щорс сидел у тлеющего костра не один. А может, ему это приснилось...

«С-чор-с» — пробовал его имя на вкус ночной собеседник. Ему трудно давались славянские шипящие. Он был иностранец. Звали его Марвин. Марвин Химайер из Гран-би, штат Колорадо. Ему-то Щорс и поведал этой ночью свою нехитрую историю.

Почти каждый из лагеря повстанцев мог бы рассказать нечто похожее: как вокруг знакомого с детства сквера появился забор, как нагло обманывали народ чиновники и застройщики на слушаниях, как впервые вскипела молодая кровь от несправедливости...

А затем пришла простая и ясная мысль: если не работают законы — значит, это война, и я — воин на этой войне.

Иностранный гость задумчиво слушал Щорса.

«Нас учили быть «красивыми и толерантными», — продолжал эковоин. — А тем временем застройщики рубили деревья, воздвигали в наших дворах небоскрёбы, ворующие солнечный свет. Да, нам твердили что-то о правовом поле, а сами нанимали бандитов, и те избивали всех, кто осмеливался противостоять беззаконию. И не в залах купленных торгашами судов, а здесь и сейчас. Ломали руки даже женщинам и детям, обнимавшим свои деревья.

Когда мы стенка на стенку вышли против бандитов, я понял, чем отличаюсь от остальных жителей города и страны. Они по большей части биомасса, а биомасса порождает таких хамов, как Грядущев. Система ставит людей на колени и заставляет их жить «как все».

Но я не смирился и не отчаялся. Я решил, что если мне суждено умереть раньше срока, то я приму это достойно. Впрочем, я не собираюсь умирать. Ещё столько дел не сделано!

Знаешь, после того, как я посмотрел в глаза этим подонкам, мне захотелось их резать, сжигать их поганые стройки дотла. Слава Богу, убивать никого не пришлось. Теперь я понимаю, что это было бы моей роковой ошибкой — ответить на насилие ещё большим насилием. Но свершилось истинное чудо: Дух Города дал нам волшебные мечи, и кровопролития не произошло. С их помощью мы разрушили новостройки, а толстосумы остались у разбитого корыта. Понимаешь, наконец-то эти зажавшиеся были наказаны!»

Марвин слушал и ничему не удивлялся. В свою очередь он поведал Щорсу свою историю, и была она совсем не киевской. Была ли она американской? Она была единственной в своём роде. На то он и был Химайер.

...Марвин держал небольшую автомобильную мастерскую в крохотном американском городке. В своё время он отслужил в ВВС аэродромным техником и починка автомобилей была его родственным занятием. Ведал ли 52-летний американец, что инженерно-технические навыки и военная закалка пригодятся ему совсем не в мирных целях? Больше всего на свете он хотел покоя. Земельный участок под свой малый бизнес Марвин выкупил за 15 000 долларов, продав свою долю в большом автосервисе в Денвере. Итак, тихая провинция, своё дело — много ли надо закоренелому холостяку? Но оказался у Марвина опасный сосед — цементный завод N. И решило руководство завода,

что пора расширить производство, а следовательно, земли понадобилось больше. Повыкупали все прилегающие участки, а вот на Химайере обломали зубы. Видно, были у него свои веские причины для отказа. Взятся он оспаривать дело в суде и проиграл. Началась травля. Сначала к маленькой авторемонтной мастерской перекрыли дорогу, отрезали все коммуникации. А дальше, прямо как у нас: государство спустило с цепи своих церберов в виде налоговой, пожарной, санэпиднадзора... Марвин оказался в изоляции. Несколько месяцев он не выходил из мастерской. Вы думаете, он пил водку и смотрел в потолок? Не тот случай! Нашла коса на камень. Он готовился к настоящей войне, не на жизнь, а на смерть. И как раз в это время в другом городе у него умер отец. Пока Марвин ездил на похороны — чуждая человеческих чувств цементная корпорация сделала свой самый подлый шаг: отключила ему воду, газ, электричество и опечатала его мастерскую. И не по решению суда — а так, чтобы добить мужика. Химайер принял вызов и ступил на тропу войны.

Это случилось 4 июня 2004 года. Из его мастерской выехало бронированное чудовище, которому позавидовала бы любая армия. Полтора года Марвин работал, не покладая рук, превращая свой старый подержанный бульдозер в бронемашину, работающую на поражение. Он обшил его двенадцатимиллиметровыми стальными листами, проложенными сантиметровым слоем цемента. Оснастил телекамерами с выводом изображения на мониторы внутри кабины. Снабдил камеры системами очистки объективов. Поставил в кабине холодильник и запасся провиантом. Не забыл о противогазе. Об оружии и подавно: два «Ругера-223» и один «Ремингтон-306». Химайер знал, что идёт в последний бой: с помощью дистанционного управления он опустил на шасси ещё один броневой короб, заперев себя изнутри.

Как талантливый стратег, он всё спланировал. Сначала он сравнял с землёй здание заводоуправления, заводские цеха и склады. Затем направил боевую машину в город. Смял фасады домов членов городского совета. Снёс зда-

ние банка. Разрушил здания газовой компании, пожарной охраны, мэрии, редакцию местной газеты — словом, всё, что имело отношение к власти, беспощадно давившей его всё это время.

Остановить Химайера было не по силам местной полиции, постреливавшей в его машину из револьверов-девяток и дробовиков. Подняли местных егерей и военную часть. Гранаты, слезоточивый газ — всё было нипочём бронированному монстру. Полиции оставалось только эвакуировать население городка и перекрыть дороги. Когда Марвин решил стереть в порошок свой последний объект мести, его бульдозер завалило обломками крыши, и он заглох. Однако полицейские ещё долго не отваживались приблизиться к боевой машине. Только на следующее утро автогенном раскурочили броню и увидели Химайера, который уже около полусуток, как был мёртв. Последнюю пулю Химайер оставил для себя. По «официальной» версии...

Все пули он, кстати, пускал поверх голов, и ни один человек не пострадал. Зато город выглядел так, будто через него пронёсся торнадо. Цементный завод, который затеял борьбу с частным собственником, понеся ущерб в 2 миллиона долларов, так и не оправился от нападения¹.

Марвин умер, как воин, не сдавшись на поругание врагу. В этой неравной схватке он вышел победителем.

Щорс слушал исповедь Химайера, забыв подбрасывать сухой хворост в костёр. Вскоре угли потускнели и стали остывать, а Щорс и Химайер всё не могли наговориться. Между ними лежал океан, но здесь, в протестном лагере на Жуковом острове, они чувствовали себя братьями.

...Щорс спал, по-детски свернувшись калачиком на влажном от утренней росы каремате... Химайер был где-то рядом. Его неукротимый дух витал везде, где нужно было стереть с лица земли любую застроечную мерзость. Ещё прошлой зимой благодарные эковоины соорудили ему па-

¹ По материалам статьи ru.wikipedia.org/wiki/Химейер_Марвин_Джон.

мятник — нет, не бронзовый и не гранитный, а из стальных секций разрушенного застроечного забора. И не в его родном Гранби, а в столице далёкой страны, о существовании которой Марвин, очевидно, не знал при жизни. Теперь его вольный и беспокойный дух витал свободно по всей планете. И самой яркой, пылающей протестным огнём точкой был сейчас полуостров на окраине Киева, который гордо нарекли *Территорией Духа*. Конечно, Дух Марвина Химайера не мог не учуять этого. Он неслышно ступал босиком по Жуковому острову, боясь примять благословенные луговые цветы заповедного уголка природы. Зато следы протекторов его экскаватора часто замечали на месте застройки.

«Спасибо, Марвин», — прошептал во сне Щорс. Его рука ещё ощущала пожатие мозолистой руки мятежного американца.

Глава 23. «Треба встати і вийти!»

О другом американце — Элтоне Айскримере, незрелом яблоке и испытаниях Жуковым островом

Редактор Гусь, медиа-магнат Обжоров и деятель Шершнёвский уныло пили водку на балконе офиса. Напротив зияла пустота, оставшаяся от новостройки. Вместе со зданием исчезла добрая часть строительных фирм, а среди них и американская дистрибьюторская кампания биодобавок «Христос с вами». Теперь там буйствовала молодая поросль шелковицы, диких груш и сирени. В этих зарослях играли дети, прохлаждались бабушки, бродили собаки и кошки. Подле своего бывшего офиса растерянно слонялся президент фирмы «Христос с вами» американец Элтон Айскрим. Он уже взял билеты на самолет до Нью-Йорка.

Сотрудники соседствующих фирм, чудом очутившиеся на улице после исчезновения высотки, к этому времени успели прийти в себя и разъехаться на свою малую родину: в Хоружевку, Енакиево, Зозив, Завидово, Любимовку...¹ — поднимать экономику родной провинции.

Американец пришёл попрощаться с местом, где некогда находилась его сверхприбыльная фирма. «Какая странная страна, — путаясь в однокоренных словах, размышлял он. — «Страна» от слова «странный» или «стран-

¹ В Хоружевку, Енакиево, Зозив, Завидово, Любимовку... — названия населённых пунктов, в которых родились известные украинские политики. Хоружевка — родина Президента Украины (2004–2010 гг.) В.А. Ющенко. Енакиево — родина Президента Украины (2010 г.) В.Ф. Януковича. Зозив — родина А.А. Омельченко, главы Киевской госадминистрации (1999–2006 гг.), народного депутата Украины VI созыва от блока «Наша Украина — Народная самооборона». Завидово — родина Главы Секретариата Президента Украины (2006–2009 гг.) В.И. Балогги. Любимовка — родина народного депутата Верховной рады Украины VI созыва от Партии регионов Н.В. Чечетова.

ный» от слова «страна»? Вот она, оказывается, какая, эта загадочная славянская душа...» Дальше последовал поток непередаваемых идиоматических выражений, которых иностранец набрался за время пребывания в европейской столице.

— Ну и скатертью дорожка, — угрюмо пробормотал Шершнёвский, наблюдая за бесцельно шатающимся Элтоном, и налил всем ещё по одной. — Предлагаю тост: пусть американцы живут в Америке, запорожцы — за Дунаем, а киевляне — в Киеве. Пусть все живут у себя дома!

«Только где мой дом, вот ещё вопрос...» — подумалось Шершнёвскому.

Из всей компании ему было хуже всех. Его глодала совесть. Не помогала даже водка из закромов Вениамина Обжорова, тем паче, что к горячительным напиткам он был не приучен.

— Господа! — торжественно и мрачно продолжил доморощенный оратор. — Вот что я вам скажу. Я уезжаю.

— Куда? — в тон собутыльнику осведомился Обжоров, пережёвывая солёненький огурчик. Гусь в это время сопел, ища подсказку на дне рюмки.

— Господа, — со значением произнёс Шершнёвский. — Я уезжаю на Жуков остров.

Последовала минутная пауза.

— Ты сошёл с ума! — поперхнулся Обжоров. Огурец выпал из его рук. Гусь закивал, поддакивая.

— Я всё понял. Я более не хочу водиться с уродами, — гнул своё Шершнёвский.

— И кто же тут урод? — насупившись, прошипел Гусь.

— Не в вас дело. Просто все... Просто всем, кто не примкнул к людям на острове, плевать на Киев. И на самих себя. Я так не могу. Я очень жалею, что сразу не пошёл туда.

Шершнёвского было не узнать. Он освободил шею от нелепо свисающего галстука, сбросил шикарный пиджак, подарок Обжорова, затем схватил свой увесистый, изрядно потёртый портфель и ушёл, хлопнув дверью.

Через минуту его длинная фигура показалась на пустынной улице. Он прошёл мимо сквера, возникшего на месте бывшей застройки, и скрылся из виду. Президент американской фирмы горестно посмотрел ему вслед, сорвал с молодой яблоньки незрелый плод и, скривившись, пережевал. «Golod n'e tyotka», — подумал он на ломаном русском.

Утверждали, будто вскоре Шершнёвский был замечен эсбэшниками на Жуковом на стороне повстанцев. Ему удалось пройти через заслоны и поселиться в лагере мятежников. Его белые руки, привыкшие к газетам, листовкам и банкнотам, оказались весьма проворными при заготовке дров и приготовлении нехитрой походной пищи. Шершнёвский заметно повеселел, а его аскетично бледные щеки обветрились и даже зарумянились.

Когда бывший общественный деятель ушёл, Гусь с Обжоровым долго и мрачно глядели друг на друга. Затем, не сговариваясь, налили ещё по одной, торжественно подняли рюмки и чокнулись.

— За упокой, — оговорился Обжоров.

— За старый... в смысле, новый... Киев, — запинаясь, произнёс Гусь.

«Нужно встать и уйти», — нашёптывал ему чей-то знакомый голос. То была его залитая водкой и усыплённая сверхприбылью совесть. Редактор отдела новостей неожиданно для самого себя выскользнул за дверь. Ошарашенный Обжоров услышал его торопливые шаги на лестнице.

А в бедной голове Гуся всё громче звучал мотив позабытой песни. Под волнующие звуки гитары прорывался текст, которого Сёма раньше «не догонял»:

«Наша зла неволя між байдужих свічад
Закінчилась вночі серед літа.
Ангел сніжнокрилий зняв останню печать
І ледь чутно сказав: «Треба вийти»,
Треба встати і вийти,
Встати і вийти,
Нову
Свічу запалити,

Над собою здійняти,
Долю шукати,
Більше
Її не втратити.

Назавжди-назавжди,
Назавжди-назавжди...»¹

Семен брёл наугад по зарослям не по сезону взорвавшихся вдруг буйным цветом акаций. Он даже перепутал переулок и попал на чужую автостоянку. Долго бродил там в поисках своего новенького «Пежо» (подарок Грядущева за правильную позицию во время последних выборов), затем плюнул и пошёл пешком — его недавно приобретённая недвижимость находилась всего в трёх кварталах отсюда.

А песня продолжала звучать в голове, отдаваясь аккордами где-то в солнечном сплетении:

«Келії самотні і молитви палкі
Розчинились у водах світання.
Наші сірі очі, наші руки тонкі,
Наша перша кров і остання.
Ангел чистий співає,
Нечистий стріляє,
Світ
У п'ятьмі потопає.
Треба встати і вийти
Встати і вийти...»²

Семен шёл и плакал. Всё его упорядоченное нутро колыхалось в беззвучных рыданиях в одном ритме с этой песней. Алкоголь испарился, оставив его один на один с собой, и это была безрадостная встреча. Он знал, что в ряды граждан Республики его не пропустят.

До Жукова он так и не дошёл.

¹ Текст песни Костя Москальца «Треба встати і вийти», исполняемой Виктором Морозовым (альбом «Треба встати і вийти», 2000).

² Там же.

Глава 24. «Бог любит даже вас!»

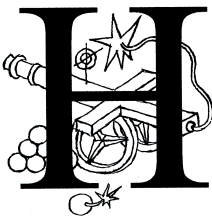
О трудах праведных истинного христианина

Віталій Журавський, 54 роки, заступник Київського міського голови, відповідає за культуру й духовність. Лідер Християнсько-демократичної партії.

— Свій Mercedes S550 я освятив у Києво-Печерській лаврі. Так в автомобілі з'явилася ікона Святої Трійці.

Не раз обіцяв запровадити в школах вивчення закону Божого...

Журнал «Країна», №0, 13 листопада 2009 р.

Н астоятель Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, а в миру депутат Киевсовета фракции «Партія провінціалів України» Пётр Птицын проснулся рано утром и привычно сорвал листок православного календаря. Была пятница, предполагавшая строгий пост для всякого честного христианина, а для церковного служителя и подавно. Пётр досадливо крикнул, посмотрелся в зеркало и назидательно произнёс: «Сытое брюхо... Нет, не так... Пустое брюхо, о! Пустое брюхо до молитвы глухо!». Затем привычным жестом опрокинул стопку водки и заел куском дичи, оставшейся после вчерашнего ужина с Васей Рагулем и Витей Ведьмадчуком, которые вернулись намеренно с «царской охоты» с подобающими их рангу трофеями. После такого «ритуала» не грех было и приступать к делам праведным. Вскоре служебный «Мерседес» слуги божьего нёсся по очищенным от новостроек и свободным от пробок киевским улицам по направлению к Жуковому острову.

Оглаживая золотой крест, болтавшийся на его сытом брюхе, покрытом епитрахилью¹, Пётр с чувством собственной значимости вылез из иномарки на дамбе подле Жукова острова. Его уже ждала толпа бабушек с иконами под предводительством священников в подобающем облачении и се-

¹ Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения христианского священника и архиерея — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

рых персонажей в штатском. Эсбэшники бесцеремонно отеснили дочерей господних, не совсем по-христиански назидая их не усердствовать без отмашки.

Первые ряды церковнопослушных гражданок, стоящие лицом к мятежникам, ещё выше подняли плакат, на котором красовалась выведенная полууставом¹ надпись: «Бог любит всех, и даже вас».

Преподобный благосклонно воззрится осоловелым взглядом на послушную паству, затем перевёл взор на растянувшийся перед ним пейзаж.

— Добро пожаловать в нашу Республику, батюшка! Ха-ха... — слышалось насмешливо и дерзко из лагеря повстанцев.

Дамбу перегораживала колючая проволока, жестяные щиты и какая-то военная дребедень. По ту сторону стояли поселенцы: осунувшиеся, небритые, одетые в джинсовое рваньё. Однако воинственный вид им придавали автоматы Калашникова наперевес. Вперёд выступила небольшая делегация, назначенная Советом Республики для переговоров.

Наместник сменил маску «благосклонности» на маску «праведного осуждения» и приготовился держать речь.

— Сини мої! — изрёк преподобный депутат Партии Провинциалов Украины второго созыва. — Чи не збираєтеся ви йти звідси з Богом, поки вас не примусили?

Повстанцы пристально смотрели Петьке в глаза. Не отвечали. Тот вещал:

— Закликаю вас, схаменіться, дослухайтеся до велінь ваших батьків! Поверніться під Божу ласку, і тоді Бог і влада зглянуться над вами.

— Надо же, Московский патриархат наконец-то удосужился выучить державну мову, — заметил повстанец, стоявший ближе всех к настоятелю.

— Прошу не призывать к национальной розни! — огрызнулся Пётр, опять лихорадочно подбирая маску. — Я пришёл

¹ Полуустав — тип кириллического шрифта, сложившийся в XV в. В наши дни наиболее часто используется в православной богослужебной литературе.

к вам, дабы отвлечь вас от дел греховных, с благословения нашей святой церкви (Пётр воздел очи горè и по просьбам отцов и матерей ваших...

— Мои родители со мной здесь, на острове, — перебил его молодой дерзкий голос.

— Они пришли сюда сами. Для них Киев и природа важнее собственного комфорта, — добавил второй.

— Добро. Тогда не задумываетесь ли вы, что позади меня — армия и милиция? А вы — никто! Вас выметут отсюда, как мусор... Вас отстреляют, как бездомных собак! Опомнитесь! — разорялся слугитель культа.

— Негоже исполнять преступные приказы, — ответил представитель Республики. — А приказ «вымести» нас с острова, тем более отстрелять, преступен изначально, поскольку эта земля принадлежит нам — территориальной общине города Киева, а не кучке буржуев, которых Вы обслуживаете. В самом деле, побоялись бы Вы Бога, батюшка...

— Как смеешь ты, дерзновенный!.. — вскричал церковный чиновник, но его голос потонул в истеричных криках «оцерковлённых», грозящих повстанцам анафемой.

— Если вы веруете в Бога единого Иисуса Христа, — спокойно и безмятежно произнес переговорщик, но его услышал только настоятель, — негоже проклинать, поскольку это грех. А мы здесь, в отличие от вас, не по велению власти, а по воле Господа. — Переговорщик перекрестился и удалился вглубь острова, за ним не спеша последовала вся делегация. На месте осталась только красноречивая шеренга повстанцев с автоматами наперевес, несущая свою вахту на границе Республики Жуков остров.

Церковный митинг не состоялся. Лица «оцерковлённых» были полны раздражения и осуждения. Потоптавшись некоторое время на месте, иерарх церкви Московского патриархата в стольном граде Киеве ринулся к своему «Мерсу» и приказал жать на газ. Манифестанты под предводительством священников погрузились в автобусы. На дамбе остался только плакат, гласивший: «Бог любит всех, и даже вас».

Интермедия

Из дневника Ивана Росомахи

«Приходил человек в рясе. Чего он хотел? Чтобы мы сдали остров Жуков кучке зажавшихся нуворишей, не имеющих совести и чести? А нас, рабов божьих, под белы рученьки препроводили бы за решётку... И застонала бы Природа Жукова острова под экскаваторами, электропилами и земснарядами. Вот чего хотел этот служитель непонятно какого бога с массивным золотым крестом на толстом брюхе. Сильный, властный, в сиянии славы, — против такого ни один мирянин не отважился бы сказать плохого слова. Но почему же свой авторитет он не употребит во имя спасения Богом данной Природы, уничтожаемой человеком? И не удивительно, что на месте парков и скверов множатся церковные здания, уподобившиеся торговым центрам...

Тщетно ожидать милосердия к природе от поклоняющихся Золотому Тельцу. Смешно надеяться, что во время церковных проповедей прозвучит однажды пламенное слово в защиту малых тварей Божьих. Немотствуют здесь служители веры, и едины в этом церкви московского и киевского патриархата, пастыри многочисленных протестантских церквей, католических храмов, мечетей, синагог... Почему не учат они паству относиться к Природе не как к неисчерпаемому ресурсу, а как к Храму Божьему, в котором люди должны быть смиренными детьми, а не алчными монстрами, разрушающими собственную среду обитания? Почему священники не усматривают греха в повсеместном садизме со стороны двуногих к более слабым существам? Можно ли называть человека, бросающего в кровавую мясорубку десятки тысяч видов животных, Богоподобным существом? Разве же Создатель велел своим детям проливать кровь невинных тварей своих, истребляя и друг друга, и всё живое на Земле?

Каким единоклассным молчанием обходят пастыри этот болезненный вопрос, на который никто из них не может дать вразумительного ответа... И как будто не замечают они таких светлых личностей христианского мира, как Франциск Ассизский, Серафим Саровский, Иоанн Павел

Второй... «Блажен, иже и скоты милует...»¹ Ведь звучало же и такое в лоне церкви, но, видно, в мёртвую почву было брошено живое зёрнышко...

И вот открываю моральный кодекс христианина, которую величают «суперкнигой» — и стекает с её страниц кровь жертвенных тельцов и ягнят. И сам Христос, славный сын Божий, рубит смоковницу, потому что та не давала плодов, — чисто как застройщик, пускающий под топор так называемые «самосейки».

А известный трюк по излечению бесноватого... Выгнать из несчастного злых духов, загнать их тут же в стадо свиней и зачем-то истребить ни в чём не повинных животных. Духи-то на то и духи, чтобы быть неистребимыми: они благополучно отправились к себе домой в преисподнюю, а в чём же свиньи виноваты? Кстати, они были чьей-то частной собственностью...

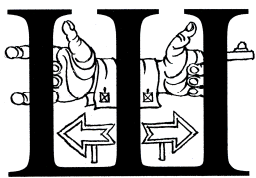
Нехорошие какие-то примеры. Можно оправдывать эту неловкость тем, что великую эту книгу писали люди, а они существа грешные, тёмные и перевирают истину на свою потребу.

...Как слаб Бог на Земле. А укрепляют Его наши добрые и бескорыстные дела. И тогда Он улыбается. Я вижу, как проступает Его улыбка в кронах сохранённых деревьев, я слышу Его голос в пении птиц, чувствую Его благодарность во взгляде спасённого зверя. У него много имён, но в человеческом лексиконе мы находим один размытый и многозначительный термин: Природа. Воистину Природа — прежде всего».

¹ «Блажен, иже и скоты милует»... — название проповеди, опубликованной в Троице-Сергиевой лавре в 1915 г. Проповедь была предназначена для крестьян, которые в подавляющем большинстве безжалостно относились к своей рабочей скотине. Проповедь была написана на основании изречений из Святого писания: «Не презри вола работающего», «Блажен, иже и скоты милует». Она призывала крестьян не только «не бить и не изнурять животных непомерными работами, голодом и холодом», но даже «не бранить и не клясть» их.

Глава 25. Совещение драконов

О том, как решали, посылать на остров группу захвата или «разутюжить» его танками

ло экстренное заседание Киевсовета. Все ждали, пока Хам Грядущев выдаст поток фразеологизмов срамного характера и успокоится. Таков был ритуал. Наконец речь градоначальника вошла в членораздельное русло, в котором идиомы тюркского происхождения встречались всё реже.

— Вы что, не понимаете, что идет война? А война — это... знаете ли... ну, типа, кароче, война... бл..., — вещал градоначальник. — У них автоматы. Да!!! К ним военные присоединились, те, что на пенсии... Квартыры приходили к нам недавно клянчить в новостройках, раскатали губу... Нищebroды, бл... . Так они их там обучили, будьте спокойны. У них там военная подготовка получше, чем в нашей армии. И ещё эти, со спортивных секций, помнишь, Васюля? Те, что митинговали, что поотбирали у них спортивные площадки и помещения для тренировок. Предали нас! Какие корыстные люди — дай им помещения! Я говорю: есть аукцион, если выиграете — пожалуйста. Да, так вот, у них там и кунг-фу, и каратисты всякие, и боксёры эти... да не те, что в блоке, а эти, помельче... Да, бл... Кароче, спортсменов там хватает, драться умеют. И врачи у них профи собрались, круче, чем у нас в Феофании, — те, что из Октябрьской больницы! И менты туда носа не кажут — боятся. Ярмола говорит, что в рядах ментов тоже недовольные завелись, вспомнили этот лозунг «Милиция с народом», бл... А эти агитаторы их подзуживают, дескать, живёте в общезжитиях, как быдло, а защищаете тех, что небоскрёбы в карман кладут. Кароче, плохи наши дела. Дороги перекрыли, голодомор им хотели устроить, так им по воздуху жратву возят! Это всё рука Америки. Надо что-то решать. Я тут тихо так Кузьменку про танки, а он глаза отводит, ждёт отмашки Президента. Государство в опасности!!! Вы понимаете? А Президент не понимает. Ну, какие будут мнения?

В этот момент, видимо, дождавшись паузы, в щёлку приоткрывшейся двери заглянул припудренный носик. Напомаженные губки расплылись в автоматической улыбке номер пять («экстренное сообщение с риском быть вышвырнутой вон»), отяжелевшие от туши реснички испуганно затрепетали, и ангельский голосок прошелестел: «Господин мэр, вам телеграмма!»

— Какая ещё телеграмма?! — рявкнул побагровевший градоначальник.

— Из заграницы. Брюссель, кажется... — пересохшим орифлэймовским ртом пролепетала секретарша, торопливо ткнула во властно протянутую руку бумажку и панически, будто спасая себе жизнь, процокала «шпильками» к выходу.

Шановний пане Грядущев ТЧК Міжнародна спільнота обурена кривавими подіями на Жуковому острові ТЧК Терміново дайте офіційний коментар ТЧК Виїжджає комісія для розслідування ТЧК Депутати Європарламенту ТЧК

В зале заседаний стало слышно, как переваривается в желудке у Васи Рагуля «бефстроганов» из краснокнижного зубра.

— Я знаю, чьих это рук дело, — заявил Сашуля и, выдерживая паузу, добавил. — СБУ уже ими занимается.

— Ну?! — вскричал Грядущев. — Говори, кто!!!

— Писаки эти, Елена Волна и Всеволод Киевский. Те, что вертолётником балуются, вот они жратву этим оторванным и возят. СБУ их ищет, найти не может.

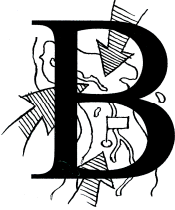
— Ну, допустим. А что с *этим* делать? — потряс бумажкой в воздухе апоплексически красный градоначальник.

— Да, вовремя пришла телеграмма. Мы же танки не двинули, верно? Значит, не дошло ещё у нас до «кривавих подій», всё ж пока только в планах было. Пусть комиссия приедет, мы их примем, и всё будет в лучшем виде.

— Сашуля, готовь ответ! Подашь к концу дня. Всё, хватит на сегодня!

Глава 26. Прямая речь

Интервью Всеволода Киевского
передаче «Публичные люди»

едущая: «Добрый вечер, уважаемые радиослушатели! С вами программа «Публичные люди». Сегодня у нас в гостях лауреаты международной литературной премии «Гуманитарии мира — против всех форм тоталитаризма» Елена Волна и Всеволод Киевский с экстренным сообщением».

Всеволод: *«Добрый вечер, дорогие друзья! Мы хотим сообщить вам сегодня очень важную информацию. Верхушка столичной власти под покровительством Президента и украинского политикума откровенно и бесстыдно грабит киевские земли. Страдают исторические здания города, зелёные зоны, уникальная природа его окраин. Сложилась ситуация, сводящая к нулю какие-либо формы демократического управления в столице и стране в целом. В Киеве правит кучка обогащающихся за счет территориальной общины предпринимателей. Украинская политика стала сегодня выгодным бизнесом, приносящим в минимально короткие сроки сверхприбыли чиновникам и депутатам всех уровней. Таким образом, выборная система исчерпала себя как механизм народовластия. Вследствие сложившейся ситуации, в начале августа небольшая группа протестно настроенных киевлян заняла территорию заказника Жуков остров, розданного незаконным путем под застройку.*

Молодые люди организовали общину, которую они называют республикой Жуков остров, с целью отстоять земли заказника и, собрав достаточное подкрепление, очистить от зарвавшихся олигархов родной город. С дальнейшей экспроприацией накопленных за счет народа материальных ценностей. В настоящий момент юной республике угрожают расправой. Мы просим мировую общественность вмешаться в эту ситуацию...»

Вдруг в радиостудии словно что-то испортилось: слышались болезненные для уха свист, шипение и «хитиновое» потрескивание, словно в спичечном коробке скрёбся гигантский майский жук. В этот вечер эфир не возобновился.

Глушилки советской поры уже давно не работали. Земли в Быковне, где были расположены киевские станции подавления «вражьих голосов», были распроданы под строительство престижных коттеджных городков. Но исчезла и сама потребность в глушилках. В «эпоху демократии» у редакторов включался более мощный механизм, называемый редакционной политикой, самоцензурой или, попросту говоря, инстинктом самосохранения вида человека системного.

Однако радиозапись была растиражирована в считанные часы через Интернет. Находчивые сисадмины наложили на голос Всеволода специфические звуки глушилок: шипение, потрескивание, свист и бульканье, вызывающие у бывших советских граждан ностальгические чувства. Некоторые шутники прибавили к записи «перцу» в виде звуков отдалённых автоматных очередей. Единомышленники и поклонники творчества Всеволода и Елены несли обращение в массы, пропуская его через громкоговорители на улицах, донося до людей правду о республике Жуков остров.

В воздухе пахло революцией, на сей раз — настоящему. Пахло опасностью, оружием и «охранкой». Великий Дух Города парил над толпой, пробуждая в ней уснувшие чувства гражданственности, отваги и неповиновения.

В народе об островитянах ходили легенды. Поговаривали, что в Киев уже приехала комиссия Европарламента из Брюсселя. Она недолго, в рамках официального визита, пообщалась с Президентом страны и с градоначальником, затем отправилась на Жуков остров и не уходила от туда на протяжении суток. Обосновавшись в палатке пов-

станцев, вывесив флаг Евросоюза и усилив охрану, члены Еврокомиссии изучали документы о грабеже столичных земель и разрушении исторических памятников.

Рассказывали, что затем комиссия на вертолёте Елены и Всеволода отбыла в аэропорт, не попрощавшись с градоначальственной свитой.

Впрочем, из Брюсселя пришла, дипломатически выдержанное открытое письмо на имя Президента: «Мы наблюдаем чрезмерно обострённую конфликтную ситуацию, связанную с нарушением территориальной целостности Украины. Обращаем ваше внимание на то, что у истоков конфликта стоят серьёзные социально-экологические проблемы внутри страны. Пока они не будут решены, беспорядки не прекратятся. Настоятельно рекомендуем продолжить переговоры с повстанцами на предмет мирного урегулирования вопроса».

Президент традиционно отмалчивался. Хам Грядущев, перечитывая письмо из Брюсселя, матерно выругался.

Между тем по городу молниеносно распространилась сброшенная с воздуха партия листовок следующего содержания:

«Дорогие друзья! Произошло величайшее событие — нам удалось очистить Лик Киева от скверны. Наступили благодатные перемены. Это случилось потому, что все годы правления хамов мы приумножали свои силы и укрепляли дух. Это происходило тогда, когда киевляне выходили на улицу, чтобы защитить свой парк, детскую площадку, озеро, лес... Когда мы вместе останавливали оголтелых бандитов на наших придомовых территориях. Когда мы холодными ночами дежурили в палатках в ожидании врага, не надеясь на помощь политиков. Каждый этот шаг менял нас, ковал из нас Воинов Духа!

Сегодня Хам Грядущев и его группировка всё ещё остаются у руля. Предыдущий градоначальник Алек-

сей Омела и его поделельники, занимающие сегодня высокие должности в правительстве, также должны отвечать перед законом.

Киевляне не желают больше терпеть власть воров и циничных невежд. По велению Духа Города нами была создана Республика Жуков остров. Это единственный путь спасти любимый город от разрушения.

Республика Жуков остров — это новый тип государства: без произвола, насилия и тирании. Мы все вместе будем править нашей республикой, с уважением к духовному наследию и Богом данной природе. Природа прежде всего!».

После этой листовки масс-медиа обвинили повстанцев в сепаратизме. Власти заклеямили Всеволода Киевского как анархиста, правые осудили за «оголтелую левизну», левые — за «продажность американскому империализму», а Православная церковь Московского патриархата просто предала анафеме.

Особое мнение от имени прогрессивной общественности и людей доброй воли изложил Лаврентий Палыч Полисученко: «Я лично, хоть их книжек не читал, но скажу¹: поведение известных писателей заслуживает всяческого порицания и противоречит нормам Закона «О защите общественной морали». Наша комиссия давно следит за так называемым творчеством этих деятелей пера и считает нужным и даже необходимым изъять их книги из библиотек, книжных магазинов и даже частных коллекций во избежание растреления подрастающего поколения».

¹ Аллюзия на травлю Бориса Пастернака. Фраза «Не читал, но осуждаю!», прозвучавшая на заседании правления Союза писателей СССР в 1958 г. по поводу публикации «антисоветского» романа «Доктор Живаго», стала символом стадного поведения, типичного для граждан тоталитарного государства.

К возмущённому хору власть предержащих присоединилась Всеукраинская ассоциация либертарных феминисток, которые в своей декларации, торжественно зачитанной на пресс-конференции в ХУЛИАНе, назвали Елену Волну «предательницей феминистических идеалов». Г-жа Эммануэль Мурсалова, как председатель ассоциации, вспомнила комсомольское прошлое и преисполнилась «патриотическим» духом. По такому случаю она появилась перед камерами даже без привычного гламурного макияжа. В нужных местах сменяя металл в голосе на трогательную дрожь, она озвучила позицию передовых женщин мира: «Эту женщину мы готовы были вознести на знамёна нашей священной борьбы за освобождение общества от ига мужчин. Но она показала нам своё истинное лицо, предав идеалы феминизма и перейдя на сторону оголтелого анархо-сексизма, продав себя империалистическому патриархату!».

В тот же день «Партия состоятельных матерей и жён» с трибуны Верховной Рады заклемила Елену Волну, обвинив ее в «аморальном образе жизни», в подрыве православных традиций и посягательстве на священный кодекс Состоятельного гражданина.

Президент традиционно отмалчивался.

Глава 27.

«Они достойны править городом...»

Сражение сил Света с силами Тьмы продолжается

лавик Выгурин спал в палатке в военном лагере Республики. В предрассветных сумерках он внезапно проснулся, будто от толчка. Чувство тревоги охватило его. Казалось, вот-вот должно произойти нечто очень важное. Он вышел наружу, долго вглядывался в далёкие огни города, прошёлся вдоль пограничной линии, переговорил с ночным патрулём. Все были на своих местах, все бодрствовали. Выгурин немного успокоился и вернулся досыпать.

В полудрёме его посетило странное видение. Как обнаружилось позже, Линк-Линк той ночью видела то же самое.

...Над Ликом Киева, устремившим свой взор на восток, склонились два огромных силуэта. Два духа созерцали очертания города и вели меж собой беседу, напоминавшую дуэль.

Первый, прекрасен ликом, в светлых одеждах, мерцающих в темноте, был хорошо знаком Славику. Это был Дух Города Киева. Лицо второго было скрыто во тьме, но время от времени багровое пламя вспыхивало в его глазницах, вызывая содрогание каждого, кто это видел. С тёмным духом юноша тоже успел познакомиться. Это был Служитель Тьмы, пытавший его и Линки в начале войны.

Обе сущности ожесточённо спорили. Накал их страстей высекал искры, мерцавшие в ночном небе.

Дух Тьмы вопрошал у Духа Киева:

— Посмотри! Разве способны эти люди править Городом? Это же разрушители, варвары! На месте зданий из стекла и бетона по их милости теперь буйствуют заросли кустов и деревьев. Дай им волю — они всю планету верну-

ли бы назад, к первобытному торжеству дикости и животных инстинктов! Разве этого ты хотел? Ведь без Города не будет и тебя, не будет твоего Лика!

— Я избрал этих людей и отдал им право вершить порядок и созидать Киев, — спокойно отвечивал Дух Города. — Они исцелили мои раны, нанесённые твоими припешниками по воле твоей. Я стою на своём: люди с Жукова Острова достойны править Киевом хотя бы потому, что никогда не стремились властвовать и обогащаться. Республика Жуков остров, которую они создали, — это воплощение государства будущего. Это поистине Территория Духа.

— А не хочешь ли ты, чтобы эти вооружённые мечами бунтовщики стёрли с лица земли все здания окончательно? Ведь, по их мнению, постройки уродуют твой Лик!

— Нет. Не все здания построены на крови и обмане. Они убрали всё, что по нраву тебе, но они восстановили то, без чего я теряю своё лицо, теряю своё имя...

— Много ли ты видел таких идеалистов? Большинству наплевать на твой Лик! А не лучше ли тогда оставить Киев без людей? Чтобы город опять стал лесом, а новые здания вовек не появлялись!

В мыслях служителя Тьмы Дух Города узрел картину: бункер, хранящий смертоносную боеголовку. Пальцы, поворачивающие стартовый ключ, и маленький незаметный взрыв над столицей...

— Нет! Ты не посмеешь! — воскликнул Дух Города. — Теперь Ангелы Небесного Воинства имеют своё подкрепление на этой грешной земле. Я избрал им на подмогу тех, кто знает меру. Тех, кто слушает мой пульс и не причинит мне зла. Они — мои стражи в том мире, где правил ты. Но твой час миновал. Прими же, как подобает воину, своё поражение!

Но служитель Тьмы продолжал гнуть своё, будто не слыша призывов Духа Города:

— Достойны ли эти люди такого уважения с твоей стороны? Для них ценнее так называемая природа, трава и камни, чем окультуренная зодчими земля!

— Кого же ты называешь зодчими? Твоих приспешников, которые в погоне за Золотым Тельцом продают мою землю пядь за пядью и воздвигают уродливые многоэтажки? Имя им — временщики, поражённые болезнью стяжательства и власти. Их время уходит. Ты питаешься их алчностью. Но эпоха тотальной жадности минует — ибо и это не вечно под луной. Теперь в свои права вступают люди с Жукова острова. Их сила в том, что они свободны от рабства материальных наслаждений. Теперь мы вместе. Наступает *наше* время. Мы уже создали Территорию духа.

— Ты сказал. Пусть сила решит, кто будет править Киевом.

В эту минуту кто-то тронул за плечо Славика и Линк-Линк.

— Услышьте меня! Вставайте! Возьмите мечи и сражайтесь!

...И это уже был не сон.

Над Жуковым островом шли на посадку вертолёты. Дух Тьмы послал приказ Хаму Грядущеву и Президенту страны пренебречь законом, мнением международной общественности, простой человечностью... Силовики стягивали отряды со всего города. По спящим улицам Киева в сторону Жукова острова шла тяжёлая техника.

Однако не дремали и мятежники. Вся многочисленная армия повстанцев, подпитанная теми киевлянами, в которых остался ещё дух свободы, мужества и братства, выстраивалась у границ Республики. Воины получали последние наставления своих командиров.

В руках у Славика пламенел меч. Он чувствовал его силу и источаемое им тепло. Выйдя из палатки, он увидел Линк-Линк, стоявшую на площади в кругу шатров с таким же божественным оружием. Она неистово провозглашала молитву Всевышнему.

На границе Киева и Республики Жуков остров группировались войска. В небе грозно гудели военные вертолёт-

ты. Водную гладь рассекали катера, гружённые людьми цвета хаки. Воины Республики строились в шеренги, готовые отразить атаку врага с Небес, с Тверди Земной и с Вод Днепра.

Но ещё раньше, вечером, из Борисполя в Брюссель вылетел на переговоры частный самолёт, разрисованный танцующими лягушками. А над городом, особенно в его юго-западной части, ближе к Жукову острову, среди ночи наблюдалось яркое свечение. Как будто какой-то исполинский небожитель направил свет своей лампы на Территорию Духа, пытаясь то ли рассмотреть, то ли согреть её. А с небес, — и это слышали уже все киевляне, — лилась тихая торжественная музыка органа. Это был военный гимн, которым Дух Города напутствовал войско града небесного на защиту воинов града земного.

Всё только начиналось.

Глава финальная.
«Памятник (не)забытым велосипедам»
О приглашении на кофе и парадоксах времени

Всеволод Киевский и Елена Волна, наслаждаясь утренней свежестью, не спеша поднимались по Андреевскому спуску со стороны Боричевого Тока. Их ноги, обутые в лёгкую спортивную обувь, с наслаждением ощущали сквозь подошвы старинную мостовую.

Солнце едва коснулось окошек невысоких домиков Андреевского. Было безлюдно, только кошки приветствовали проходящую пару маячками своих загадочных глаз. Елена и Всеволод были опять вместе — они задумали новую повесть. Писатели пришли сюда на рассвете, в их любимое время встреч, чтобы послушать биение сердца Старого Города и услышать его благословение на творчество.

В маленьком кафе уже с раннего утра слышалась возня. Заспанная девушка подметала порог заведения, вывеска которого гласила: «Территория Духа». Елена и Всеволод обратили внимание на табличку и остановились в растерянности. Девушка услышала их удивлённые возгласы и радостно замахала им рукой:

— Елена Михайловна, Всеволод Лукич! Идите же сюда! Ой, как будет рад хозяин!... Я сейчас вам кофе сварю.

Всеволод и Елена смущённо переглянулись и не смогли отказаться от искреннего приглашения.

— Вы так рано открываетесь!

— Да мы никогда и не закрываемся. Мы всегда рады влюблённым парочкам, которые бродят здесь по ночам. Походят, пообнимаются, а холодно ведь ночью, с Днепра дует... А куда им идти? Вот они и к нам. Так было задумано. Мы ведь недавно открылись. Вас искали, чтобы пригласить на открытие, но вы опять в Брюсселе были... Смотрите меню, а я пока хозяина позову.

Всеволод и Елена пробежали глазами поданное меню.

Кофе «Всеволод Киевский» со сливками и орехами.

Коктейль «Елена Волна» со свежими фруктами.

Салаты: «Жуков остров», «Вкус свободы», «Верни себе город».

Бутерброд «Природа прежде всего».

Торт «Ковш Химайера».

Десерты: «Республиканский», «Радости Брюсселя», «Фрогс по-вегетариански».

Гости посмотрели вокруг. На стенах этого уютного заведения в стиле «постмодерн» ютились фотоснимки времён установления республики Жуков остров: небритые, ликующие повстанцы с автоматами Калашникова наперевес; вертолёт с лягушками и разгрузка гуманитарки; палатка с флагом Евросоюза; Грядущев и Омела в зале суда, в клетке; радостные лица киевлян, приветствующие героев Жукова острова; танцующая на мостовой пара влюблённых; снимки восстановленных старинных зданий в золочёных рамах; прекрасные, вдохновенные лица эковоинов с Жукова крупным планом...

— Смотри-ка, конъюнктура работает, — придирчиво начал было Всеволод.

— Ну что же в этом плохого, Слава? — примирительно прикоснулась к его руке Елена. — Ведь это кафе продолжает хранить дух молодости и свободы, такой неотёсанный ещё, небритый, бесприютный дух... Ну, пригладили его немножко, приручили. Но в целом же всё хорошо! Журналисты уже всё сказали, люди уже всё забыли, — ведь всё уже утряслось. А здесь хранится память. Это лучше, чем музей. Влюблённые приходят сюда и подпитываются этой атмосферой. Это же прекрасно! Жизнь продолжается.

— Ну ладно-ладно. Могу же я поворчать немного, — Всеволод улыбнулся и поцеловал Елене руку.

Тем временем из недр помещения вынырнул Хозяин заведения. Им оказался внушительный мужичок с Че Геварой на брюшке, в ковбойских сапогах и с собранным в пу-

чок длиннющим хаером¹. Он шёл с распростёртыми объятиями, и его покрытая стильной щетиной физиономия расплывалась в счастливой улыбке. «Олдовый² хиппи», — подумалось Всеволоду, утопающему в его крепких объятиях. «Неужто Щорс?» — осенила догадка Елену.

— Узнаёте? — спросил Щорс (а это таки был он!)

Сколько же воды унёс могучий Днепр с той поры? Впрочем, разговоры о времени давно стали темой для сводок новостей и исследований учёных. Оно двигалось причудливыми спиралями и резкими скачками, возвращаясь и вводя в заблуждение обалдевшего обывателя. Привычное его измерение уже давно казалось анахронизмом. Часовые заводы поначалу терпели неустойки, а потом стали выпускать продукцию с двойным циферблатом, один из которых был отмечен аббревиатурой «ТД», что означало: Территория Духа.

Сколько проговорили Щорс, Всеволод и Елена, путешествуя во времени, трудно было сказать. Часы упрямо показывали всё те же семь утра. В потоке воспоминаний о великом прорыве, именуемом «Республика Жуков Остров», были стёрты все барьеры между обуржуазившимся анархистом и увенчанными лаврами писателями.

— А я-то думал, что вам тогда, под могильной плитой, кранты наступят...

— Да, хороший экзамен нам устроили. Думал, не выдержу, ей-богу...

Щорс призадумался и прямо взглянул в глаза Всеволоду, затем Елене.

— А знаете, ребята, ведь и слава вас не испортила. О вас многое говорили, но я-то сразу понял: не за пиаром вы тогда гонялись, когда на вертолётике своём гуманитарку нам подбрасывали. Жизнью ведь рисковали. Спасибо Вам, что не скурвились! Как говорится, испытание медными трубами прошли.

— Это тебе спасибо, брат! Всем вам спасибо...

¹ Хаер (*англ.* hair — волосы) — длинные волосы, присущие представителям хиппи и рок-субкультур (*жарг.*).

² Олдовый (*жарг.*; *от англ.* old — «старый») — в данном случае: сохранивший атрибуты субкультуры; оставшийся верным «традициям» субкультуры, несмотря на возраст.

Гости неторопливо пили крепкий «Всеволод» со сливками и орехами, задумчиво смотрели в окно, на пустынный спуск, по которому шли в обнимку юные влюблённые, оба — неформально одетые, бесшабашно улыбающиеся. В моду опять входили белые платья времён псевдосеребряного века. Девушкам такие платья всегда были к лицу...

Всеволод вдруг заулыбался.

— Елена, а помнишь... мы ведь велосипеды тогда забыли у стен Десятинной церкви?

— Да, слишком много событий тогда накатило, работы было невпроворот. И время... Время-то как с цепи сорвалось! С трудом укладывается в голове...

— Сходим сейчас к Десятинной? Как раз по дороге.

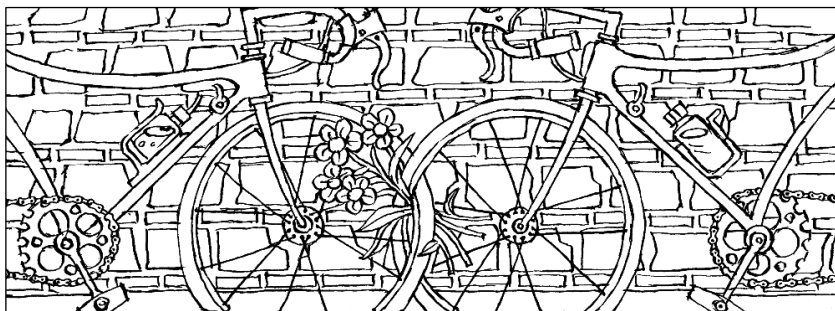
— И ты думаешь, они там до сих пор стоят?

— Посмотри, Елена! Смотри сюда! — заволновался вдруг Всеволод. — Вот они, наши велосипеды! Нашлись!

В раме красовалось фото крупного формата: велосипеды, прислонённые к стене Десятинной церкви, вмурованные в цементный пьедестал. К памятнику или к церкви (на фото было непонятно), преклонив колени, возлагали цветы молодожёны.

Надпись на пьедестале гласила:

«Памятник (не)забытым велосипедам».

Как создавалась книга «Территория Духа»

Однажды наш друг с ярко выраженной гражданской позицией, взирая на картину циничного грабежа киевской земли, воскликнул: «Эх, какой богатый сатирический материал пропадает! Где же вы, нынешние сатирики?..»

Прошло совсем немного времени, и эта мысль обрела зримые черты. Но нам не хотелось ограничиваться одной лишь сатирой. Ощущая Город как прекрасный организм, поражённый страшной болезнью, мы понимали, что Дух Города остаётся недостижимым для его угнетателей, поскольку он нематериален и невыразим в денежном исчислении. Его нельзя покрошить на земельные участки и «поиметь» с него сверхприбыль.

Эту книгу нам помогала писать наша Природа, которую мы ценим *прежде всего*. Мы благодарны ручьям, рекам и морям, деревьям, дождям и ветрам, небесам, облакам и радугам... Птицам и белкам, стрекозам и жукам, ящерицам и ежам, змеям и лягушкам, волкам и зубрам, летучим мышам, дельфинам и даже змеям, крысам и акулам... А также самым приближённым к человеку, и страдающим от этой опасной близости бездомным собакам и кошкам, за права которых мы выступаем. Благодарны горам возрастом в миллиарды лет, каменным бабам, охраняющим загадочный заповедник «Каменные могилы», Киевской крепости и её капонирам, заповедной Лысой горе в Киеве и львовской Замковой горе...

Но больше всего нас вдохновлял протестный дух киевлян, которые без устали ведут свою партизанскую войну против административно-строительной мафии. Они бросили вызов силам тьмы, безотчётно или осознанно подчиняясь приказу Духа своего любимого города.

Во время написания книги авторы чувствовали себя простыми солдатами Духа Города, получившими сверхурочное задание.

Мы не раз бывали в рядах наших соратников на протестных акциях: у Аскольдовой могилы, на улицах Уманской и

Лукьяновской, перед киевской мэрией... Иногда приходилось вместе с коллегами-журналистами освобождать задержанных милицией собратьев, защищающих город от застроечных варваров. С душевной болью и горечью мы фиксировали на наши камеры поваленные столетние дубы на Жуковом острове и на живописных лугах Конча-Заспы. В такие минуты становятся понятными чувства наших сограждан, которые от сдержанного протеста перешли к прямому действию.

Мы всегда на стороне тех, кто отважился взобраться в знак протеста на строительный кран над Аскольдовой могилой и улицей Гончара, кто валил застроечные заборы на Кристеровой горке и Совских прудах, на улице Березняковской и в других поруганных застройщиками киевских местах, счёт которым идёт на сотни. Мы с теми, кто не спит ночами, неся вахту на своих придомовых территориях.

Авторы понимают, что одной лишь демонстрацией мужества и неповиновения невозможно раз и навсегда победить драконов, пожирающих наш Город. Пока нам и нашим единомышленникам удаётся побеждать драконов в самих себе. Но есть надежда, что мы вместе одержим победу над силами тьмы, воплощёнными в представителях нынешней власти. И эта книга — ещё одно слово в защиту Киева.

Киев — Львов — Заповедник «Каменные могилы» — Киев

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	8
Глава 1. «Кошкин дом».....	12
Глава 2. Ночная подземка.....	16
Глава 3. Одиннадцатая заповедь.....	20
Глава 4. «Новостной» отдел.....	24
Глава 5. Уволить журналистку.....	26
Глава 6. Стройка, где похоронили Бога.....	30
Глава 7. Дикорастущие деревья.....	33
Глава 8. Аппетит драконов растёт во время еды.....	36
Глава 9. Иной город.....	47
Глава 10. Защита Леса.....	56
Глава 11. «Парасенко заказали».....	61
Глава 12. «Киевский базар».....	63
Глава 13. «Киеву наступит полный ХУК».....	68
Глава 14. Стихиали леса.....	71
Глава 15. «Однажды мы сбились с пути...».....	74
Глава 16. «Исцелите мои раны».....	79
Глава 17. Испытание страхом, а также искушение благами мира...83	
Глава 18. Республика «Жуков остров».....	90
Глава 19. «Адам и Ева».....	94
Глава 20. Республика в осаде.....	105
Глава 21. Босиком по траве.....	108
Глава 22. Экскаватор Духа.....	112

Глава 23. «Треба встати і вийти!».....	117
Глава 24. «Бог любить даже вас!».....	121
Глава 25. Совецание драконов	126
Глава 26. Прямая речь.....	128
Глава 27. «Они достойны править городом...»	133
Глава финальная. «Памятник (не)забытым велосипедам»	137
Как создавалась книга «Территория Духа»	141

**Андрос Олег Евгеньевич,
Комарова Анжелика Евгеньевна**

Т Е Р Р И Т О Р И Я Д У Х А

В авторской редакции

Дизайн обложки

С.В. Пионтковский

Рисунок на обложке

Н.Е. Жураковская,

Иллюстрации

О.П. Смаль

Оригинал-макет

Б.Н. Марковский

Отзывы о книге присылайте по адресу: androsland@inbox.ru

Издания Союза свободных журналистов «Природа прежде всего!»
можно заказать, посетив сайты

<http://www.andros.wol.bz>

<http://www.kyiv.in.ua>

Подписано в печать 29.08.2010. Формат 60x88^{1/16}.

Усл.-печ. л. 8, 7. Печать офсетная. Заказ 237.

Тираж 200 экз.

